

Тимур Ермашев

ВОСКРЕШАЮЩИЙ ЛЕГЕНДЫ

12+

АЛМАТЫКІТАП

Тимур Ермашев

Воскрешающий легенды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31511929

SelfPub; 2018

Аннотация

Фантастическая повесть казахстанского писателя Тимура Ермашева переносит читателей в эпоху борьбы казахского народа против джунгарских завоевателей, о которой решил написать роман центральный герой книги Максат Сартаев. Чудесным образом оказавшись в гуще событий собственного повествования, он вместе со своим другом Жекой вступает в ряды казахского ополчения и участвует в сражениях. Захватывающий приключенческий сюжет, авторская фантазия, простой и понятный язык делают книгу увлекательной и приятной для чтения.

Содержание

От автора

У каждого народа есть легенды, которые передаются из уст в уста, из поколения в поколение. Предания о дружбе и любви, о мужестве и благородстве.

Эту легенду мой народ хранит уже больше трех столетий. И если греки навсегда сохранили в истории битву при Фермопилах трехсот спартанцев царя Леонида, то у казахов есть не менее героическое Орбулакское сражение, обессмертившее имя будущего хана Жангира.

Народная память не дает вековой пыли осесть на летописи тех далеких дней. Это повесть о бесстрашных степных витязях, не побоявшихся плечом к плечу встать против грозного врага. Их имена золотыми буквами вписаны в историю молодой казахской нации.

Глава 1. Недописанный роман

«Никогда прежде Жека не чувствовал себя таким одиноким. Он снова оказался здесь. На этом громадном белом листе бумаги. Только теперь рядом не было Макса. Его теперь вообще нигде не было. Эта мысль угнетала больше всего. Макс ведь был ему не просто близким другом. Он был той нитью, которая еще связывала весь этот бред с реальным миром. Миром, где потеряться и найти друг друга одинаково сложно. Миром, где все ненавидят чиновников-казнокрадов

и одновременно хотят ими стать. Миром, где слово “человек” стало единицей исчисления, а не званием, которое нужно заслужить. Это был его мир. И он был частью этого мира.

А потом этот скачок во времени (или что это вообще такое?), непонятные люди с непонятными целями. Казахи, ойраты, батыры, сарбазы... битвы, ужас, боль, смерть... А что теперь?.. Перед глазами до сих пор стояли стеклянные глаза друга, слепо уткнувшиеся в небо.

Какая-то странная пустота заполнила душу. Страх перед неизвестностью, боль утраты, ненависть к людям, убившим Макса, – ничего этого уже не было. Лишь одна сплошная пустота.

Жека не знал, как долго он здесь, поскольку ощущение времени ушло вместе с осознанием пространства. Все то, что происходило с ним до этого момента, казалось чем-то нереальным. Выдуманным. А может, он все это время спал? Может, ему приснилось, что зовут его Евгений Юрьевич Маслов? Что живет он в славном городе Алматы. Что в этом сне у него был друг детства – Максат Сартаев, который решил стать великим писакой...»

На этом месте Макс оторвал взгляд от монитора. Возможно, про друга – это лишнее. Он выделил последнее предложение. Указательный палец завис над клавишей «Delete».

В этот момент по всей поверхности компьютерного стола пробежала вибрация. От неожиданности Максат вздрогнул. Он ненавидел телефон за эту функцию, но почему-то поль-

зовался ею постоянно.

– Алло! – раздался в динамике знакомый голос. – Алло, Макс, это я. Жека.

– Кто? – автоматически переспросил Максат, чувствуя что-то неладное.

– Брат, я только в себя пришел, – послышалось дальше. – Заедешь ко мне?

– Да... – растерянно промямлил в трубку Макс. – Заеду... то есть... скоро буду. Жди!

Макс отключился и застыл на месте. Он узнал звонившего. Этот голос он не мог не узнать. Но что-то не давало ему покоя. Что же?

Когда мысли наконец прояснились, Сартаев машинально прикрыл рот рукой. Речь – вот что его удивило. Нет, Жека не сказал ничего удивительного или противоестественного. Наоборот, этого звонка с незнакомого номера Максат ждал очень долго. Три месяца его самый близкий друг находился в коме, и никто не давал гарантии, что Жека вообще вернется к нормальной жизни. И вот...

Его речь была нерусской.

До аварии Жека, как он всегда любил повторять, знал только два языка: русский и русский матерный. Изо всех сил подражая брутальности Брюса Уиллиса, он даже гордился скудостью собственных лингвистических способностей.

Впервые за три месяца Максату удалось пообщаться с другом. Но говорили они... на казахском языке!

За три месяца до этого

Жека трясся за рулем четвертый час. Его уже начинало клонить ко сну. А вот Макс (черт его побери!) был бодр и свеж. Зачем он только согласился на эту авантюру! Звучно зевнув, Жека перевел взгляд с наскучившей однообразием дороги на своего пассажира.

– Макс, вот на фига мы с тобой премся туда?

– Заколебал ты, Жека! – отмахнулся Макс. – Сколько раз тебе еще объяснять!

– Да я понять не могу. Как можно из-за какого-то поста на форуме ехать куда Макар телят не гонял?

– Щас, погоди.

Макс полез в карман своих узких джинсов за айфоном. Чтобы вытащить заветный гаджет, пришлось оторвать пятую точку от сиденья. Когда ему наконец удалось извлечь телефон, Макс выполнил несколько нехитрых манипуляций и протянул его Жеке.

– Старик, я ведь не хамелеон: я не могу смотреть в разные стороны одновременно. Читай сам, а то мы слетим с этой трассы к чертовой матери.

– Ладно, слушай! – быстро согласился Макс и с деланной интонацией начал читать. – «Наткнулся на вопиющий факт необъективного освещения джунгаро-казахской войны на сайтах “Википедии” – одного из самых признанных и ав-

торитетных интернет-ресурсов...» Так, это тебе неинтересно... – резюмировал за друга Макс. – Вот, слушай, с чего началось обсуждение: «Представьте, что будет думать сторонний человек, прочитавший статью, написанную проказахским историком и выложенную в “Википедии”. Становится смешно, как они описывают это противоборство: “Орбулакская битва – эпизод джунгаро-казахской войны, в ходе которой в 1643 году казахи во главе с Жангир-ханом и Жалантос-батыром одержали решительную победу над армией Эрдэни-Батура. Сражение, показавшее доблесть казахских воинов, сравнимую только с храбростью 300 спартанцев”. Сразу видна проказахская позиция! И таких заявлений масса!»

– Ну и?.. – не понял Жека.

– Что «ну и»? Разве ты ничего не понял?

– Да понял я все. А чего ты хотел? Это другой народ. У них свои взгляды на историю.

– Жека, дело в другом. Я не собираюсь вступать с кем-то в псевдонаучную полемику. Главного ты все-таки не понял. В то время как калмыки пытаются реабилитироваться за поражение четырехсотлетней давности, многие казахи даже не знают, что такое сражение вообще было. Короче, я об этом книгу написал. Но ее нужно дополнить описанием места событий. Теперь ясно, зачем мы туда «премся»? Или опять тупить начнешь?

– Да ясно, ясно, – сдался Жека. – А долго мы там торчать

будем? Мне к вечеру нужно быть в городе.

– Пока не знаю. Сначала доехать надо.

Повисшая пауза вскоре переросла в затянувшееся молчание.

– Давай хоть музыку послушаем, – предложил Жека и стал водить пальцами по сенсорному монитору магнитолы. Тут же по всему салону разошлись вибрирующие волны звука мощных колонок. Приятный женский голос запел в джазовом стиле:

«Деньгам любви не помешать,

Пусть идут к чертям...»

Жека посмотрел на друга и поинтересовался:

– Слышал?

– Так себе песня, – отмахнулся погруженный в свои мысли

Макс.

– Да что ты понимаешь! – обиделся Жека.

Его всегда обижало, если кто-то не находил изысканности в его музыкальных предпочтениях.

Максат в этом плане был полной противоположностью. Он не сходил с ума от музыки, родившейся в лабиринтах американского гетто. Но наличие в числе близких друзей Жеки, известного своим равнодушием ко всему, что связано с темнокожими, исключало возможность его увлечения другой культурой. Впрочем, Макс не возражал. Тем более что изредка ему приходились по вкусу некоторые композиции.

– Это же Карандаш! У него что ни трек – бомба! На вот. Эту зацени.

Жека отвел взгляд от дороги, чтобы найти на дисплее нужную композицию. Черная «Камри», в которой сидели парни, успела к тому времени набрать приличную скорость и неудержимо мчалась к слепому повороту.

– Жека, смотри! – в ужасе заорал Макс.

Он тарашил глаза, тыча пальцем в лобовое стекло. По встречной полосе прямо на них неслась вынырнувшая из-за поворота старушка немецкого автомобилестроения. Жека решился на отчаянный шаг: чтобы избежать столкновения, дернул руль вправо. «Ауди» промчалась в считанных сантиметрах от багажника.

Сначала был сильный удар в днище. Затем машина полетела кувырком. Когда искореженная иномарка снова оказалась на колесах, и пассажир и водитель были уже без сознания.

Глава 2. Послы

Уже солнце садилось за древними горами Баянаула, а Мирас все не спешил возвращаться домой. Он не сводил глаз с юрты бия Кульмагамбета. К главе рода Каржас еще днем приехали гости. Мирас знал это, потому что видел их: трое богато одетых мужчин в сопровождении десятка вооруженных жигитов. Судя по запыленным сапогам и одежде, прие-

хали они издалека. А значит, гости не из их племени.

Мирасу исполнилось семнадцать, но он до сих пор не обзавелся семьей. Многие из его сверстников уже давно обосновались в собственных юртах, а он все еще жил в доме матери. Отца у Мираса не было. Старик Культай умер, переживая свой четвертый мушель¹.

В большой семье Культая Мирас был самым младшим – восьмым ребенком. По иронии судьбы он стал и первым отпрыском мужского пола. Всевышний здорово подшутил над его родителем, подарив ему семь дочерей к ряду, а долгожданного сына – лишь после смерти. Первой из дочерей, родившейся на следующий год после того, как Культай поднял свой шанырак², счастливый отец дал имя Ансаган, то есть «желанная». Вторую нарек Ботагоз («глаза верблюжонка»), третью – Айзере («золотая луна»). Когда на свет появилась четвертая дочь, терпение стало покидать Культая. Последовало весьма предсказуемое пожелание, заключенное в имени девочки: Улболсын («Пусть будет мальчик!»). «Нет», – решил Творец, и пятая дочь получила имя Улдай – «как мальчик». Попытки зачатия продолжателя рода не прекращались. Культай упорствовал. С надеждой поднимая на ру-

---

¹ Традиционная градация этапов человеческой жизни у казахов. Каждый мушель (кроме первого) включает в себя 12-летний жизненный цикл. Первый мушель длится один год (здесь и далее – примечания автора).

² Круглый деревянный обод со скрещенными внутри жердями, который удерживает остов юрты. У казахов и киргизов является семейной реликвией, символом домашнего очага и продолжения рода.

ки своего шестого ребенка, он воскликнул:

– Ул ма екен? («Не мальчик ли?»)

Еще сама не зная ответ на вопрос, еще не успев прочесть на лице супруга разочарования, жена так и нарекла новорожденную – Улмекен.

Отчаянье пришло к Культаю, когда родилась седьмая дочь. Не обнаружив у младенца желанного отростка, он лишь горько вздохнул:

– Ул емес («не мальчик»), – и с досадой махнул рукой: – Шаршадым («устал»)!

Похоронив все надежды о сыне, Культай, по роковому стечению обстоятельств, умер в тот момент, когда его жена Алтынай отяжелела наконец мальчиком. Единственного мужчину из восьми детей назвали Мирасом – Наследником.

Мирас никогда не жил в достатке – родные братья отца не горели желанием помогать овдовевшей Алтынай, так что работать ему пришлось чуть ли не с пеленок. Когда Мирасу исполнилось пять, вышла замуж его последняя сестра – красавица Шаршадым. И вот уже год, как они с матерью остались одни. В отличие от сестер, Мирас не мог похвастать вниманием со стороны противоположного пола. А списывал он это на отсутствие тучных стад и богатой юрты.

Ему всегда хотелось чего-то лучшего. Дело даже не в богатстве. Он просто хотел больше свободы. Независимости. Мирас мечтал увидеть, как живут люди за пределами Баянаула. Сегодня днем в нем зажегся долгожданный лучик на-

дежды: все еще может быть по-другому.

Проходя мимо юрты бия, он ненароком уловил фразу, заставившую его остановиться и прислушаться. Говорил сам Кульмагамбет:

– Среди аргынов нет единства. Я не могу ручаться за всех, но мои жигиты пойдут с вами. Нет, я сделаю вот что: сам поведу их. Пусть все казахи знают – каржасы не трусливые шакалы, которые прячутся по норам!

– Не слишком ли ты горячишься, Кулеке? – мягко возразил один из гостей. – Времена сейчас сложные, без бия народу не обойтись.

– У них будет бий, – не растерялся Кульмагамбет. – Мой старший сын Жомарт вполне способен справиться с моими делами. Оставлю его вместо себя.

– Кулеке, а ведь большинство биев не поддерживают Жангира, – осторожно, почти таинственно произнес все тот же голос. – Нас будет немного.

– Мне все равно, что думают остальные, – быстро среагировал Кульмагамбет. – Если они сами не понимают, что казахам сейчас меньше всего нужно между собой собачиться, я не в силах что-либо изменить. Но я не хочу, чтобы потом обо мне говорили, будто глава каржасов струсил, как остальные. Я с вами.

Пауза. Мирасу не терпелось узнать, что будет дальше, но в этот момент кто-то дернул его за штанину.

– Мигас! Мигас!

Он оглянулся. Это был соседский мальчишка – картавый Аман.

– Чего тебе?

– Тебя Алтынай-тате ищет. Сказала, чтоб я без тебя не возвращался.

– Онбаган!³ – Мирас замахнулся было на мальчика, но тут же вспомнил о его старших братьях и с досадой махнул рукой. Пришлось идти.

Глава 3. «Толкиенисты»

Яркое полуденное солнце било прямо в глаза, окончательно приведя Жеку в сознание. И все же очнулся он вовсе не по вине небесного светила. Что-то холодное и острое уперлось ему в горло.

– Че, дурак, что ли? – возмутился Жека, едва успев прийти в чувство.

Ударом ладони он оттолкнул от себя кривое лезвие сабли, которую наставил на него какой-то сумасшедший. Лица Жека рассмотреть не мог, поскольку человек, стоявший у его ног, закрыл собою солнце и теперь смотрелся причудливым темным силуэтом. Однако тот факт, что кто-то, пусть даже в шутку, приставил к твоему горлу холодный клинок, не мог не раздражать.

Жека привстал на локте. Тряхнув головой, огляделся, что-

---

³ Негодник.

бы понять, где находится. Он лежал на обочине широкой тропы. Причем, судя по отсутствию характерной автомобильной колеи, тропа была пешеходной и тянулась к возвышавшимся на горизонте горам.

Незнакомец с саблей оказался не один. С нарастающим чувством тревоги Жека вдруг обнаружил, что чуть поодаль от этого «д'Артаньяна» сгрудились еще несколько человек. Все мужчины. Одеты так, будто только что сошли с иллюстрации к школьному учебнику по истории Казахстана. Каждый держал под уздцы лошадь.

– Кино, что ли, снимаете? – предположил Жека, обращаясь к «д'Артаньяну», который не сдвинулся с места и все еще держал оружие наготове.

– Ну, чего ты молчишь? – Жека терял терпение. – Погоди, а где Макс? Макс! Ма-акс!..

Он стал орать чуть ли не во все горло, чем немало переполошил остальных «мушкетеров». Те уже собирались расположиться на привал, но тут снова повставали с мест и стали о чем-то оживленно переговариваться. Разговор шел на казахском, поэтому Жека не понял ни слова.

«Блин, говорила мне училка по казахскому: занимайся лучше, – мысленно корил себя Жека, – учи язык – пригодится. Вот и пригодилось бы! А теперь хрен поймешь, что этим “д'Артаньянам” нужно».

– Жека, я тут! – отозвался откуда-то справа Максат.

Друг тут же рванулся на голос и вскоре увидел товарища,

который, как оказалось, лежал чуть поодаль – в нескольких метрах от него.

– Макс, тут какие-то мушкетеры трутся. Потолкуй с ними, они, похоже, по-русски ни бельмеса.

– Какие еще мушкетеры? Рехнулся, что ли? Машина наша где? – непонимающе забормотал Максат, отрывая спину от травы. Он тер затылок, стараясь размять его. – Башка трещит. Мы, вообще, где?

Максат решил осмотреться, но тут заметил тех самых «мушкетеров», о которых говорил Жека. Человек двенадцать. Только вот напоминали они больше не мушкетеров, а средневековых степных воинов.

На минуту Макс задумался. Но кто-то должен был прояснить ситуацию.

– Мы из города. В аварию попали. В какой стороне дорога?

Молчание.

– Да ты по-казахски им скажи! – сдавленным голосом проворчал в самое ухо поднимающийся на ноги Жека. – Я ж говорю, не понимают они! Чем ты слушаешь?

Максат тоже встал. Напряженно подбирая в голове слова, попытался перевести.

Наконец понимание было достигнуто.

Тот, что стоял на шаг впереди остальных, заговорил первым:

– Ты ойрат?

Учитывая антураж и личность спрашивающего, вопрос наводил на странные мысли.

– Н-нет.

– Тогда назовись! – раздалось требование.

– Меня зовут Максат, а это мой друг...

– Представляйся толком, братишка. Чей ты сын, из какого рода?

– Из кипчаков... – чуть стушевавшись, ответил Макс.

Жека, стоявший рядом, весь обратился в слух, будто мог понять, о чем идет речь.

– Кипчаков много, – не удовлетворился ответом «мушкетер». – Откуда ты?

– Из Алматы.

– Откуда? Где это?

Разговор грозил перерасти в допрос, но тут в дело вмешался самый старший из незнакомцев. Невысокий мужчина с густой полуседой бородой и такими же усами вышел вперед.

– Я Кульмагамбет – бий рода Каржас. Мы из Баянаула, пришли с севера, чтобы помочь нашим братьям. А кто вы такие?

– Я же говорю: мы из Алматы, попали в аварию. Не ясно, что ли? Где мы вообще?

Максат, кажется, только сейчас стал выходить из себя. Он повернулся к другу и заговорил по-русски:

– Большой он, что ли? Хотел узнать, где мы, а он мне про

каких-то братьев сообщает, мол, на помощь к ним идут.

– Что за братья? – не понял Жека.

– Откуда я знаю! Братья какие-то у них тут живут. Сами, из Баянаула, говорят, едут.

– На лошадях?!

– Наверное.

Друзья немного увлеклись своим разговором и не обратили внимания на очередную рокировку в отряде «мушкетеров». Между тем сразу несколько жигитов решительно направились в их сторону. Жека вовремя спохватился, заметив краем глаза движение. Развернулся к ним лицом и встал в традиционную боксерскую стойку.

Агрессивный вид Жеки «мушкетеры» расценили верно: примерно в двух шагах от друзей остановилось. Их было четверо. Каждый держал наготове алдаспан⁴.

– Эй, джигиты, вы чего? – непонимающе завопил Максат на родном, но редко используемом в его окружении языке.

– Скажи этому синеглазому, чтобы опустил кулаки! – потребовал тот из нападавших, который несколько минут назад приставлял клинок к горлу Макса.

– А зачем вы тут саблями размахиваете? Вы, вообще, кто?

– Вперед, жигиты! – слышалась команда, и все четверо пошли в атаку.

Мастер спорта по боксу, Жека не дал застать себя врасплох. Удачно увернувшись от просвистевшей в воздухе саб-

---

⁴ Казахская кривая сабля с расширяющимся клинком.

ли, он отвесил первому нападавшему хорошенький хук справа. Удар пришелся в челюсть, и соперник повалился на траву. Видя это, второй наступавший чуть замешкался. Взяв инициативу в свои плотно сжатые кулаки, Жека решил развить успех. Несколько обманных движений – и второй «мушкетер» схватился за нос после удачно проведенного прямого.

У Максата дела обстояли куда хуже. Как драться на улице, Макс знал. Однако никогда прежде на него не нападали с саблями. Теперь он находился в ступоре и не понимал, как себя вести. Как всегда, первым проснулся инстинкт самосохранения. Максат стал просто носиться по траве, уклоняясь от обоих противников.

Вопреки ожиданиям, сразу два нокаута, удавшиеся другу-боксеру, вовсе не облегчили положение защищавшихся, а только ухудшили ситуацию. Теперь на них, растянувшись цепью, надвигались остальные «мушкетеры». Всем своим видом они демонстрировали, что не намерены терпеть позорное поражение от двух безоружных.

Осознав, что дело худо, Максат решил прибегнуть к методу, который иногда применял, будучи школьником, когда участвовал в столкновениях с пацанами из другого района. Метод был прост: если чаша весов перевешивалась в сторону противника, Макс выкрикивал что-нибудь угрожающе приказное. Действовало безотказно. Большинство занятых дракой мальчишек невольно останавливались, услышав чей-то резкий, внезапный крик. Причем от кого он исходил, было

не столь важно.

– Стоять всем! – изо всех сил заорал Максат. – Стоять, я сказал!

Все так и замерли на месте. Даже увлеченный азартом боя Жека опустил кулаки и взглянул на друга.

– Я Максат, сын Маруана. Я кипчак из рода Кулатай. А это мой друг – Женя. Он русский.

Незнакомцы зашептались. Те, что нападали на Максата, отошли назад. Оба нокаутированных Жекой поднялись на ноги и присоединились к остальным.

Бородач снова заговорил первым. На этот раз в его словах слышались нотки укора:

– Что же ты раньше не сказал этого? Война на пороге. Мало ли кем вы можете оказаться. Одежда у вас какая-то странная. Откуда вы, говоришь?

Максат не ответил. На переносице у него появилась продольная морщинка, густые брови поползли навстречу друг другу. Макс о чем-то напряженно думал.

– Кульмагамбет... каржасы... Баянаул... – бормотал он себе под нос... и вдруг изменился в лице. Внимательнее прищелкнул к бородачу – его даже качнуло, будто резко нахлынуло волной опьянение.

Все так знакомо, что...

Не может быть!

Глава 4. ВОЖДЬ КАРЖАСОВ

Кульмагамбет заворуженно наблюдал за причудливым танцем костра. Поленья уютно потрескивали, выстреливая в темноту стаи мелких искр. Бий рода Каржас изредка перемешивал толстой палкой горящие дрова. Ему всегда нравился огонь. Он испытывал к нему особую и в то же время необъяснимую страсть с самого детства.

Бий сидел на жесткой подстилке, подогнув под себя ноги. Остававшаяся свободной правая рука уперлась кулаком в мощный подбородок. Лицо главы каржасов было задумчивым. Кроме него у костра грелись еще два человека. Оба были примерно одного возраста с бием. Оба приходились ему родственниками со стороны двух из четырех его жен. Справа сидел бажа⁵ Жомарт, сын Ескендира. Слева расположился Таймас. Он был представителем большой семьи Кайырбека, давно кочующей отдельно.

Только эти двое вместе с сыновьями поддержали Кульмагамбета в столь трудном решении – отправиться помочь султану Жангиру. У остальных родичей понимания он не встретил. Большинство каржасов искренне считали, что им не стоит вмешиваться в конфликт между ойратами и южными казахами. И это при том, что главный герой аргынов, к которым относился и род Каржас, – батыр Аргынтай – уже давно встал под знамена султана.

Кульмагамбет испытал невероятное разочарование, когда

---

⁵ Свояк.

к нему один за другим пришли все те, кого он прежде уважал, чтобы попытаться объяснить нецелесообразность помощи соплеменникам. Бий прекрасно понимал, что среди каржасов немало и таких, кто хотел бы использовать наступившее смутное время в своих интересах. Многие дальновидно рассчитали: когда народ не успевает запоминать имен правителей, стремительно сменяющих друг друга, ханский титул теряет привычный авторитет. А если хана нет, то и власти нет. Значит, некому вмешиваться в конфликты между родами из-за спорных кочевий. Жангир, хотя и был законным сыном Есима, но многие бии уже отказались признавать его право на трон в пользу более близких к ним претендентов.

Старейшина каржасов пользовался уважением среди представителей собственного рода, но давить на большинство не мог. Вместе с Кульмагамбетом на юг направились два его сына и малец Мирас, который чуть ли не со слезами на глазах упрашивал бия взять его с собой в поход. Этот юный жигит мечтал испытать себя в бою. Кульмагамбету стало жаль его. Тем более что комично-печальная история семьи Мираса была ему хорошо знакома. Таймас и Жомарт тоже шли в сопровождении сыновей. Таким образом, их маленький отряд насчитывал двенадцать человек. Оружие и доспехи у каждого были свои. Кульмагамбету пришлось снабдить всем необходимым только Мираса.

Посетившие Баянаул три дня назад гости с юга сказали,

что султан будет ждать их у гор Шолпак в Джунгарском Алатау. Ханские посланцы пробыли в доме Кульмагамбета недолго. Переночевав, направились утром к соседнему роду Басентин. Жангир не терял надежды на поддержку простых казахов и разослал людей во все концы степи.

Чуть поодаль шумно потрескивал другой, более крупный костер. За ним сейчас сидела вся молодежь – девять жигитов, смелых и полных сил. И еще два странных незнакомца, на которых они наткнулись утром.

– О чем думаешь, Кулеке? – нарочито бодрим голосом спросил Таймас.

– Думаю, что дальше будет, – не отрывая взгляда от костра, произнес Кульмагамбет. – Казахи глупы, как малые дети! Ей-богу! Мне стыдно признавать, но мои сородичи не видят ничего дальше своих кочевий.

– О чем это ты? – заинтересовался беседой Жомарт.

– О том, что я говорил тебе, когда звал с собой. Если сейчас ойраты прорвутся в нашу степь, они голодными волками разбредутся по казахским кочевьям. Нас начнут истреблять поодиночке. Аул за аулом. Горе тогда придет в дома людей, которые сейчас думают, что им удастся отсидеться и сохранить свои стада. Народ, у которого нет собственного достойного правителя, рано или поздно обретет недостойного – чужого.

– Уж не сгущаешь ли ты краски, почтенный бий? – усомнился Таймас. – Думаешь, все так плохо?

Бий удивленно смерил взглядом старого друга.

– А разве ты не видишь это своими глазами? Таймас, проснись! Каржасы могли бы выставить отряд в двести, а то и в триста сарбазов!⁶ А сколько нас сейчас? Неужто думаешь, что других будет больше, если нас так мало? Чтобы защититься, нам нужна мощная армия, а не ополчение, собранное по крохам. А как собрать армию, если народ ни во что не ставит своего хана? Когда вообще неизвестно, кто сейчас правит?

– А с чего ты взял, что Жангир именно тот человек, который должен быть ханом? – наседал с другого боку Жомарт.

– Потому что он сын Есим-хана. Пусть не первый, но сын. Да и не столь важна личность правителя, как его фигура. Главное, чтобы казахи ощущали присутствие власти. Остальную работу вполне смогли бы выполнить за хана более умные люди.

– Уж не о себе ли ты говоришь? – колко подметил Жомарт, и все трое впервые за весь вечер развеселились.

– А почему бы нет? – с наигранной важностью произнес Кульмагамбет. – Может, я стал бы бием всего Среднего жуза и научил бы вас, дураков, уму-разуму.

Снова раздался дружный смех.

– А что, Алеке, кумыса у нас совсем не осталось? – смахивая слезу, спросил Таймас, пытаясь успокоиться.

– Хорошие ты вопросы задаешь! Даже не знаю, – оживил-

---

⁶ Воин, ратник.

ся Кульмагамбет. – Эй, Мирас! Мирас! Сынок, подойди ко мне.

От соседнего костра отделилась невысокая фигурка. Молодой узкогрудый паренек приблизился к старейшинам.

– Мирас, принеси-ка нам сабу⁷ с кумысом, – без каких-либо намеков на приказной тон, попросил Кульмагамбет.

На лице Мираса читалось понимание чести, оказанной ему только что. Но жигит не торопился исполнять поручение бия. Он продолжал стоять, ожидая чего-то еще. Кульмагамбет вопросительно посмотрел на мальчика.

– Почтенный бий, я должен сказать тебе, что урус уходит.

Глава 5. Дежавю

Максат с трудом поспевал за стремительно удаляющимся Жекой. У того, похоже, не выдержали нервы. Да и у кого бы они выдержали? Вокруг творилось черт те что! Патологический эмпирик, Жека никогда не верил в перемещение во времени, в призраков и прочую мистическую чушь. А тут какие-то странные люди, которые ко всему прочему еще и не особо дружелюбны. Любой бы свихнулся.

– Жека, брат, погоди! – почти простонал Макс.

– Двигайся быстрее, давно надо было валить отсюда, – грубо отозвался друг.

---

⁷ Кожаный мешок (бурдюк), используемый в качестве сосуда для хранения какой-либо жидкости.

Максату пришлось ускорить шаг. Поравнявшись с Жекой, он ухватил его за руку, пытаясь остановить.

– Все, хорош, Жека. Куда ты собрался среди ночи?

– А, по-твоему, лучше среди этих придурков тусоваться? Ты забыл, что они нас прирезать хотели?

– Ну и что ты предлагаешь? – Макс все пытался прийти к компромиссному решению. – Ты хоть имеешь представление, где мы? Мой айфон, собака, молчит. Сети здесь нет!

– Надо трассу найти, – спокойным и уже более серьезным голосом постановил Жека, оглядывая степь.

– Здорово придумал! – съехидничал Максат. – Ночью лучше всего трассу в степи искать!

– А какого рожна мы вообще поперлись за ними!.. Как ты сказал, они себя называют? Хотя мне по фиг! Макс, послушай, это точно какие-то толкиенисты, только на казахский манер. Я таких типов уже встречал: мы, мол, идем в страну эльфов. Они ж на всю голову больные! Пойдем отсюда быстрее!

Теперь уже Жеке пришлось схватить друга за руку, чтобы потащить за собой.

– Жека, погоди! Я тебе не смог все сразу сказать, потому что ты бы решил, что я – псих. Братан, я знаю этих людей.

– Откуда? – ошарашенно спросил Жека, останавливаясь.

– Ну, понимаешь... – Максат на мгновение замялся. – В общем, я их выдумал.

– Э, Макс, да ты реально гонишь.

Но Максат был серьезен, как никогда.

– Жека, это герои моей книги. Ну той, которую я еще до ума не довел. Мы с тобой в моей книге!

Жека внимательно выслушал друга, наморщил лоб и выдал:

– Макс, я понял! Мы, наверно, возле Семипалатинского полигона. Радиация, мать ее! Говорю же, валить отсюда надо!

– Жека, мы сейчас на севере Алматинской области. Только ее еще и в помине нет. Понимаешь? В моей книге действие происходит в семнадцатом веке. Если не веришь, я тебе докажу. Сейчас вернемся к костру, и я перечислю имена всех сестер парня, который сидел возле тебя. Его зовут Мирас, он представлялся тебе, но ты наверняка не запомнил. Пойдем!

Не дожидаясь друга, Макс развернулся и зашагал к костру. Жека нехотя поплелся следом.

При их приближении жигиты у костра настороженно поднялись на ноги. Кто-то даже потянулся к рукоятке сабли.

– Все нормально, парни! – успокаивающе проговорил на казахском Максат, поднимая над головой ладонь в знак отсутствия дурных помыслов. При этом слово «нормально» он по привычке произнес по-русски.

– Мой друг просто хотел найти... э-э-э... – замялся Макс, подбирая нужное слово. Так и не найдя его, вновь прибегнул к помощи великого и могучего. Для верности пришлось при-

совокупить к незнакомому баянаульцам слову весьма неприличный жест. – Туалет.

Недоверчиво переглянувшись, каржасы все же опустились на свои места. Все, кроме одного – самого молодого. Он остался стоять.

– С тобой хочет поговорить наш бий – Кульмагамбет, – окликнул Максата юнец.

– Скажи, как твои сестры, Мирас? – невпопад ответил вопросом Макс и подмигнул другу.

– Откуда ты знаешь о моих сестрах? – удивленно спросил парень.

– Моя мама была бахсы⁸, я унаследовал ее дар. Хочешь, я скажу, как зовут всех твоих сестер?

– Ну, скажи, – чуть помедлив, разрешил Мирас.

Максат стал перечислять, и по мере приближения к последней из сестер каржас менялся в лице. Всех остальных сидевших у костра мужчин (кроме Жеки, по-прежнему не понимавшего, о чем идет речь) пробирал дружный смех. Настолько забавной всем казалась история семьи несчастного Культая.

– Ладно, хватит! – раздраженный насмешками сородичей, Мирас не дал договорить «сыну бахсы». – Нехорошо заставлять уважаемого человека так долго ждать себя. Тем более, нашего бия.

– Извини, Мирас! – Максат и сам понял, что перегнул пал-

---

⁸ Знахарка, народная целительница, провидица.

ку. Можно было как-то по-другому доказать Жеке правдивость своих слов. – Я не хотел тебя обидеть. Просто я, правда, много чего знаю.

– Так уж много? – прозвучал откуда-то сверху чей-то густой бас.

Оказалось, Кульмагамбету наскучило ждать, когда случайные попутчики сами подойдут к нему. Друзья не могли видеть приближения бия, так как сидели спиной к костру, у которого расположились старшие. Максат поднялся и, прижав руку к сердцу, с почтением поклонился.

– Тогда расскажи нам, сможет ли султан Жангир остановить ойратов? Если ты унаследовал способности своей матери, то сможешь дать ответ на этот вопрос.

– Сможет! – уверенно заявил Максат.

– Хорошо, – рассмеялся бий. – Что еще ты можешь предсказать?

– Завтра мы выйдем к одному найманскому аулу, где вот этот паренек, – Максат указал пальцем на Мираса, – спасет твою честь и наши жизни.

Поняв, что речь идет о нем, Мирас покраснел, хотя и не понял, о чем именно говорит этот странный чужак.

Глава 6. Найманский силач

Наутро небольшой отряд взобрался на вершину ближайшей сопки. Отсюда хорошо был виден небольшой аул – в

десять-двенадцать юрт. Мирас уже слышал от бия, что они идут по землям найманов⁹. Скорее всего, это их стойбище.

Аул жил своей размеренной жизнью: возле юрт играли маленькие босоногие детишки. Женщины сутились по хозяйству. Молодежи видно не было.

Во главе отряда, как и полагалось, ехал Кульмагамбет, восседавший на своем гнедом аргамаче¹⁰. Отстав от него на половину лошадиного корпуса, ехали Таймас и Жомарт. Остальные жигиты следовали без какого-либо порядка. Позади всех тряслись два странных парня, присоединившихся к ним вчерашним утром.

Кульмагамбет уверенно подъехал к пустому стойлу и спешился. Остальные последовали его примеру. Рядом стояла богатая просторная юрта, из которой вскоре вышел хозяин – низкорослый круглолицый казах. Он засеменял навстречу гостям, пыхтя и переваливаясь на своих кривых коротких ногах. В узких, заплывших жиром глазах читалось фальшивое радушие.

– Ассаламуагалейкум! – запел он еще издали, протягивая бию каржасов обе руки.

– Уагалейкумассалам! – последовало ответное приветствие. – Я Кульмагамбет, сын Кобейхана. Я и мои спутники – аргыны, из каржасов. Идем из Баянаула.

---

⁹ Одно из четырех крупных племен, составлявших Средний жуз Казахского ханства.

¹⁰ Старинное название лошадей восточных пород (тюрк.).

– А я Калижан, сын Еркебулана. Это – мой аул. Добро пожаловать к найманам! Будьте гостями в моем доме.

С этими словами хозяин похлопал ладонью по плечу именитого гостя. Учитывая большую разницу в росте между ними, Калижану пришлось приподняться на цыпочки.

Трое каржасских аксакалов расположились на самом почетном месте – на нарядных, разукрашенных орнаментом подстилках. Остальные, растянувшись цепочкой, расселись спиной к входу. Жена Калижана уже хлопотала над дастарханом¹¹. Пока готовилось мясо, гостям подали кумыс и баурсаки. Кроме самих хозяев, в юрте находился их сын. Отец представил его гостям. Это был высокий парнишки с рыхлым телом, по возрасту не старше Мираса. Было даже немного удивительно: откуда у этого пузатого коротышки мог взяться такой рослый телок.

– Ну, Кулеке, рассказывай! В благополучие ли твой скот? Здоров ли сам, как поживает твоя семья? – начал традиционный расспрос глава семейства.

– Слава Аллаху, все хорошо! – со вздохом ответил Кульмагамбет. – А как вы тут живете? Все ли в порядке?

– И про нас Всевышний не забывает. Хвала ему за это! – при этих словах Калижан воздел руки к небу, после чего провел ладонями по лоснящемуся от пота лицу. – С какими новостями прибыл, Кулеке?

– Мы направляемся на юг, к местечку Орбулак. Не сби-

---

¹¹ Казахское название скатерти и накрытого угощениями стола.

лись ли с пути? – на всякий случай решил удостовериться Кульмагамбет.

Толстяк на миг призадумался, но ответил быстро:

– Нет, не сбились. Тропа, которая привела вас сюда, выведет к нужному месту. Позволь спросить, Кулеке, какая нужда заставила тебя покинуть родной аул?

– А ты разве не знаешь? – в голосе Кульмагамбета читалось искреннее удивление.

– О чем?

– Султан Жангир собирает войско против ойратов. Неужто узун-кулак¹² не донес до тебя?

– Ах, ты об этом, – отмахнулся Калижан. – Слышал, слышал.

– А разве найманы не пойдут за Жангиром? – продолжал удивляться Кульмагамбет.

Вопрос нисколько не смутил бая и он не моргнув глазом ответил:

– Найманы, может, и пойдут. Я – нет. Что мне до грызни между этим Жангиром и ойратами? У нас теперь каждый стремится быть поднятым на белой кошме¹³. Две ноги в один сапог не влезут, вот и дерутся все за трон.

– А зачем ты о султанах думаешь? – прервал собеседника гость. – Ты о детях своих подумай! Завтра ойраты на твою

---

¹² Буквальный перевод с казахского: «длинное ухо»; степная молва, слухи.

¹³ Древняя традиция, согласно которой хан считался избранным только после того, как его трижды поднимут на белой кошме.

землю придут, что тогда ты будешь делать?

– Земли у казахов много! – без какого-либо смущения заявил Калижан. – Можно и подвинуться.

– То есть ты предлагаешь нам бегать от врага? По нашей же земле? – напирал Кульмагамбет.

В его голосе прозвучали опасные нотки. Обстановка накалялась. Мирас, наблюдавший за происходящим со стороны, ощущал это почти физически.

– Охлади свой пыл, Кулеке! Я не ищущу ссоры с тобой, – попытался спасти положение найман.

– Я тоже к тебе не драться пришел, но скажу честно: мне стыдно делить дастархан с трусом.

– Как ты меня назвал?! – вскипел Калижан. – Не слишком ли много ты себе позволяешь, каржас? Придержи язык, а иначе не посмотрю, что ты мой гость!

– Отец, пойдем отсюда! С такими людьми нам не о чем разговаривать! – вмешался в разговор старший сын Кульмагамбета – Кайрат.

Бий бросил на него строгий взгляд, правда, осадить сына не успел.

– Твои жигиты только на словах такие храбрые? – с вызовом спросил Калижан.

Кайрат хотел вскочить на ноги, но остановился, встретившись глазами с отцом.

– Рискнет ли кто-нибудь из них встать против моего первенца Амантая? – невозмутимо продолжал Калижан. – Ес-

ли победит твой, я снаряжу с тобой своих лучших жигитов. Если верх возьмет мой сын, проигравший останется в моем аул, и будет прислуживать мне ровно год.

– Отец, позволь... – начал было Кайрат, но договорить ему не дали.

– Неужели ты настолько уверен в своем палуане¹⁴? – недоверчиво и в то же время с издевкой спросил Кульмагамбет.

– А ты что, сомневаешься в своих жигитах? Вот в этом, например? – с этими словами хозяин юрты ткнул толстым коротким пальцем в Мираса, сидевшего дальше всех от него. Все обернулись на парня. – Лично я вообще не вижу в нем сарбаза. Лучше пускай послужит у меня годик, чем погибнет в первой же стычке от ойратского меча... или умрет от страха.

Калижан остался доволен своей шуткой. Его округлые плечи задрожали от сиплого смеха. Детина-сын вторил ему густым басом. Гости, меж тем, находились в менее веселом настроении.

– Да будет так! – постановил Кульмагамбет. – Когда устроим поединок?

– А куда спешить? До Орбулака рукой подать, а султан собирает всех только через три дня. Времени у вас еще много. Пусть схватятся в полдень. Как раз к тому времени и мясо сварится. Сил наберутся – и вперед. Посмотрим, каких ты мблодцев к Жангиру ведешь.

---

¹⁴ Буквальный перевод с казахского: «богатырь», «силач», «борец».

Мирас, слыша все это, сжался в комок. Ему не раз приходилось бороться со своими ровесниками, и поединков он не боялся. Но этот здоровяк Амантай был явно сильнее его. Такого через бедро не бросишь. Он пребывал в полном замешательстве. На него уже никто не тарасился. Вернее, почти никто. Лишь русский, которому друг переводил все, о чем говорилось, продолжал на него пялиться. Наконец Мирас не выдержал и посмотрел на уруса. Тот улыбнулся и зачем-то подмигнул ему одним глазом, после чего снова продолжил с аппетитом жевать баурсак.

Глава 7. Русский кулак

Когда молодежи разрешили удалиться, Макс потащил друга за собой. Отвел в сторонку и настороженным голосом заговорил:

– Жека, тут что-то не так.

– Да понял я уже, – с легкой усмешкой ответил тот.

– Я не о том! – с досадой махнул рукой Макс. – Понимаешь, в моей книге с Мирасом должен был драться не Амантай, а младший сын бая – Ерганат. Тот – пухленький, неповоротливый коротышка, словом, весь в отца. А про этого лба я вообще не писал.

– А тебе не все равно, кто выиграет? Ну получит Мирас люлей от этого дылды. Тебе-то что?

– Да как это что? – удивился друг. – Мирас – главный ге-

рой. На нем весь сюжет построен. Если он сейчас проиграет, то дальше этого аула мы не двинемся.

– Мы-то почему не двинемся? – Жека искренне не мог понять, о чем толкует горе-писатель. – Кто проиграл, тот пусть и остается. А мы с этими пойдем.– Жека махнул головой в сторону сгрудившихся справа от юрты Калижана баянаульских жигитов.

– Нельзя так. Вам, технарям, не понять. Просто не будет дальше книги моей. Основное звено сюжета порвется.

– Ну и ништяк! – обрадовался Жека. – Нет книги – не бывать и этим толкиенистам с саблями.

– Короче, Жека, мозг не сноси! – было заметно, что Максат опять кое-что придумал. – Ты же мастер?

– Типа того.

Жека явно скромничал.

– Иди покажи Мирасу пару боксерских хитростей. Нужно, чтобы он победил.

– Эй, а в твоей книге не было волшебника страны Оз? – с иронией спросил друг и, не дождавшись ответа, продолжил: – Вот видишь. А твоему доходяге только он смог бы сейчас помочь. Проще нам тебя против того толстяка поставить.

– Да нельзя меня! Сам бы хотел, но по сюжету положено Мирасу.

Негодование Мирасата не было предела.

– Жека, и че ты меня тут лечишь? Сам же говорил: «Больш-

шой шкаф громче падает». И ведь падали! При мне «шкафа» три точно упали. Иди поднатаскай малого за пару часов!

Польщенный друг наконец сдался:

– Ладно, хрен с тобой! Зови сюда своего Холлифилда.

Максат с радостной улыбкой побежал к перетрусившему Мирасу, который, не разбирая дороги, плелся подальше от юрт. Когда тот обернулся, Макс был уже рядом. Парни о чем-то зашептались. Наконец Мирас недоверчиво кивнул.

Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, отошли за аул. Жека встал напротив Мираса. Макс выполнял функции толмача.

– Короче, смотри, Мирас, – начал Жека со своего любимого паразитизма, – с этим жирдяем в ближний бой не суйся. Он, как я понял, борец. Один захват – и ты весь ближайший год тусуешься здесь.

– Жека, я, конечно, тебя дословно перевести не смогу, но смысл постараюсь донести, – заранее извинился Макс.

И перевел. Мирас тут же выпалил:

– А как же тогда быть? Бегать от него?

– Не от него, а вокруг него. Когда сидели, я обратил внимание на его кисти. Они гладкие, как у девушки. То есть кулаками он пользуется редко. Это будет нам плюсом. Макс, скажи ему, чтобы не перебивал меня, – попросил Жека.

Друг выполнил просьбу. Каржас кивнул, и наставления продолжились:

– Встань, как я. Правый кулак – выше. Выше, я сказал!

Ноги – шире! Вот так. Теперь чуть согни.

И Жека стал показывать главному герою книги базовые движения бокса. Со временем он стал замечать у своего ученика интерес к новому виду боя. Это было видно по напряженному лицу, с которым Мирас усваивал незнакомые навыки.

Спустя два часа Мирас уже демонстрировал неплохой хук. Который, правда, пока поражал только воздух. Затянувшийся до самого полдника урок прервал кто-то из жигитов Кульмагамбета. Старейшины готовы к зрелищу. Нужно было идти. По дороге Жека положил руку на худенькое плечо новоявленного «короля» бокса и, стараясь подбодрить напряженного Мираса, сказал:

– Не парься. Прорвемся!

Переводить это Максат не стал.

На необычный поединок сбежался весь аул. Даже старухи, и те пришли. Макс, как выяснилось, непонятно когда, но успел договориться с биями, что поединок будет не только в борцовском стиле, но и с элементами кулачного боя. Одним словом, все, как в настоящем единоборстве. Калижан ведь сам хотел проверить подготовленность каржасов к битвам, поэтому возражать не стал. Его увалень сын тоже.

Когда всё, а точнее, все были готовы, бойцы встали друг напротив друга. Амантай оказался на голову выше и почти в полтора раза шире соперника. Всем своим видом он показывал, что не воспринимает поединок всерьез. Не приняв ни-

какой стойки, он отдал инициативу щуплому Мирасу.

Тот встряхнул кулаками, расставил их в точности так, как его учил вице-чемпион Алматы по боксу, и пошел вперед. Амантай лишь усмехнулся и чуть наклонился к земле, широко расставив ноги. Ожидаемой атаки не последовало. Вместо этого, Мирас стал прыгать вокруг противника, делая обманные движения.

Вскоре зрители стали призывать дерущихся к активности. Возгласы негодования перерастали в сплошной гам. Наконец первый удар Мираса достиг цели. Огромный найман не уследил за притким каржасом, и тот вlepил ему с левой руки приличный свинг. Скорее от неожиданности, чем от силы удара, Амантай запрокинул голову, схватившись за нос. Когда он отнял пальцы от ноздрей, на них ярко заалела кровь.

– Молоток, Мирас! – выкрикнул Жека со своего места и заливисто свистнул, чем обратил на себя внимание многих.

При виде собственной крови силач пришел в дикую ярость. Он стал кидаться на дерзкого мальчишку, пытаясь схватить его в тиски своих громадных ручищ. Но юркий малец всегда успевал в самый последний момент увернуться. При этом количество ударов, пропускаемых здоровяком Амантаем, лишь росло. Примерно за две минуты Мирас успел провести еще один свинг, два хука с обеих рук и даже замахнулся на апперкот, который вышел очень корявым. Зато все предыдущие оказались весьма недурны. Это Жека отметил с неимоверной гордостью за ученика. Причем бил

«доходяга» по большей части в голову.

Еще минуту спустя палуан стал плохо ориентироваться в пространстве. Было видно, что он окончательно потерял контроль над ходом поединка. Мирас тем временем только наращивал темп, попеременно выбрасывая вперед костлявые кулаки, сбившиеся к тому времени в кровь. Крики болельщиков давно стихли. Слышались лишь возгласы удивления необычной манерой боя гостя.

Наконец раздался звонкий щелчок. Амантай повалился на землю, получив удар в челюсть. Не удержавшись, Жека, как заправский тренер, подбежал к своему ученику. Обхватив тощее тельце, приподнял парня над головой. Жигиты Кульмагамбета ликовали. Старейшина каржасов хоть и старался сдерживать себя, но уголки его губ все же потянулись кверху в торжествующей ухмылке.

Жека поймал взгляд Калижана. В его узких глазах читалось разочарование. А может быть, и большая обида на тех, кто отнял у него миф о непобедимости сына.

Глава 8. КТО ВИНОВАТ?

Глава найманов, хоть и был страшно зол, но все же сдержал обещание. Правда, пойти с каржасами согласились всего три его соплеменника. К ним Калижан присоединил своего сына-великана. Как бы в наказание за позор отца. Так что дальнейшее путешествие продолжили уже не двенадцать,

как прежде, а шестнадцать человек.

В путь тронулись рано утром. Солнце только проглянуло из-за холмов на востоке, а небольшой отряд уже был готов выступить.

Надо сказать, вчерашнее поражение Амантая немного смягчило наймана. Два бия пошли на примирение и весь остаток вечера провели в главной юрте.

С сыном Калижан попрощался сухо. Просто протянул ему свою пухлую руку, не сокращая при этом дистанции. Ни один человек так и не узнал, каких усилий стоило отцу это хладнокровие.

Дойдя до Кульмагамбета, найман остановился. Старейшины уперлись друг в друга взглядами.

– Возвращайся живым, брат! – искренне пожелал Калижан. – Мой сын – опытный палуан. Он усилит твой отряд. Хотя, как я убедился, слабаков ты тоже не любишь.

Оба добродушно рассмеялись. Все расселись по коням, и отряд двинулся в путь. Найманов отправили вперед. Они хорошо знают здешние места и смогут разведать лучшую дорогу.

Ехавший во главе основной группы всадников Кульмагамбет хотел побыть в одиночестве. Он намеренно пустил своего скакуна чуть быстрее и дал понять остальным, чтобы те его не догоняли.

«Что же мы за народ такой? – мысленно поражался Кульмагамбет. – Каждый сам за себя. Как в волчьей стае: урвал

кусок пожирней – сделай все, чтобы его отстоять. Каждый думает только о себе. Неудивительно, что на наши головы свалился враг. Слишком занятые межродовыми распрями и склоками, казахи стали идеальной добычей».

Сразу вспомнились слова, сказанные Калижаном после четвертой пиалы кумыса.

– Ты не думай, Кулеке, я не трус, – произнес он чуть зашмелевшим голосом, вертя при этом толстым пальцем перед самым носом собеседника. – Еще никто не смел назвать сына Амантая трусом. Не могу я с тобой пойти. Двоюродный брат давно косится на мои кочевья. Его жигиты уже несколько раз задирали моих. Без драк не обходилось, но пока я закрываю на все глаза. Если ему станет известно, что я со своими сарбазами уехал с тобой, моему аулу конец. Теперь ты понимаешь меня?

– Я понимаю тебя, брат! – успокаивающе ответил Кульмагамбет. – В том, что происходит, виноваты мы сами. Нам нужен сильный хан, который сплотил бы казахов. Но сначала необходимо отогнать врага от наших границ.

– Слушай, Кулеке, а что среди твоих жигитов делает этот урус? Тот, что потом больше всех радовался победе Мираса? Станный он. И друг у него тоже странный. Не ойрат ли случаем?

– Говорит, что казах. Вроде, из кипчаков. Только вот откуда он, я так и не понял. Вчера к нам прибились. Мы их в степи нашли, валялись, как бродяги, в траве. С виду зла в

сердце не таят, вот я и взял их с собой.

– А если их убьют? – попробовал укорить Кульмагамбета найманский старейшина. – Они ведь чьи-то дети.

– Ну так и мои ребята не с неба свалились. По нашим жигитам тоже есть кому плакать. Ничего! Время сейчас такое. Без слез его не переживем.

– Насчет этого ты прав, – согласился Калижан. – А может, со временем все в порядке? Может быть, дело в нас?

Эту философскую дискуссию они так и не закончили – подоспело неизвестно какое по счету блюдо к ужину. Сейчас бию каржасов снова не дали осмыслить слова Калижана. Его спокойствие нарушило облако пыли, поднятое впереди. Это возвращалась разведка найманов. Впереди всех на огромном, под стать ездеку вороном возвышался Амантай.

– Ага, там, за холмами, ойраты! – выкрикнул он, еще не успев доехать до отряда.

Глава 9. Первая кровь

Пожалуй, больше всех услышанная новость взволновала Максата. Кульмагамбет к сообщению о близости врагов отнесся спокойно. Тем более что Амантай заметил лишь небольшую группу – около десятка всадников. Так что у казахов было численное преимущество. Остальные жигиты даже обрадовались предстоящей стычке. Большая часть объединенного отряда состояла из молодых парней, которые

еще пребывали в том возрасте, когда драки казались развлечением.

Максат не мог сосредоточиться, Жека все время мешал думать: постоянно лез с расспросами, вернее, с просьбами растолковать, о чем идет речь. Макс перевел другу слова разведчиков, в надежде, что он отстанет. Но тот стал наседать еще пуще.

– Да пойми ты, Жека! – пытался вразумить друга Максат. – Мы не в семнадцатом веке! Мы – в моей книге! Которая, между прочим, еще не дописана.

– Ты же сам говорил, что все пошло не так еще перед боем? – не мог уговориться Жека. – С чего ты вообще взял, что мы именно в твоей книге? Мало ли кто еще мог написать такую же хрень.

– Да только я и мог! Понимаешь, это мои персонажи! Это я придумал бия Кульмагамбета и мальчика-сироту Мираса! А мог бы создать иных героев. Понимаешь? Есть такая гипотеза, что любое произведение начинает жить еще до появления на свет. То есть, имея определенную задумку, ты фактически уже создаешь нечто живое. И остается только ждать, когда это нечто обретет материальную форму.

– Опять ты со своей философией! – раздраженно прервал друга Жека. – Че дальше будем делать, умник? Скажи им, пусть хоть дубинки нам какие-нибудь дадут. Голыми руками, что ли, ойратов твоих мутузить?

– Да кого мутузить, Жека?! Все произойдет еще до того,

как ты свой первый матерок выкрикнешь. Посмотри вокруг! Они же с детства в седле. Чуть ли не из утробы матери верхом выехали! Они на лошадях бьются лучше, чем ты боксируешь. У них стычки с соседними аулами происходят почти ежегодно. А теперь взгляни на нас. Мы даже в седле толком держаться не умеем. Они сейчас своих рысаков галопом погонят – и все, до свидания! Когда мы их нагоним, уже пыль уляжется.

Будто понявший смысл спора чужаков, Кульмагамбет подозвал обоих:

– Эй, жигиты! Драться умеете? Саблю кто-нибудь из вас в руках держал?

Максат отрицательно покачал головой. Кульмагамбет деликатно перевел вопросительный взгляд на Жеку. Снова пришлось переводить. И тут Жека соврал.

– Скажи ему, что я владею мечом, – потребовал друг.

– Да не буду я такое переводить! Знаю, как ты умеешь! Пару раз на кендо сходил, бамбуковой палочкой помахал – и что, уже типа самурай?

– Переводи! Неприлично заставлять уважаемого человека ждать, – сквозь зубы улыбнулся старейшине Жека.

Кульмагамбет наблюдал за оживленной, но абсолютно непонятно беседой с любопытством. Наконец ответ был переведен. Бий удовлетворенно кивнул.

– Тогда тебе дадут шокпар¹⁵ – рассудил Кульмагамбет, ты-

---

¹⁵ Деревянная дубина с тяжелым набалдашником, используемая в ближнем

кая пальцем в Максата. – А этот урус получит саблю. Он хороший боец. А ты вперед не лезь! Будешь на подмоге... если вообще понадобится. Да, может, у этих ойратов одежду вам нормальную сыщем.

Максат так и не понял, шутит Кульмагамбет или говорит серьезно. Во всяком случае, сам он не то что смеяться – улыбаться не стал. «И чем это его мои джинсы не устраивают? – оглядывая себя, подумал Макс. – Нормальная одежда. Не на барахолке брал».

– Эй, Мирас! – позвал Кульмагамбет. – Отдай ему свой алдаспан.

Подъехавший ближе Мирас, хоть и не был обрадован таким приказанием, возражать бию не посмел. Покорно протянул саблю Жеке. Тот радостно поблагодарил парня по-казахски и принялся изучать полученное оружие.

Вот так. Лишних сабель в отряде не оказалось, и, вооружив Жеку, казахи разоружили одного из своих воинов. Мирасу, как и Максату, достался тяжелый шокпар. В умелых руках такая дубина могла стать грозным оружием.

– Ну, жигиты, – не останавливаясь, обратился к отряду Кульмагамбет, – разомните косточки! За теми холмами – ойраты. Покажите им, кому принадлежит эта земля!

Не прошло и минуты, как отряд пустился вскачь. Холм преодолели быстро. Максат даже не заметил, как, охваченный всеобщим азартом, тоже пустил своего рысака галопом.

Оказалось, это не так уж сложно. Правда, он все равно двигался в хвосте. Но рядом ехали еще несколько человек. А вот Жека, непонятно каким образом, скакал в числе первых, размахивая над головой полученным от Мираса алдаспаном. Его густой бас, выкрикивавший «ура!», порой перекрывал многоголосое «Аруах!¹⁶».

Расчет казахов сработал. Небольшую группу ойратов, устроивших привал, изрядно переполошили грозные боевые кличи. Еще издали Максат заметил, как около десятка низкорослых азиатов в остроконечных боевых шлемах стали быстро седлать коней. Вопреки ожиданиям, вместо того что пойти врагу навстречу, ойраты решили дать деру. Видимо, их бегство объяснялось тем, что они боялись угодить в засаду. Задача упрощалась, поскольку бить убегающих легче, чем вступать в открытый бой. Это понимал даже малоопытный в таких делах Макс.

Первым, что было неудивительно, до ойратов добрался Амантай. Размахивая на скаку своей саблей, он рубанул так, что практически снес голову последнему из удирающих. Шлем ойрата слетел на землю, а сама голова повисла на груди, держась на недорезанных мышцах. Из раны моментально забил фонтан, орошая все вокруг кипящей кровью. Найманский палуан меж тем уже несея дальше, вонзаясь во вражеский строй.

Лишь теперь передние ряды неприятеля стали разворачи-

---

¹⁶ Призыв к духам святочитимых предков помочь покарать врагов.

ваться, совершая маневр. Однако сделать это до конца им не позволили налетевшие на большой скорости конники. Завязался отчаянный бой. Ойраты пятились, но не сдавались. Жека был в самой гуще. А вот Максата стал пробирать вполне естественный в таких случаях страх. Топтаться за крупами лошадей сражающихся было стыдно, и он решил обойти их справа. К великому своему облегчению, краем глаза Макс заметил, что не один – рядом неотступно следовал Мирас, который тоже пребывал в растерянности.

Оба жигита подоспели вовремя. Один из казахов с трудом отбивался сразу от двух ойратов. Остальные не могли этого видеть, так как каждый в этот момент был сосредоточен на своем противнике. Скорее от страха, чем для устрашения, Максат громко заорал. Размахнулся, оттянул шокпар назад и что было сил обрушил его на голову одного из нападавших. Вернее, хотел обрушить, но ойрат сумел увернуться. Как раз в это мгновение подоспел и победитель вчерашнего кулачного поединка. Мирас не раздумывая занес дубину над головой и тоже пошел в атаку. Чаша весов склонилась на сторону казахов. Теперь отбиваться приходилось уже врагам. Четыре ойратских коня лишились своих наездников. Судьба остальных недругов висела на волоске. Казахи потеряли только одного. Тело молодого наймана из аула Калижана оказалось сброшенным наземь, где тут же попало под копыта вражеских коней.

Воспользовавшись тем, что один из ойратов отвлекся,

Максат с силой приложился дубиной к его голове. Удар пришелся в висок – неприятель сполз с коня. Время будто замедлило ход. Макс заворуженно провожал взглядом падающего врага. Узкие глаза поверженного противника были открыты. Казалось, они выражают крайнее удивление.

«Наверняка этот человек представлял свою кончину иначе, – подумалось Максату. – А я лишил его жизни! У него, наверное, есть дети, мать... А я проломил ему висок! Может, он даже не хотел воевать с казахами. Как все это противно! Стоп! Да ведь этих людей на самом деле не было. Все они – лишь плод моего воображения. Или нет? Кажется, я теперь знаю, что такое сумасшествие».

– Эй, Макс, с тобой все в порядке? – Жека выскочил перед другом, как черт из табакерки. – Молодчик! Такого бугая снес. А я вот только порезать успел. Эй, ты слышишь меня?

Максат и вправду не слушал. Лишь оглядывался по сторонам. Трое оставшихся в живых ойратов бросили мечи на землю, признав поражение. Их немедленно спешили и связали руки.

Глава 10. Пленники

До вечера все только и делали, что обсуждали стычку с ойратами. В принципе, отряд сработал неплохо. Потеряв одного сарбаза, казахи убили семерых. Убитого наймана решили похоронить прямо на поле брани. Ойратам предложили

похоронить своих самостоятельно, так как никто из казахов не согласился рыть могилы поверженным врагам.

Бедняги, хотя и не стали закапывать каждого из сородичей в отдельную яму, но управились только к заходу солнца. Казахи к тому времени уже начали располагаться на ночлег. Снова, как и в ту первую ночь, которую друзья из несуществующего еще Алматы провели в стане каржасов, вспыхнуло два костра.

Надо сказать, сегодняшний бой сблизил участников отряда. Каржасы уже не сторонились трех оставшихся найманов. Да и у тех отношение к соплеменникам заметно улучшилось. Одним словом, все пребывали в прекрасном расположении духа. Даже ворчливый Жека перестал мучиться вопросами о том, куда же он все-таки попал.

Покончившие с работой ойраты в нерешительности остановились. Кульмагамбет кивнул одному из сарбазов, тот поднялся и пошел к месту, где паслись стреноженные лошади. Вернулся с веревкой в руках. Трое пленников были тут же связаны.

Меж тем сам бий в это время был занят каким-то жарким обсуждением со своими родичами. Хотя старшие говорили довольно тихо, узнать, о чем шла речь, было несложно.

– Да не нужно нам тащить их с собой, Кулеке, – убеждал бия Жомарт, – только время на них потратим. Давай прирежем их прямо здесь. Волков местных покормим.

– Нет! – стоял на своем Кульмагамбет. – Убивать их нель-

зя. Мы не убийцы. Одно дело лишить врага жизни в бою, другое – убить пленника. Такого Аллах нам не простит. К тому же они могут быть нам полезны. Надо допросить их.

– Но как? Ведь никто из нас не знает ойратского! – резонно заметил Таймас.

– Почему-то мне кажется, что наши странные друзья смогут найти с ними общий язык, – задумчиво произнес Кульмагамбет. Он сидел лицом к костру молодых и со своего места хорошо видел обоих пришлых.

Поймав взгляд бия, Жека ударил друга тыльной стороной ладони по бедру и что-то шепнул ему на ухо. Макс поднял голову и вопросительно посмотрел на Кульмагамбета. Тот сделал еле заметный кивок.

Когда Максат подошел, на его губах все еще блуждала улыбка от только что услышанной шутки, коих этим вечером звучало великое множество. В основном это был специфический юмор, связанный с бытом, незнакомым ни Максату, ни, тем более, его другу. Однако кое-что, над чем смеялись молодые жигиты, было актуально во все времена. Аксакалы выглядели серьезнее, но тоже не находили повода грустить. Кульмагамбет чуть подвинулся, предлагая чужаку сесть. Это была немалая честь для простого сарбаза.

– Как у тебя дела, Максат? – заботливо, как-то по-отечески спросил аксакал.

– Хорошо, спасибо.

– Максат, – продолжал бий, – вижу, ты умный парень! На-

верно, по миру поездил. Язык урусов выучил.

Его слова польстили Максату, который действительно знал русский настолько хорошо, что он вытеснил из его головы и без того небольшой запас родной речи. Что касается поездок по миру, здесь бий ошибся. За свою короткую жизнь Макс разве что на Иссык-Куле побывал, да в Кемер один раз слетал. И хотя все это едва ли может служить показателем уровня интеллекта, он инстинктивно расправил плечи.

– Ну-у, вообще-то, я... – хотел было поскромничать Максат, но его перебил другой старейшина.

– Может, ты и ойратский знаешь? – спросил он

– Нет. – Макс понял, в чем дело. – Не знаю.

– Плохо, – вздохнул Кульмагамбет. – Тогда придется тебе за ними присматривать всю дорогу, пока ставки не достигнем.

– А почему мне? – как-то по-детски спросил Максат.

– А почему не тебе? – в тон ему переспросил бий. – Кто-то ведь должен за ними следить.

– А если б я знал их язык, что-то изменилось бы? – на всякий случай поинтересовался Максат.

– Иди к жигитам, – велел Кульмагамбет, не удостоив новоиспеченного сарбаза ответом.

– Простите, ага! А что вы хотели спросить у ойратов?

– Ах да, – рассмеялся Кульмагамбет. – Ты же у нас сын бахсы!

Максат не удивился тому, что «легенда», рассказанная им

Мирасу, уже дошла до стариков.

– Так что именно вас интересует? – повторил он свой вопрос.

– Много ли ойратов готовятся к войне? – приняв серьезный вид, спросил бий.

– Очень. В предстоящей битве их будет намного больше.

– Значит, мы проиграем? – попробовал догадаться Кульмагамбет.

– Нет, в этой битве казахи победят. Но она будет лишь началом страшной войны.

– Что ты несешь, дурень? – укоризненно воскликнул Таймас. – Шуточки оставь для своего друга. Ты хоть знаешь, что такое война?!

– Нет. А вы? – невозмутимо ответил Максат. Ему явно не понравилось, что один из выдуманных им же персонажей назвал его «дурнем».

– Ах ты щенок! – разозлился и аксакал. – Где моя камча, я тебе покажу, как со старшими разговаривать нужно!

– Брось, Таймас! – повелевающим тоном остановил свояка бий. – Я сам спросил его. Какова армия ойратов, Максат?

– Пять туменов¹⁷.

Аксакалы захохали, не веря в услышанное. С таким войском вполне могла начаться война.

– Все, иди, Максат! Нам есть о чем потолковать.

На этот раз правильнее было уйти.

---

¹⁷ Один тумен насчитывает 10 тысяч воинов.

Глава 11. Туман

– Зачем старший звал? – набросился с расспросами Жека, едва Макс вернулся.

– Так, ничего особенного, – загадочно ответил друг.

– Да говори ты толком! – нетерпеливо потребовал Жека и передразнил друга, повторив его же слова.

– Просил, чтобы я с джунгарами пообщался, – сдался наконец Максат, проигнорировав язвительность Жеки.

– А ты сможешь? – тут же заинтересовался Жека, но что-то заставило его осечься. – Как ты сказал? Джунгары? Это что, те самые джунгары, которые...

– Да-да. Те самые, – кивнул Максат, глядя на костер.

– Слушай, я, конечно, историю не очень знаю, но, по-моему, это были не самые дружелюбные товарищи.

– Есть такое, – засмеялся Макс.

– Че ты ржешь? Ты куда нас загнал? Не мог в своей книжке про любовь какую-нибудь написать. Или про розовых пони и голубые облака? Давай выкладывай, в какой замес мы попали.

Жека нервничал.

– Да говорил я тебе сто раз.

– А ты еще раз скажи!

– Я хотел побывать на месте знаменитой битвы.

– Какой битвы? Той, про которую ты на форуме прочел? –

все еще не понимал друг.

– Ну да. Орбулакская битва.

– Хороши дела, – присвистнул Жека. – Слушай, а чего мы вообще за ними идем? Может, лучше тут потусим, а они потом тебе все расскажут?

– С ума сошел, что ли? Ни в коем случае. Мы просто обязаны идти с ними.

– А с какого это рожна? – сопротивлялся Жека. – Лично я больше с места не сдвинусь. Буду тут сидеть. Это не моя война.

– Да пойми ты, Жека, тут оставаться нельзя. Раз мы здесь, значит, это не просто так. Пойми, у меня больше такого шанса не будет. Я своими глазами увижу легендарное событие, о котором до сих пор спорят два народа.

Спор между двумя друзьями стал привлекать к себе внимание. Максат прилагал все свое красноречие, чтобы убедить друга, но тот продолжал артачиться. Делать нечего, пришлось Максиму согласиться. Шанс шансом, а разлучаться с другом ему сейчас хотелось меньше всего. К тому же он почему-то был уверен, что затея Жеки отсидеться в степи и пропустить битву все равно не удастся. Парни условились встать в караул и покинуть лагерь ночью, когда все уснут. Так и поступили.

Доставшихся им коней решили с собой не брать. Во-первых, могли наделать слишком много шума, а во-вторых, кони им не принадлежали. Одно дело – просто сбежать. Совсем

другое – сбежать с чужой лошадью. Конокрадство у кочевников каралось особо. Об этом легко можно было догадаться, наблюдая за тем, как их спутники ухаживают за своими животными. Словом, ссориться с сарбазами никто из друзей не хотел.

Вернувшись лишь к утру, друзья осторожно залегли в высокой траве, стараясь оставаться незамеченными. С удивлением они обнаружили, что побег двух пришельцев если и был замечен, особой важности этому событию никто не придал. Отряд готовился продолжить свой путь. Тронулись все разом. Пленных все же взяли с собой. Предварительно связав руки за спинами, ойратов положили на их же лошадей. Следить за ними доверили найманам во главе с Амантаем.

Когда клубы пыли, поднятой всадниками, улеглись, отряд казался маленькой черной точкой, теряющейся в немногочисленных изгибах степной тропы.

– Что будем делать? – бодро спросил Жека у своего друга, прерывая вынужденное молчание.

– Ты так спрашиваешь, как будто это была моя идея остаться.

– Я, конечно, без понятия, куда нам идти, но мы, во всяком случае, останемся живы, – попробовал оправдаться Жека. – Лично я родился в двадцатом веке, а то, что происходило в семнадцатом, так же, как и в пятнадцатом или шестнадцатом, меня мало волнует.

На секунду Жека отвлекся. Его внимание приковала

узенькая белая полоска, появившаяся на горизонте.

– Что это? – в недоумении спросил он.

Теперь и Максат заинтересовался необычным явлением природы. Ничего подобного ему прежде наблюдать не доводилось. Казалось, будто эта белая полоса приближается и, по мере приближения, увеличивается в размерах. С виду это напоминало ползущее по земле огромное белое облако. Не успели они понять, что происходит, как оказались в теплом белоснежном тумане. Он был настолько густым, что стоявшие рядом друзья не могли видеть друг друга. В воздухе пахло чем-то знакомым. Максат сообразил первым – это был запах типографской краски.

Однако облако двигалось так же стремительно и вскоре уплыло дальше. Остался лишь зыбкий белесый туман, полупрозрачной пеленой застилавший глаза. Но вскоре и он растворился в воздухе, не оставив после себя и следа.

Потерявшиеся друзья снова нашли друг друга. Оба, не стовариваясь, обнялись, словно пережили нечто страшное. Жека заговорил первым:

– Ты когда-нибудь такое видел? Я – впервые. Это что, по нам облако проехало?

– Видимо, да, – задумчиво ответил Макс. – В общем, я нечто похожее и предполагал.

– Интересно, а когда туман рассеется? Я ни неба, ни земли не вижу.

Жека вертел головой в разные стороны.

– А это не туман, дружище. Просто нет здесь ни неба, ни земли. Ничего нет. До этого мы были внутри сюжета. Как бы прыгали по буквам. Теперь мы на чистых полях. Помнишь хоть, как поля книги выглядят? У новых книг они белоснежные. Как и все вокруг.

Глава 12. На юг!

Отряд тронулся, едва взошло солнце. Пропажа чужаков поначалу несколько обеспокоила Кульмагамбета. А не связано ли это с отказом говорить с ойратами? Впрочем, на лазутчиков они мало смахивали. Один – урус, второй мало чем отличается от первого. Разве что внешностью, да и то не особо заметно. Одним словом, чужак!

По всем расчетам выходило, что сегодня к вечеру отряд должен достичь ставки султана. Кульмагамбету не терпелось узнать, сколько воинов встанет под знамена Жангира, если им придется иметь дело с пятью туменами ойратов?

На молодого султана Кульмагамбет возлагал немало надежд. Каржасам все сложнее отстаивать родные кочевья. Многие соседние роды норовили занять горы Баянаула. И, как стало ясно после встречи с найманами, нечто подобное испытывали и аулы других родов. Народу нужен сильный хан, который навел бы порядок. Но в такое смутное время даже принадлежность к роду знаменитого Чингисхана уже ничего не гарантировала. Чингизидов после смерти Есима

стало хоть пруд пруди.

Словом, Кульмагамбет заранее готовил себя к худшему. И все же, надежда была. Победа над ойратами значительно подняла бы авторитет молодого сына Есим-хана, но эту победу еще предстояло добыть. А что же сам Жангир? Говорят, он уже достиг возраста, когда человек переступает порог, разделяющий молодость и зрелость. По слухам, неглуп. Правда, все тот же узун-кулак утверждает, что он побывал в плену у ойратов. Многие султаны сочли это козырем в своих руках и потому едва ли согласятся идти за ним в сражение... Все эти мысли одолевали бия каржасов больше, чем пропажа двух инородцев. Поэтому он и торопил своих людей, чтобы лично увидеть того, на кого устремлены сейчас взгляды тех, кто был верен покойному Есиму. Как известно, свои глаза обманывают реже, чем чужие...

Кульмагамбет дал знак, и всадники тронулись. Идеально ровную гладь степи то и дело нарушали все чаще встречающиеся сопки и холмы. Стояла поздняя весна. Земля была устлана ярко-зеленым ковром. Солнце начинало пригревать. На небе не было ни облачка. В траве стрекотали кузнечики, над полевыми цветами порхали бабочки.

В дозор было решено отправить Мираса с двумя ровесниками из аула Таймаса. Этот малец неплохо проявил себя в бою с Амантаем. Честно говоря, бий недооценивал сына бедняги Культая.

Обрадованный столь высокой честью, Мирас умчался

вперед, никого не дожидаясь. Так что двое других сарбазов оказались в роли догоняющих. Кульмагамбет обернулся, чтобы взглянуть на пленников. Все трое были на месте и вели себя смирно. Рты ойратам пришлось завязать, так что возможности общаться друг с другом у них не было. Связанные по рукам и ногам, они находились под пристальным взглядом гиганта Амантая. Интересно, сколько еще таких отрядов разослал по степи хунтайджи? Ведь он наверняка мог предположить, что вернутся далеко не все. Эти вот точно не вернутся.

Мысли лезли одна на другую, и каждая старалась занять главенствующее положение в голове Кульмагамбета. Он с досадой потрянул головой, словно отгоняя их, как надоедливых мух. Нужна была небольшая разрядка. Бий ослабил поводья и дал волю коню. Тот оценил жест хозяина. Шаг скакуна стал резвым и свободным. Вслед за Кульмагамбетом ускорились и остальные сарбазы. За исключением найманов: им нужно было следить за тем, чтобы пленные ойраты не свалились на землю.

Внезапно из-за ближайшего холма послышался топот копыт. Появился одинокий всадник и тут же устремился к отряду Кульмагамбета. Это был Мирас. Он выглядел взволнованно.

– Кулеке! Кулеке-е! – закричал он еще издали, размахивая сдернутой с головы шапкой. – Там еще сарбазы! Там, за холмом!

Мирас был настолько взбудоражен и возбужден, что забыл о правилах приличия и обратился к аксакалу именно таким образом.

– Ну что ж ты народ пугаешь? – укоризненно прикрикнул Кульмагамбет, когда Мирас приблизился. На фривольное обращение юнца он даже не обратил внимания. – А где твои друзья?

– Они там. Остались ждать нас. Там небольшая роща – можно сделать привал.

– Молодец, Мирас! – похвалил бий, похлопав лошадь юноши по мускулистой шее, но объяснять, чем Мирас заслужил похвалу, не стал.

Оказалось, дозор Кульмагамбета встретился с каракесеками – еще одним родом из большого племени аргынов, согласившимся примкнуть к султану Жангиру. Их было десять. Старший назвался Батырбеком. Неплохо сложенный, наполовину лысый жигит. На вид не больше тридцати. Предводители обоих отрядов вежливо поздоровались, обменявшись традиционными в подобных случаях вопросами. Как и сказал Мирас, рядом была уютная рощица, где можно передохнуть. Дальше условились двигаться вместе.

По словам Батырбека, он старший сын бия Баглана. Сам старейшина не рискнул покидать сородичей в столь сложное время. Слушая каракесека, Кульмагамбет отметил, что тот вполне соответствует своему имени. Во всяком случае, внешне. Батырбек к тому же весьма сдержан, чувствует тон-

кую грань между вежливостью и назойливостью.

Остальные каракесеки под стать своему предводителю. Правда, далеко не все из них смогли позволить себе отправиться в военный поход в надлежащей амунии. Многие вооружены только шокпарами либо топорами. Доспехов нет у половины. Кстати, такая же проблема и у каржасских сарбазов. Никто ведь не готовился к войне. Собрали что успели.

Вскоре объединенный отряд двинулся дальше. Над тонкой линией горизонта стала подниматься вершина хребта Токсанбай. Оттуда до ханской ставки уже рукой подать.

По мере приближения к условленному месту все чаще стали встречаться другие казахские отряды, стекавшиеся к Орбулаку со всех концов степи. Это были те, кто откликнулся на призыв молодого султана встать на защиту родной земли.

Глава 13. Лагерь

Впервые в своей жизни Мирас видел такое количество юрт. Он сбился со счета уже на двадцать пятой или двадцать шестой. Но их было много больше. Особо выделялась среди остальных та, что находилась в центре. Эта юрта была крупнее и богаче остальных. Вход в покои Жангира охраняли два вооруженных сарбаза с длинными копьями.

Каждую группу подъезжающих встречали специальные люди султана. Один из них приблизился и к аргынам. Молодой парень, примерно одного возраста с Мирасом, в про-

сторных штанах и обычной рубашке песочного цвета, надетой под жилетку из грубой ткани. Приветлив и вежлив. Словом, судя по приему, султан рад каждому ополченцу.

Первым на правах старшего представился Кульмагамбет, сообщивший, что привел с собой тринадцать жигитов. Затем настала очередь Баглана. Пока он говорил, порученец султана косился на трех лошадей, поперек которых были перекинуты связанные ойраты. Кульмагамбет угадал его немой вопрос и пояснил, когда каракесек закончил:

– Этих мы взяли еще в землях найманов. Остальные мертвы. – В голосе старейшины чувствовалась гордость. – Правда, и у нас без потерь не обошлось. В бою пал один из наших сарбазов. Я думаю, это лазутчики.

Жигит внимательно выслушал Кульмагамбета и предложил сразу проследовать к султану, который принимал людей с самого утра. Кульмагамбет, Жомарт, Таймас и Баглан в сопровождении все того же жигита направились к главной юрте. Остальные решили пока не разбредаться и дожидаться возвращения старейшин вместе. Каракесеки отделяться не стали. Коней оставили в стойлах, а сами расположились неподалеку, так, чтобы видеть вход в главную юрту.

В лагере меж тем кипела жизнь. Женщины (судя по всему, они прибыли из ближайших аулов) готовили еду. Воздух обволакивал дурманящий запах свежей баранины, исходящий от расставленных тут и там огромных казанов.

Люди продолжали прибывать. Когда Мирас и другие сар-

базы расселись прямо на траве, к ним подбежал мальчик лет десяти. В руках у него была широкая деревянная пиала, от которой веяло густым дразнящим ароматом. Он протянул чашу тому, кто показался ему самым старшим из аргынов, – Амантаю. Малец исчез так же быстро, как появился. Однако вскоре вернулся. Уже с другой чашей. Она досталась одному из каракесеков. Очень скоро каждый из сарбазов Кульмагамбета шумно втягивал в себя наваристую сорпу¹⁸, приготовленную в лучших традициях кочевой кухни.

Допив свою порцию, Мирас бросил взгляд в сторону плененных врагов. Удивлены небось силой казахского войска? Оказалось, что нет. Во всяком случае, узкоглазые физиономии пришельцев выражали скорее любопытство, нежели страх или удивление. А один из ойратов даже чему-то улыбался. Надо отдать ему должное. Даже будучи связанным, в окружении врагов, он не терял присутствия духа. Вместо расширенных страхом глаз, Мирас увидел совершенно умиротворенное лицо с чуть приподнятыми уголками губ. Презрение! Вот что читалось во взгляде пленника.

Внезапно молодого каржаса охватило неудержимое желание пнуть по ненавистной физиономии. Причем не просто ткнуть носком сапога, а хорошенько приложиться. Размахнуться как следует и... Мирас постарался унять нахлынувший гнев. Тем более что избиение пленных считалось делом низким.

---

¹⁸ Мясной бульон.

На пороге главной юрты появился все тот же парень, который встречал их полчаса назад. Он кого-то выискивал взглядом. Когда его черные глаза, обрамленные густыми, сросшимися на переносице бровями, остановились на устроившихся на отдых аргынах, прислужник Жангира уверенной походкой направился в их сторону.

– Кто из вас Амантай? – поинтересовался жигит, когда приблизился.

– Я, – быстро ответил найман, вытирая рукавом рубахи жирные после сорпы губы.

– Султан хочет видеть пленных.

– Всех? – на всякий случай решил уточнить Амантай.

Тот, кому задавался вопрос, отрицательно покачал головой и ткнул пальцем в того самого ойрата, которого только что хотел пнуть Мирас. Лицо лазутчика по-прежнему оставалось невозмутимым. Только уголки губ вернулись на свое привычное место, а брови слегка приподнялись. Было заметно, что ойрат напряженно вслушивается в разговор казахов, чисто интуитивно начиная понимать, о чем идет речь.

С тяжелым кряхтеньем Амантай поднял свое грузное тело. Громко высморкавшись на ходу, он приблизился к пленному, лежавшему все это время на боку. Грубо схватив ойрата за плечо, найман потянул его на себя. С первой попытки поставить чужака на ноги не удалось. Связанный крепкими веревками, он никак не мог удержать равновесие и то и дело валился на землю.

Мирас первым бросился на помощь найману. Он схватил ойрата за другое плечо и рванул его кверху. Объединив усилия, сарбазы Кульмагамбета все же сумели поднять пленника. Несмотря на не самое лучшее знакомство, каржас неплохо поладил с найманским палуаном. Амантай даже как-то попросил его показать несколько приемов, с помощью которых Мирас одержал победу в памятном для обоих поединке.

Вдвоем они поволокли пленного в юрту Жангира. Ойрат даже не думал брыкаться и вел себя довольно смирно. Со стороны казалось, будто он лишился чувств.

Глава 14. Возвращение

Спустя десять минут после того, как по нему прошло огромное белое облако, Жека перестал ориентироваться в пространстве. Все вокруг стало белым-бело. Причем невозможно было установить источник света. Он распределялся равномерно по всей поверхности. Одновременно с красками и очертаниями ушли и все звуки. Наступила такая тишина, что он мог слышать негромкое дыхание друга.

Максат, судя по внешнему виду, находился приблизительно в таком же состоянии. Он вертел головой, пытаясь понять, где оказался.

– Ну, что скажешь? – заданный чуть ли не шепотом вопрос громом отдался в этой пугающей пустоте.

– Слушай, в какую сторону облако ушло?

– Туда, – уверенно ткнул пальцем себе за спину Жека.

– Пошли.

– Куда?

– Облако догонять.

Сказав это, Максат развернулся и зашагал в заданном направлении. Жеке не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Он был немало удивлен, когда услышал звук своих шагов. Вопреки ожиданиям, поверхность, по которой он шел, от соприкосновения с массивными каблуками туфель издавала не звонкий, а приглушенный стук. Жека остановился и присел на корточки.

Не может быть! Под его подошвами находилась самая настоящая бумага. Он даже провел пальцем по ослепительно белой глади, чтобы убедиться в этом. Да что тут, черт возьми, происходит?

– Мы потеряли связь с героями, – ответил на непрозвучавший вопрос Максат, решивший подождать отставшего друга и будто прочитавший его мысли. – Там, где нет героев, нет и событий. Ферштейн? У тебя когда-нибудь бывало, что ты читаешь книгу, но в определенный момент тебе наскучивают, какие-то описания или длинные диалоги? И ты пролистываешь несколько страниц до новой главы, чтобы узнать, как сюжет будет развиваться дальше.

– Ага, каждый день! – саркастически воскликнул Жека. – Я же такой книголюб – прямо от книжки не оторвешь! Да я даже учебники в школьной библиотеке никогда не брал.

– Балбес ты, Жека! Ладно. Вроде с физкультурой у тебя все в порядке было. Не разучился бегать-то?

– Это ходить я разучился, как свою ласточку купил. А бегать пока еще лучше, чем ты, могу.

Последняя фраза прозвучала как вызов. Жека сорвался с места первым, Максат поспешил вдогонку.

Сказать, как долго они бежали, трудно. Часов ни один из друзей не носил, а мобильники у обоих давно сели. Тем не менее, их марафон продолжался довольно долго. Друзья не переговаривались – держали дыхание.

Когда тело Жеки нагрелось до такой степени, что, казалось, полностью покрылось липким потом, он понял, что больше бежать не может. Макс тоже остановился. Судорожно втягивая ртом воздух, он согнулся, упершись ладонями в колени. Жека опустил на корточки.

Страшно хотелось пить. В желудке тоже было пусто. Но ни еды, ни воды друзья из лагеря не захватили, посчитав это воровством, и сейчас оба жалели об одном и том же. Нужно было поторапливаться. Так, во всяком случае, считал Максат. Сам Жека спешить никуда не хотел, однако оставаться в бумажном вакууме ему тоже не очень-то хотелось.

На этот раз бежали еще дольше. До тех пор, пока ноги не стали подкашиваться, а сердце уже не постукивало, а безудержно трепыхалось в тесноте грудной клетки. Решили сделать небольшой привал, и едва голова Жеки коснулась бумажной поверхности, как он тут же провалился в глубокий

сон.

Ему снился дом. Тихий дворик, затерявшийся в лабиринте улиц несуразного, но такого родного города. Знакомая с детства деревянная лавочка, притаившаяся в тени раскидистого дуба. Каждый сантиметр почерневших дощечек был исписан признаниями в любви, грязными ругательствами и просто именами тех, кто хотел оставить здесь свой след.

Жеке снилось то время, когда жизнь казалась веселой и захватывающей игрой. Когда счастьем были завистливые взгляды дворовых пацанов, впервые увидевших тебя в новых кроссовках. Когда не нужно было притворяться и врать. Когда не было тупых начальников и занудных коллег. Когда слово «вулканизация» ассоциировалось только с вулканами, а папина зарплата казалась невысказанным богатством.

Он сидел, свесив ноги, обутое в те самые «аидасы», купленные с отцовской полочки на рынке. Макс, как обычно, был рядом. Жека ел огромное кисло-сладкое яблоко, которое все никак не могло превратиться в огрызок, и изредка поглядывал на друга. Тот казался задумчивым, если не хмурым. Жеке хотелось заговорить с Максом, но его рот был слишком занят поеданием апорта. Максат тоже молчал. Откусив чересчур большой кусок, Жека сплюнул непрожеванную мякоть и решил прервать молчание.

– Скучно, – признался он. – Может, пойдем в самураев поиграем?

– В каких еще самураев? – не понял Макс.

Жека смерил друга удивленным взглядом.

– Ну в самураев. Я за домом такую высокую полынь видел.

Пошли порубим ее.

– Нет. Я, пожалуй, домой пойду. Еще уроки не делал. Ты, кстати, тоже.

– Ну и топай, очкарик! Мне и одному неплохо.

– Сплюнь, дурак! А то и вправду один останешься.

– Да уж лучше одному, чем с тобой! – обиделся Жека, не понимая, в какой момент его лучший друг стал таким занудой.

– Так уж и лучше? – Максат пристально уставился на друга.

– Лучше! А ты иди, делай свои уроки. Ты же у нас отличник. Маме потом дневник не забудь показать. А я вырасту и стану воином, как Брюс Ли. Понял? Будешь потом завидовать.

Последние слова не на шутку разозлили обычно спокойного Максата. Так разозлили, что он перешел на родной язык, на котором, вообще-то, почти не говорил. Он с силой затряс друга за еще неокрепшие детские плечи и что-то заорал. Какие-то короткие, рубленные фразы, похожие не то на призывы, не то на оклики.

Жека открыл глаза. Белоснежная пустыня исчезла. Вокруг снова бушевали весенние краски. Он лежал на свежей траве в окружении стройных елей. Чуть приподнявшись на локте, он вдруг увидел виновника своего пробуждения. Пря-

мо над ним возвышался раздетый до пояса азиат с щеточкой коротких черных волос на голове. Первое, что бросилось в глаза, – угрожающий топорик на длинной рукояти, которым незнакомец замахивался на беззащитного Жеку.

Глава 15. Допрос

Мирас, как мог, старался оставаться незамеченным. Он даже почти не дышал. Сказал бы ему кто-нибудь, что он, сын простого пастуха из Баянаула, будет сидеть в ханской юрте, едва ли воспринял бы это всерьез. А вот сидит. Конечно, не на самом почетном месте, но тут уж какое досталось. И на том спасибо.

Он много раз представлял себе султана. В его еще детском воображении претендент на ханский титул должен блистать всем: умом, красотой, одеждой, украшениями. Собственно, все эти представления в какой-то мере оправдались. Жангир сидел прямо напротив входа, в центре длинной вереницы людей. Практически все места подле султана заняли его ближайшие сподвижники – батыры. Кульмагамбет и другие бии, пришедшие с аргынами, заняли места справа от входа.

Жангир был в походной одежде. Поверх кольчужной рубахи (султан всегда ожидал внезапного нападения) надет желтый шелковый халат. Белый кушак скрывал два кожаных пояса. К одному из них подвешены ножны. За сам кушак заткнут иранский нож с рукоятью из слоновой кости. Обут

в мягкие кожаные сапоги без подметок. На голове сына Есим-хана красовался отполированный до зеркального блеска шлем с широким обручем в основании. Из острия шлема торчал длинный пучок конских волос.

Скрестив ноги под собой, султан пристально изучал приведенного Мирасом и Амантаем ойрата. Лицо его было задумчивым и сосредоточенным. Уперев локоть правой руки в колено, он теребил пальцами кончик своей аккуратно подстриженной бородки. Длинная пластина, свисавшая со шлема, почти полностью закрывала нос. От уголков глаз султана до самых висков тянулись тоненькие нити морщин. Впрочем, пока что их было немного.

Мирас сначала немало удивился тому, что султан знает язык ойратов. Но потом вспомнил, как в ауле судачили, что Жангир побывал в плену. Теперь ясно. И все же Мирасу казалось странным, что им разрешили присутствовать при допросе пленного. Почему-то ни один из находившихся в юрте старейшин не выказал своего недовольства относительно присутствия среди них простых сарбазов.

В гробовой тишине султан задавал ойрату вопросы, на которые незамедлительно получал ответы. Мало кто из находившихся в юрте понимал, о чем шла речь, но абсолютно все сейчас обратилось в слух. К чести ойрата, стоит отметить, что держался он более чем достойно. В голосе не звучало панических ноток. Не слышалось и мольбы о пощаде. Хотя кто сказал, что его обязательно должны убить? Быть может,

султан смиляется над врагом и отпустит его восвояси. Это был бы широкий жест, достойный мудрого правителя: если ойрату суждено умереть, то он погибнет в бою, а не от рук палачей.

Жангир между тем жадно глотал все, что говорил ему ойрат. Посвящать подданных в суть беседы не спешил. Мирас так засмотрелся на султана, что совсем забыл о самом пленнике. Руки у него по-прежнему были связаны за спиной. Путы, которыми стянули ноги, пришлось разрезать, для того чтобы тот мог сидеть. Внезапно внимание Мираса привлек блеск, метнувшийся из рукава ойрата. Когда горе-конвоир понял, что происходит, было уже поздно. Оказалось, неопытные казахи даже не додумались обыскать пленников – только отобрали оружие. А тот самый ойрат, которого теперь допрашивал султан, ухитрился припрятать в рукаве маленький – не больше среднего пальца – ножичек.

Не зная, что нужно делать, Мирас громко закричал, осмелившись прервать очередной вопрос султана. Все обернулись к нему. Этим и воспользовался ойрат. Резким усилием он разорвал недорезанную веревку и уже собирался обрушиться с ножом на Жангира, но вместо этого распластался на полу. По широкой спине растекалось красное пятно. Ойрат с трудом приподнял голову и, захлебываясь кровью, посмотрел на султана. Хотел что-то сказать, но сил уже не хватило.

Амантай оказался более чутким надзирателем. Он вовре-

мя разглядел опасность и убил ойрата раньше, чем тот смог навредить Жангиру. Найман спокойно окинул всех взглядом, вытер лезвие кинжала о ткань рубахи убитого. Затем снова заткнул оружие за пояс и вернулся в свою прежнюю позу с таким видом, будто ничего не произошло. Повисла пауза, которую первым нарушил султан:

– Как твое имя, батыр? Чей ты сын?

Амантай прижал кулак к сердцу, почтительно поклонился и лишь потом заговорил:

– Я – Амантай, сын Калижана из рода найманов.

– Я рад, что в моем войске будут сражаться такие парни, как ты. Тебе нестрашно доверить спину. – Казалось, султан сказал это вполне искренне.

Мирас поймал взгляд Кульмагамбета. Тот был чем-то насторожен, но не давал эмоциям овладеть собой. По его морщинистому лицу трудно понять, чего следует ожидать: наказания за то, что подвергли опасности жизнь султана, или все-таки благодарности за спасение этой самой жизни.

– Унесите его и похороните по-человечески, – велел Жангир. – Это достойный враг. Даже зная, что его непременно убьют, попытался напасть на врага своего повелителя.

Мирас и Амантай подхватили безжизненное тело и потащили его вон из юрты. Из раскрытого рта ойрата продолжала стекать густая струйка крови, оставляя на пестром ковре неровную красную полосу.

«Все-таки влетит нам сегодня! – подумал Мирас. – Такая

красота по нашей вине испорчена!»

Глава 16. Непризнанный хан

Уже сумерки простирали свои объятия над Тянь-Шанем, а поток приезжающих все не убывал. Казахи стекались маленькими группами – каждый аул отправил от силы по три-четыре джигита. Жангир ожидал этого. Все предпочитали безраздельно править своими землями, чем признать власть единого хана. Казахи раздроблены и разбросаны по всей Великой степи, и не было такой силы, которая заставила бы их сжаться в единый кулак, как прежние времена.

Вопреки пересудам, гулявшим по степи, султан Жангир никогда не желал власти над всеми казахами, хотя отец, хан Есим, воспитывал его как будущего правителя, поскольку именно в нем, а вовсе не в первенце видел своего наследника. Впрочем, с мнением хана, как обычно, многие оказались не согласны. Вернее сказать, бо́льшая часть степной элиты вообще не хотела, чтобы у Есим-хана был преемник.

Как знать, быть может, если бы старший брат Жангира Жанибек сумел зубами вгрызться в отцовский трон, то он смог бы навести порядок. Увы, казахи не приняли Жанибека. У Жангира просто не оставалось другого выхода, так как ханство погружалось в хаос. Грызня между племенами грозила вот-вот перерасти в междоусобную войну. Соплеменникам нужен был сильный лидер, и сыну Есима пришлось

стать таковым.

К ночи лагерь зашумел множеством молодых голосов. Это вернулись в аул те, кто прибыл раньше и весь сегодняшний день провел в ближайших горах на вырубке елей, необходимых для предстоящей битвы. Сарбазы отдыхали после изнурительной работы. То тут, то там вспыхивали костры. Аульские хозяйки колдовали над ужином.

Этими отчаянными женщинами были матери некоторых жигитов. Жангир разрешил им остаться только до конца завтрашнего дня. Так как послезавтра, по данным разведчиков, ойраты собираются войти в ущелье Орбулак, которое и стерег султан. Иначе нельзя. Не каждой матери удастся совладать с собой при виде окровавленного тела своего ребенка. Но даже не это самое страшное. Страшнее – не дожидаться его с битвы. В детстве Жангир часто встречал старушек, которые до самой смерти продолжали ждать своих сыновей, сгинувших в жестоком бою.

Однако до сражения еще оставалось время, и Жангир не хотел лишать матерей возможности подольше побыть со своими пока еще живыми детьми.

Сам султан есть не хотел. Аппетит у него пропал сразу после разговора с ойратом. Он был поражен тем, как смело, если не сказать нагло, вел себя пленный. В его взгляде читалось только одно – ненависть к врагу. Все-таки Эрдэни-Батур был правителем от бога, коли сумел заставить подданных поверить в свою идею.

Ойрат даже не пытался что-то скрыть от казахского султана. Он рассказал и о численности армии, и о командовании, и даже немного о тактических планах – словом, обо всем, что следовало знать о противнике. Пленник явно не верил в то, что столь маленькому войску казахов удастся остановить наступление ойратских орд. Слово в слово султан запомнил последние слова ойрата, сказанные им до того, как он испустил дух.

«Мой повелитель сметет твоих казахов, подобно тому, как коршун одним взмахом крыла способен смести целый муравейник... – шипел вражеский лазутчик. – Нас пять туменов, и мы идем за тем, что должно принадлежать нам. Вы, казахи, разжирели на привольных пастбищах, сами уподобившись баранам. Нам даже не понадобится выгонять вас – сами побежите. А если такой безумец, как ты, и посмеет выйти против нас, его едва ли поддержат остальные. В этом я убедился. Ты ведь уже был у нас в плену, сын Есима. Лучше поспеши склонить голову перед владыкой степи Эрдэни-Батуром, сыном Хара-Хулы!»

Если каждый ойрат в войске Эрдэни такой же бесстрашный, как этот отчаянный воин, Жангиру действительно придется несладко.

Одни входили в юрту, другие выходили, но обитель султана ни на миг не пустела. Наконец Жангир поблагодарил всех собравшихся и попросил оставить его наедине с батырами. При этих словах на лицах многих присутствовавших по-

явилось выражение недовольства, чему в тот момент султан не придавал особого значения. Ему необходимо было обсудить план предстоящей битвы с давними соратниками, имевшими в военном деле гораздо больше опыта, нежели остальные бии и старшины. Разработка тактических действий не должна превращаться в базарный спор дилетантов.

Когда все, кому следовало покинуть юрту, сделали это, за порогом раздалась какая-то возня. Верный слуга, неотступно следовавший за Жангиром всюду, – Маралбек из рода Керей, осторожно нырнул внутрь юрты и, тихо ступая, направился к султану. Он остановился в шаге от правителя, склонил голову и приложил руку к сердцу.

– Говори, – разрешил Жангир.

– О почтенный султан, мы поймали каких-то странных людей. Один из них урус, второй утверждает, что казах. Возможно, тебе будет интересно с ними побеседовать.

– Урус? – удивился султан. – Пожалуй, это действительно любопытно. Неужели урусам интересна грызня между кочевниками? Вели привести их.

Маралбек быстро удалился, но вскоре вернулся в сопровождении двух молодых людей. Одеты они были действительно странно. Ноги обоих обуты в причудливые цветные башмаки. Необычными выглядели и штаны, сшитые из невиданной, местами потертой синей ткани. Обрезанные на предплечьях рубахи с замысловатыми рисунками и непонятными надписями иноземцы носили на выправку.

Пока султан изучал доставленных пленников, которым, от греха подальше, связали руки, сами пришельцы изучали помещение. Особо нагло вел себя урус. Он без стеснения шарил глазами по развешанным на стенах коврам и остановил взгляд только на висевшем за спиной Жангира мече, изготовленном специально для султана бухарскими мастерами.

Второй отличался от первого лишь монгольскими чертами лица. Он вел себя куда скромнее и стоял с опущенной головой. Судя по всему, понимал, перед кем оказался. Ойрат?..

Наконец Жангир заговорил. На всякий случай на ойратском:

– Кто вы и что вам здесь нужно?

Язык, на котором прозвучал ответ, очень напоминал казахскую речь, но ее портил незнакомый сильный акцент:

– Я Максат, сын Маруана. Из кипчаков...

Глава 17. Чужаки

Пожалуй, единственным человеком, который радовался возвращению Максата и Жеки, был Мирас. Не то чтоб другие отнеслись к друзьям враждебно. Просто всем остальным, занятым своими делами, было не до них. Даже старик Кульмагамбет ограничился лишь словами приветствия.

Максат, хотя и был лишь на несколько лет старше Мираса, искренне считал, что имеет право называть себя его отцом. Ведь этот молодой казах – плод его воображения! А вот Же-

ка относился к персонажу еще не оконченной книги вполне по-дружески. Их сближение произошло после памятного поединка с Амантаем.

Надо сказать, накануне, во время разговора с султаном, Максату стоило больших трудов убедить Жангира в том, что они не являются шпионами. В самый последний момент ситуацию спас Кульмагамбет, которого кто-то известил о появлении давешних чужаков. Бий сам явился к правителю, чтобы объяснить ситуацию. Так Макс и Жека были причислены к сотне батыра Аргынтая, куда и отправились, покинув юрту султана.

Увидев своими глазами аргынского батыра, Максат разочаровался. Все свое детство он представлял казахских героев эдакими бесстрашными великанами с мужественными лицами. Но Аргынтай оказался далеко не гигантского роста. Даже на полголовы ниже самого Макса, который на уроках физкультуры стоял ближе к дылдам-девчонкам, а не к рослым пацанам. Именем прославленного батыра назвался маленький кривоногий человек с медвежьей походкой и неприлично высоким для мужчины его лет голосом.

Аргынтай внимательно изучал двух новобранцев. При этом, глядя на Максата, он скривил свои бесформенные губы в скептическую улыбку. Жека, похоже, произвел на него гораздо лучшее впечатление. «Знакомство» продолжалось не больше двух минут, во время которых сотник не проронил ни слова. Исчез он так же быстро, как и появился. Никаких

распоряжений и приказов.

Проснулся лагерь с рассветом. В юрту, куда определили Максата и Жеку, вбежал Мирас. Растолкал друзей и объяснил, что их уже ждут. Позавтракали по-походному. На каждого по круглой лепешке и чаше айрана¹⁹. Затем вся сотня выстроилась в два строевых ряда (или, как выразились бы военные двадцать первого века, в две шеренги) и двинулась в сторону ущелья, ведущего в земли казахов. Впереди всех, как и полагалось, шел Аргынтай.

Еще перед самым выходом каждому сарбазу вручили по небольшому топорыку. Когда они добрались до подножия одной из гор, стало ясно, для чего. Казахи массово рубили лес. Этим же занялась и сотня Аргынтая. На вырубке работала добрая половина ополченцев, разделенных на сотенные отряды. Другая половина рыла окопы внизу – в ущелье.

С непривычки у Максата уже к полудню заныли руки, что не могло не повлиять на качество работы. Гладкая кожа на ладонях тоже не была готова к подобным нагрузкам и быстро покрылась волдырями. И хотя каждый новый удар отдавался жуткой болью в ладонях, Макс терпеливо продолжал размахивать топором. Не легче приходилось и его другу, тоже избалованному городским комфортом. Жека работал с оголенным торсом, намотав футболку на голову. Получилось что-то среднее между косынкой казаховских жигитов и дюрагой чернокожих рэперов. Во время редких передышек он смахивал

---

¹⁹ Кисломолочный напиток, аналог кефира.

со лба струйку пота и укоризненно качал головой, глядя на Макса. После того как они удачно бежали из «белого плена», его недовольство сложившейся ситуацией чаще выражалось в немой форме.

Между тем солнце уже подбиралось к зениту, но никто не торопился сворачивать работу для обеденного перерыва. Еду каждый взял с собой из лагеря. Снабдили обедом и Максата с Жекой, однако друзья не хотели выделяться. Им совсем не хотелось выглядеть неженками, а еще хуже – тунецями.

Когда казалось, что силы уже на исходе, где-то неподалеку раздался мальчишеский крик. Максат сперва решил, что ребенка послали объявить о перерыве на обед, но он ошибся. Этот детский крик вызвал немало любопытства среди сарбазов. Каждый спрашивал у стоящего рядом, что произошло, так как не все смогли разобрать слова. Хотя работать прекратили, покидать свои места никто не осмеливался. Так продолжалось, пока среди полуголых сарбазов и сваленных в кучу деревьев не показалась маленькая фигура Аргынтай. Сначала Максат подумал, что ему показалось, но потом стало очевидно – батыр направляется в его сторону. Холодок прокатился по вспотевшей спине. Неужели опять что-то не так?

Дойдя до места, где работали три друга: Жека, Макс и Мирас, Аргынтай крикнул:

– Эй, братишка! Да-да, я тебе! – он наставил короткий указательный палец на Максата. – Вижу, от тебя здесь ма-

ло пользы. Сходи в лагерь, узнай, что случилось. Этот мальчишка говорит о ссоре между биями. Узнаешь – сразу возвращайся.

Удивительно, как быстро может меняться настроение человека! Испарившееся чувство тревоги сменил убийственный позор. Оказывается, коротконогий батыр не так прост, как кажется на первый взгляд. Во всяком случае, он успевал не только выполнять свою работу, но и следить за тем, как трудятся остальные.

Максату пришлось проглотить обиду и отправляться выполнять поручение. Единственным утешением служило лишь то, что он получил возможность утолить свое любопытство раньше других. В своем будущем шедевре Макс не собирался никого ссорить.

Глава 18. Раздор

Низкорослый толстый казах с раскрасневшимся лицом грубо отпихивал от себя двух биев, пытавшихся его утихомирить. Несмотря на проседь в волосах, вел он себя крайне вызывающе. Несколько раз даже замахивался камчой на своих «добродетелей». При этом из его уст изрыгались самые грязные ругательства, какие чаще в ходу у темной бедноты.

Вся эта неблагопристойная сцена происходила прямо на глазах у Максата, который уже забыл, зачем его сюда послали. Вместе с ним за происходящим наблюдали еще три сот-

ни человек – все, кто остался в лагере. Максату трудно было разглядеть, на кого именно кричит мужчина – мешали головы тех, кто подошел раньше. Сам факт, что человек позволил себе устроить скандал в военном лагере, говорил о том, что скандалист занимает не последнюю ступень в степной иерархии. О том же свидетельствовал его богатый наряд.

Между тем возмутитель спокойствия решил сменить тактику. Накричавшись вдоволь, попробовал силы в риторике. Бойко жестикулируя, он что-то говорил собравшимся. Его речь была настолько эмоциональна, что трудно понять, объясняет он, внушает или просто уговаривает. Будто не замечая ничего вокруг, бий безжалостно топтал свой мурак²⁰, слетевший с головы. Вместе с ним в пыли валялся и длинный кожаный пояс. Полы синего парчового чапана²¹ были распахнуты.

– Эй, казахи! – восклицал он. – Жангир еще не хан. То, что он сын Есима, еще ни о чем не говорит! Он совещается только со своими батырами, потому что не хочет, чтобы вы знали правду. Говорят, ойратский хунтайджи идет сюда с большим войском. Может, султан в сговоре с ним? Он ведь уже попадал к ойратам в плен!

– Закрой свой поганый рот, Беимбет! – громогласно рык-

---

²⁰ Мурак – головной убор казахской знати, высокая бархатная шляпа на войлочной основе, вышитая золотой канителью, которую надевали поверх конусообразной шапки с меховой опушкой.

²¹ Чапан (шапан) – верхняя одежда, напоминающая халат.

нул на разошедшегося крикуна рослый, уже немолодой батыр. Он выступил вперед, чтобы его видели все, и широко расставил ноги. Левая рука сжимала рукоять длинного ножа, заткнутого за пояс.

Беимбет остолбенел. От неожиданности даже забыл закрыть рот.

– Кто ты такой, чтобы разговаривать со мной так?! – возмущенно завопил он еще громче, как только оправился от шока. – Ты – жангирская шавка! Правду говорят: «Кто не нравится хану, тот нравится народу; кто нравится народу, тот не нравится хану!»

– Значит, теперь он уже хан? – наигранно удивился батыр. – А может, все намного проще? Может, это не султан предатель, а ты – трус? Кто тебе доносит слова Жангира? Откуда ты узнал, с каким войском идут ойраты? Говори, пес!

В ответ Беимбет только зарычал на батыра, угрожающе потряхнув камчой.

– Да как ты смеешь говорить такое о нашем султানে?! Я лично был в том бою, когда Жангира взяли в плен. Он дрался, как лев! А где был ты? – не замечая потуг бия, продолжал напирать батыр.

– Тише, Карасай! – Макс узнал голос султана, но из-за многочисленных голов впереди не смог разглядеть его. – Умерь свой пыл. Значит, Беке, я, по-твоему, предатель? За такие слова придется ответить. Твои седины не могут служить оправданием подобной дерзости! Я Жангир, сын Есим-

хана! И кстати, мой толенгит²² говорит правду. Только он умолчал о том, что сам же меня и освободил. Вместе с Аргынтаем и другими такими же смельчаками. А ты в это время на мягкой перинке валялся! Так что еще не ясно, кто из нас предатель: султан, который воюет за свой народ, или зажавшийся бий, трусливо прячущийся от врага!

В толпе послышались одобрительные возгласы. Все затихли, когда заговорил Беимбет.

– Ответь, султан, почему ты не рассказал всем о том, что сюда идут пять туменов ойратов? Что вы такое обсуждаете, если твои телохранители никого к тебе не пускают с самого утра?

– Убирайся прочь с глаз моих! – сорвался, наконец, султан. – Уноси свои трусливые ноги! Спасай свои стада! Мне не нужны трусы!

– Эй, султан! – осадил его Беимбет. – Ты забываешься! С народом так нельзя. Народ плюнет – озеро появится! Я не хочу, чтобы матери двух сотен кереев²³, обвинили меня в том, что их дети погибли или попали в плен. Они уйдут вместе со мной. Но не потому, что струсили. А затем, чтобы встретить тебя с мечом в руках, когда ты примкнешь к ойратам, и начнешь грабить казахские земли!

Видимо, последние слова переполнили чашу терпения

---

²² Представитель служилого рода, телохранитель.

²³ Керей – одно из шести крупных племен (конрат, уак, керей, аргын, кипчак и найман), составляющих Средний жуз казахов.

Карасай-батыра, и он выбросил вперед свой гигантский кулак. Рыхлый Беимбет осел. С ненавистью взирая на обидчика, потер свою пухлую щеку. Не без труда поднялся на ноги. Карасай вовремя прочитал намерение бия, которому необходима была реабилитация. Прежде всего, в глазах сородичей. Батыр чуть отвел голову назад, и конец беимбетовской камчи просвистел у самого его носа. Хотя Карасай и был страшно зол, все же не осмелился на кровопролитие. Решил просто успокоить непонятно что о себе возомнившего старика: резко ткнул Беимбета в грудь подошвой сапога. Бий снова оказался на земле, но на этот раз подняться ему уже не удалось. Батыр в один прыжок оказался у распластавшегося тела и наступил на руку, державшую камчу.

Люди из свиты Беимбета, наблюдавшие за схваткой, спохватившись, хотели помочь своему бию. Но одного взгляда грозного Карасая оказалось достаточно, чтобы они от этой затеи отказались. Слава шапраштинского батыра гремела в степи не один год. Многие были уверены, что для него среди казахов есть только один достойный соперник – Аргынтай. Но тот был занят вырубкой леса. Так что остановить разъяренного воина было некому.

Все затихли. Максат во все глаза наблюдал за происходящим, пытаясь запомнить каждую деталь.

Шапраштинец носком сапога оттолкнул камчу, выпавшую из затекшей руки старика. Затем схватил бия за грудки и резким движением поставил его на ноги. Глядя в упор на повер-

женного противника, он снова заговорил:

– Прикажи всем собраться в лагере, султан, – это прозвучало почти как приказ. – Пора выяснить, кто из нас за кого. Иначе мы тут сами между собой перегрыземся.

Максат не стал больше задерживаться и со всех ног бросился туда, где работала сейчас его сотня. К своему великому удивлению, Макс не смог прочитать на невозмутимом лице Аргынтая хоть какие-то эмоции. Он лишь на миг призадумался и скомандовал заканчивать работу. К лагерю двинулись тем же строем – двумя шеренгами.

До стойбища добрались за полчаса. Пришли раньше всех. В лагере творилось нечто невообразимое. Между юрт то и дело метались молодые сарбазы, исполнявшие роль посыльных. Султан и все батыры закрылись в главной юрте. Охрана снаружи была усилена вдвое: теперь вход охраняли не два, а четыре толенгита. Еще шестерых расставили по окружности. Беимбета тоже не было видно. Со стороны ущелья к ставке стекались сотни.

Шло время. Войско было в сборе, а султан все не появлялся. Жигиты начинали нервничать. Одни вслух, другие про себя, но все старались угадать, для чего их позвали. Максат был одним из немногих, кто знал ответы на многие вопросы, но не собирался становиться средневековым «нюсмейкером». «Пусть лучше узнают все из уст своего султана, – решил он, – так будет правильнее». Во всяком случае, его потом не обвинят в распространении панических настроений.

Наконец опущенный полог белой юрты приподнялся. Первым наружу вышел Аргынтай, оставивший своих сарбазов по приходе в лагерь. Следом появился шапраштинец. Жангир вышел третьим. За ним – второй участник скандала, Беимбет. Вскоре все, кто держал совет, оказались перед народом. При появлении султана воины опустили на одно колено, поднесли руки к сердцу и склонили головы. Жангир поднял руку, но сам говорить не стал. Вперед выдвинулся Карасай.

– Ассалаумалейкум, сарбазы! – пронеслось над затихшим лагерем. – Если меня здесь кто-то не знает, я – Карасай из рода Шапрашты. Такой же, как и вы, сарбаз, хотя молва окрестила меня батыром. Мы собрали вас потому, что в нашем стане завелись трусы. Беимбет из рода Керей обвинил Жангира в предательстве и хочет увести своих людей перед самой битвой. Султан желает знать, много ли еще в его войске таких, как Беимбет? Пусть каждый, кто считает, что не должен участвовать в предстоящем сражении, покинет наши ряды. Таково решение султана. А теперь объявлю вам решение батыров. Я и другие верные Жангиру люди остаемся с ним. Будем стоять насмерть, даже если нас наберется всего сотня.

Речь закаленного в боях воина произвела должное впечатление. Сразу за ним слово взял Беимбет. Его голос звучал не так уверенно. Он то и дело сбивался, пытаясь убедить люд, что Жангир в сговоре с ойратами. Говорил бий долго, с многочисленными паузами, забывая нужные слова, но все же до-

бился своего. Беимбета поддержали другие старейшины. Со всех концов лагеря слышались слова поддержки взбунтовавшемуся бию. Еще до того, как он закончил, раздались призывы к срочному отходу в родовые владения.

Кто-то похлопал Максата по плечу. Он обернулся. За спиной стоял Мирас. Движением руки баянаулец предложил следовать за ним. Макс понял: каржасы остаются.

Глава 19. В ставке жангира

На этот раз в юрте Жангира было свободнее. От и без того малочисленного войска казахов откололась бóльшая часть. Беимбету удалось склонить на свою сторону других старейшин, которые стали кричать, что казахи могут дать отпор врагу и без султанов. Но бии увели с собой только рядовых кочевников, у которых почти не было боевого опыта. Жангира поддержали толенгиты, включая прославленных на всю степь батыров. Остались и несколько биев, один из которых – каржас Кульмагамбет. На этот раз он тоже был приглашен на важный военный совет.

Первым заговорил сам султан:

– Пусть Аллах простит вину наших братьев, покинувших нас в час испытанья. Каждый сам выбирает свой путь! Что бы ни случилось, знайте, я не рвусь к трону отца, но...

– Султан, прости, что перебиваю тебя, но каждый из присутствующих здесь верит тебе. Не стоит перед нами оправ-

дываться. Ты – сын Есим-хана, а значит, его наследник.

Жангир прощал Карасаю многое. Не каждый казах мог без всяких последствий позволить себе прерывать речь султана. Но этому батыру можно было почти все. Карасай и его вечный спутник Аргынтай едва ли не единственные люди, с кем султан мог быть до конца искренним. Когда они оставались втроем, Жангир снимал маску гордого вельможи и становился самим собой.

– Выше голову, султан! – подбодрил Карасай. – Нас мало, но теперь у нас есть ружья! Просто нужно выстоять несколько дней.

– А мы выстоим? – Жангир испытующе посмотрел на Карасая

– Еще как выстоим! – вмешался тут Аргынтай. – Главное, чтобы Жалантос выполнил обещание.

– Три года назад не подвел, не подведет и сейчас, – отчего-то задумчиво проговорил султан.

– Но ведь он воевал против твоего отца... – не к месту напомнил старую обиду Аргынтай. – Ты точно в нем уверен?

– А мне ничего другого не остается, – со странной улыбкой ответил Жангир.

Настало время переходить к главному – обсуждению плана битвы. Бухарцы продали казахскому султану только двести ружей. Впрочем, этого было вполне достаточно – многие сарбазы еще не научились с ними обращаться, а времени на обучение уже не оставалось. Двести ружей – по сто с каждой

стороны. Остальные будут биться по старинке. С этим все понятно.

Следующий важный вопрос, который нужно было решить: кого послать в качестве приманки? Первым, чего и следовало ожидать, вызвался сам Карасай. Его решили поставить во главе отчаянной сотни, которой предстояло заманить ойратов в ущелье. Найману Коксереку и дулату Жаксыулу султан доверил командование стрелками. Основные силы должны были дожидаться врага в урочище Бестан.

Когда совет подходил к завершению, в ставку вошел Жиембет – батыр из рода Алшын. Ему было поручено закончить подготовку к встрече врага в дальнем конце прохода – узкой горловине, где султан планировал дать первый бой.

Тяжелой ношей на сердце Жангира опустилась жгучая тревога. Лишь бы план удался!

Глава 20. Аттан!

В стане казахов царила настороженность. Привычная обстановка изменилась до неузнаваемости. Никто не стал разводить костров. Женщины не готовили ужин. Собственно, никого из женщин уже не осталось. Султан отправил их по домам вместе с отступниками. Сарбазы столпились напротив главной юрты. О привычном соблюдении порядка построения никто уже не помышлял. Все с волнением ожидали окончания совета батыров, возобновившегося после ухо-

да тех, кто не поддержал султана.

Солнце скатилось за холмы на востоке, и теперь все было залито тусклым светом полной луны. В воздухе витал аромат диких горных трав, впитавших весеннюю свежесть. Лагерь окунулся в тишину, которую нарушало лишь радостное пение сверчков.

Максат поймал себя на мысли, что на протяжении нескольких часов пребывает в непонятном трансе. Как, впрочем, и все остальные. Одна мысль в его голове сменялась другой, не оставляя никаких следов своего существования. Мозг был словно одурманен чем-то и как будто полностью отключился от контроля над телом. А оно между тем после затянувшегося оцепенения начинало ныть, напоминая о себе все чаще и настоятельнее.

Первыми Максат решил размять затекшие ноги. Поочередно поднимая и сгибая в колене то одну, то другую конечность, он стал оглядываться по сторонам. Все, кто находился сейчас рядом с ним, в том числе и Жека, оставались неподвижными. Взгляды шести сотен пар глаз были устремлены на полог юрты Жангира. Макс решил, что самое время объясниться с другом.

– Жека, – еле слышно шепнул он, почему-то не осмелившись позвать в голос.

– Ну, – откликнулся тот.

– Что будем делать? – деликатно поинтересовался Макс.

– А что надо делать? – не понял Жека.

– Они там обсуждают план битвы. Битва, судя по всему, состоится завтра. Надо решать, с ними мы или нет.

– А что, еще не поздно уйти? – оживился на миг Жека и тут же опомнился: – Кстати, а почему мы до сих пор здесь?

– А где нам еще быть? Ты до сих пор ничего не понял? Мы привязаны к ним.

– «К ним»? К кому именно? – стал допытываться он.

– К тем, с кем мы встретились два дня назад.

– Отлично! А почему тогда ты спрашиваешь, что нам делать, если мы не имеем возможности уйти?

– Не знаю. Для приличия, наверное, – честно признался Максат.

– Ты когда-нибудь на саблях бился? – перебил друга Жека.

Этот вопрос заставил Максата усмехнуться.

– Конечно! В детстве каждый день в самураев играли. Можешь, кстати, обращаться ко мне «Максахиро».

– Тогда слушай, Максахиро! Если не уверен, что справишься с саблей, лучше бери лук. Наверняка у них есть отряд лучников. А вот я попробую железкой помахаться.

Максата немного смутило, как быстро разговор перешел в деловое русло. Жека уже не паниковал. В его голосе слышался прагматичный расчет. На мгновение могло показаться, что говорил человек, прошедший через жернова множества степных сражений. Макс надолго задумался, не зная, что ответить, а когда нашел нужные слова, произнести их не

успел – произошло то, чего все так долго ждали.

Полог юрты приподнялся. Первым показался Карасай. В правой руке он держал обнаженный алдаспан. Следом потянулись и другие батыры. Последним вышел сам Жангир. Когда все оказались снаружи, шапраштинец коротко оповестил сарбазов о решении, принятом на совете. Уловив в глазах толенгитов опасное замешательство, Карасай вскинул над головой свою массивную кривую саблю и трижды прокричал: «Аттан!²⁴» Шесть сотен глоток тут же дружно откликнулись, повторяя древний боевой клич.

– Аттан! Атта-а-а-ан! – многоголосо громыхнул отряд, и этот воодушевляющий возглас эхом понесся по ущелью.

На усталых встревоженных лицах засияли радостные улыбки. Все разом оживились. Снова и снова повторяли казахи заветное слово, ощущая нечто среднее между неистовством и безграничным счастьем. Казалось, все присутствовавшие только и ждали этого призыва.

Не отдавая себе отчета, оба друга тоже радостно прыгали на месте, подхватывая звучавший со всех сторон возглас. Жека, как заправский воин, вертел над головой тяжелой кривой саблей. Максат же сотрясал воздух крепко сжатыми кулаками.

Когда всеобщее возбуждение стало стихать, батыры принялись вооружать небольшой отряд, придавая ему надлежащий боевой вид. Вернувшись к своей сотне, Аргынтай по-

---

²⁴ Дословно: «По коням!».

очередно указал пальцем на нескольких сарбазов, приказав им выйти из строя. От общей массы отделились примерно с десятков человек. Судя по всему, это были закаленные в боях воины, с которыми аргыну уже приходилось биться с врагом. Во всяком случае, в том, что он тыкал пальцем во все не в хаотичном порядке, сомневаться не приходилось. Аргынтай тут же отдал короткий приказ одному из сарбазов образовавшейся десятки, и тот куда-то умчался. Вскоре он вернулся с охапкой длинных диковинных палок, еле передвигая ноги от тяжести ноши. В темноте Максат не сразу разобрал, что именно принес сарбаз. Лишь когда тот оказался совсем рядом, все понял. Похоже, Аргынтаю поручили отобрать лучших стрелков. Те, кого прославленный батыр не удостоил выбором, с завистью взирали на счастливых. И на то была веская причина, ведь каждому из них вручили самое опасное орудие убийства средневековья – фитильное ружье.

Глава 21. Меч жангира

Отточенный до блеска меч ослеплял отражением восходящего солнца. Любуясь этим еще не знавшим сечи оружием, Мирас то и дело поворачивал клинок в воздухе, отчего по его юному лицу бегали замысловатые солнечные зайчики. В последний раз он был счастлив примерно так же, как

и сейчас, после своего сундет-тоя²⁵, когда дядя подарил ему первую в его жизни лошадь. Вернее, жеребенка. Хотя сравнивать эти два события едва ли равноценно. Во многом благодаря своей непонятно откуда взявшейся дерзости, он стал обладателем лучшего меча в войске! Да что там в войске – во всей степи! С таким оружием и умирать не обидно. Увесистая костяная рукоять, инкрустированная рубинами, подошла к руке так, будто ее вырезали специально для него. Нижнюю оконечность рукояти венчала голова барса, застывшая в немом рыке.

Странно, но меч был на редкость легок и в то же время опасен – лезвие заточено под бритву. Мирас снова и снова рубил им воздух перед собой, наслаждаясь раздающимся свистом. Краем глаза он ловил на себе завистливые взгляды сарбазов, стоявших рядом. Каждый из них отдал бы все ради такого сокровища. Поначалу Мирас даже не хотел использовать меч в бою, но быстро опомнился. Никто не мог дать гарантии, что сегодняшний рассвет не станет для него последним. К чему хранить раритет на будущее, если будущего может и не быть?

Его еще детское воображение пьянило сознание. Подумать только: сегодня он получил возможность в числе первых обрушить свою ярость на врага! Мирас не раз представлял себе нечто подобное, но даже в самых смелых фантазиях не мог помыслить о таком успехе! Его отобрали в летучий

---

²⁵ Праздник по случаю проведения обряда обрезания.

отряд! Мирас встанет в один ряд с именитыми батырами и степными смельчаками. Мало того, их поведет в бой сам Карасай – гроза ойратов.

Мирас намеренно старался думать о предстоящей битве с чрезмерной патетикой. Это помогало бороться со страхом, который сейчас абсолютно не к месту. Благо, эйфория от происшедшего всего час назад события была еще слишком сильна.

Когда на рассвете казахи построились по сотням, Мирасу вручили мешочек с порохом и два мешочка с пулями. Кульмагамбет побоялся выставлять его в авангарде и объявил, что Мирас будет помогать стрелкам, заряжая их ружья. С такой участью молодой каржас явно не хотел мириться. Какими глазами на него будут смотреть сестры (если, конечно, он останется жив!), коли узнают, что в битве с ойратами их братишка был всего-навсего мальчиком на побегушках? Такого позора нельзя было допустить ни в коем случае! Пересилив свою губительную робость, он набрался мужества и обратился к сотнику.

Глаза Аргынтая сузились, когда он услышал дерзкую просьбу юного сарбаза. Батыр смерил мальчика оценивающим взглядом и резко мотнул головой, выражая крайнее удивление. Ничего не ответив, сотник пошел было дальше, но парень не собирался сдаваться. Он схватил Аргынтая за руку и повторил свои слова. Причем сделал это достаточно громко. Так, чтобы его могли слышать и остальные.

Хитрость сработала: к ним тут же подошел Кульмагамбет. Бий обжег Мираса полным гнева взглядом и переключил нарастающее внимание на себя.

– Что ты мелешь, мальчишка?! – возмущенно спросил он.

– Я хочу быть в летучем отряде! – потребовал Мирас, понимая, что переходит рамки дозволенного в разговоре со старшим.

– Не слушай его, батыр! Он еще мал. Не понимает, о чем просит.

– Сколько тебе? – коротко поинтересовался Аргынтай, вплотную приблизившись к Мирасу.

– Летом исполнится семнадцать, – с готовностью ответил тот.

Аргынтай повернулся к Кульмагамбету.

– Мне было шестнадцать, когда я вышел на свой первый поединок! Эй, Карасай! – окликнул он проходившего мимо друга. – Я тебе сарбаза нашел.

Эти слова были произнесены почти с издевкой. «Наверное, все-таки сомневается», – посчитал Мирас.

Карасаю стало интересно, о ком идет речь, и он задержался. Глядя на кандидата в свой отряд, шапраштинец не смог сдержать иронической ухмылки.

– Да с таким батыром ничего не страшно. Как звать тебя, смельчак? Из какого ты рода? Кто твой отец? – не скрывая любопытства, стал он сыпать вопросами.

За Мираса ответил Кульмагамбет:

– Каржас он. Из моего аула. Сирота, глупый еще.

– Ну почему же сразу глупый?

Все обернулись. За спиной Мираса возвышался сам султан. Он был уже готов к предстоящему сражению. Тело Жангира защищали искусно выполненная плотная кольчуга и легкий панцирь, в центре которого красовался родовой герб султана. На вид это броня могла выдержать попадание стрелы даже с расстояния десяти шагов. Перчатки из бычьей кожи тонули в мощных стальных нарукавниках, тянущихся до самых локтей. На голове наследника Есим-хана красовался отделанный орнаментом шлем, с острия которого свисал пучок черных конских волос.

– По-вашему, Кулеке, он не достоин быть в первых рядах? Или не достоин защищать свой народ?

– Султан, я знал его отца, его мать не...

– Его матери можно гордиться своим сыном. Карасай, дай мальчишке шанс.

– Нет, султан! – строго ответил предводитель летучих. – Кулеке прав. С нами ему нельзя. В своих сарбазах я уверен – они опытные воины, а этот юнец и крови никогда не видел.

– Это неправда, батыр! – запротестовал Мирас. – Мне уже приходилось драться с ойратами. Кульмагамбет-ага может это подтвердить.

– Не хочешь поспорить, батыр? – В глазах султана заиграли огоньки. Не обращая ни к кому конкретно, Жангир приказал: – Дайте ему лук! Если он хочет к летучим, значит,

должен уметь стрелять на скаку. Если мальчишка промахнется, – это уже снова Карасаю, – я подарю тебе свой меч. А вот если попадет, ты отдашь мне своего Белорудого. Как?

– А не боишься проиграть, султан? – Было видно, что предложение Жангира пришлось по душе батыру.

– На том и порешили, – вместо ответа, произнес султан.

Мирасу поставили условие: он должен на полном скаку попасть в подброшенный в воздух круглый щит. Прежде он ничего подобного не проделывал. Зато мог легко сбить стрелой пролетающего голубя. Правда, не на скаку. Однако Карасай заверил, что любой из его сарбазов легко справился бы с такой задачей. В колчане, который протянули Мирасу, была лишь одна стрела. Второй попытки парню никто давать не собирался.

Отпуская поводья, чтобы натянуть тетиву лука, Мирас молил бога только об одном: лишь бы не дрогнули руки. Поймав момент, когда лошадь всеми копытами оторвалась от земли, он выпустил стрелу, и та с глухим стуком вошла в почерневшее дерево, придав полету щита новую траекторию. Наблюдавшие за действием сарбазы издали одобрительный и в то же время восхищенный возглас. Даже Жангир не удержался от комментария.

Султан первым подошел к Мирасу и похлопал его по плечу.

– Молодец, сынок! Держи! – С этими словами он отцепил от пояса свой меч и протянул его Мирасу. – Думаю, он тебе

понадобится. Не будешь же ты заманивать врага одним шок-паром. Стреляй так же метко – и мы победим!

Закончив наконец любоваться подаренным оружием, Мирас спрятал клинок в ножны. Сарбазы Карасая уже садились на коней. Летучий отряд выдвигался первым.

Глава 22. Хэдшот

Сотне Аргынтая, куда по-прежнему входили Максат с Жемой, было приказано занять северный склон горы Кату. Это единственное, что смог понять Макс из всего сказанного Карасаем (батыр уже давно взял на себя обязанности главного полководца). Сам он возглавил отряд тех, кому в этой битве придется рисковать больше остальных: Карасаю и летучей сотне жигитов, куда пробился и Мирас, предстояло выступить в роли приманки.

Мало что смыслящий в степных сражениях городской казах из еще не наступившего XXI века понимал, что судьба любой приманки предрешена заранее. С точки зрения начинающего писателя, Мирас совершал откровенную глупость. Зато он действовал точно так, как и полагалось герою его еще не дописанной книги. Нечто подобное Максат и задумал написать в продолжении. И кстати, втайне он все еще надеялся сделать это.

– Слушай, переведи им, что я хочу из той пушки шмальнуть, – подал голос Жека, бесцеремонно вторгаясь в творче-

ские размышления друга.

Макс повернулся к Жеке и по направлению его взгляда догадался, о чем именно тот просит. Так вот почему все это время друг не забрасывал его привычным каскадом вопросов типа: «Что он сказал?». Оказывается, все внимание Жеки сейчас приковано к длиннотвольному фитильному ружью с коротким деревянным прикладом. Это грозное оружие держал в руках Аргынтай, занятый обсуждением тактических действий со своим шапраштинским соратником.

– Мне кажется, тебе не дадут, – засомневался Максат. – Ружей мало, их доверят тем, кто уже умеет стрелять.

– Да ладно тебе! Что, попробовать нельзя? Вон, пацанчик ведь рискнул, и у него получилось. – С этими словами Жека решительно двинулся в сторону батыров, стоявших от него шагах в десяти.

Макс не стал его останавливать, а просто пошел следом.

– Чего он хочет? – Аргынтай боковым зрением заметил приближающихся друзей и первым обратился к Максату.

– Он хочет попробовать выстрелить, – объяснил Максат.

А Жека радостно закивал, будто понял, о чем говорил друг, и теперь подтверждал его слова. При этом он вытянул левую руку перед собой, развернув ее ладонью кверху, а правую поднес к самой челюсти.

– Пух! – Жека согнул указательный палец.

– А он умеет? – усомнился батыр.

– Что он говорит? – сразу же спросил Жека, не сводя глаз

с невидимого прицела. Когда друг перевел слова Аргынтая, он со всей серьезностью заявил: – Скажи ему, что умею. Я же чемпион по «контре»! Любому джунгару хэдшот отвешаю.

Макс деликатно взял друга за плечо и затараторил вполголоса в самое ухо:

– Братан, если ты не заметил, к нам тут и без того не очень-то хорошо относятся. Если ты еще и выпендриваться начнешь, а потом промажешь, нас вообще за дебилов держать будут.

– Да не очкуй, я сто раз так делал! – невозмутимо парировал Жека, подражая Славику из «Нашей Раши».

«И откуда только у него берутся силы еще и юморить?» – подивился мысленно Макс и решил максимально адаптировать слова друга для казахов из XVII века, которые понятия не имели о том, что такое «хэдшот».

– Ничего себе бойцы у тебя в отряде! – с шутливым изумлением воскликнул Карасай, обращаясь к другу. – Так и рвутся в бой!

Аргынтай тоже усмехнулся, но согласился на удивление быстро. Протянул Жеке ружье и, скрестив руки на груди, велел:

– Пусть выбьет сук вон с того дерева, – и батыр кивком головы указал на возвышавшуюся шагах в пятидесяти тонковольную ель.

Жека спокойно выслушал задание, разглядывая диковинное оружие в руках. К великому облегчению друга, он быст-

ро разобрался с принципом действия фитильного механизма и сразу принялся целиться пока еще не заряженным ружьем.

– Я готов! – наконец объявил завзятый геймер.

Макс вытащил из горевшего неподалеку костра дымящийся прутик и протянул его другу. Короткий фитиль отозвался пронзительным шипением. Жека вскинул ствол, задержал дыхание. Раздался оглушительный хлопок. Из тонкого дула выплеснулась короткая струя пламени, быстро растворившаяся в густом дыму. В ноздри ударил едкий запах пороха.

Спустя доли секунды одна из колючих веток ели издала треск и резко качнулась от прямого попадания. К великому разочарованию стрелка, она не обломилась. Заряд угодил в самое основание отростка, однако вниз тот не рухнул.

Жека выругался и обернулся к наблюдавшим за ним батырам. Лицо Аргынтая осталось каменным. Трудно было определить, доволен он или нет. Сотник все так же стоял со скрещенными на груди руками, устремив взгляд на пораженную цель. Вскоре он перевел глаза на боевого товарища. Батыры обменялись короткими фразами, суть которых Максат уловить не успел.

– Можешь оставить ружье себе, – без каких-либо эмоций сообщил Аргынтай, обращаясь напрямую к Жеке. – Я прикажу, чтобы тебе выдали пули. Ты, – батыр ткнул пальцем в Максата, – будешь ему помогать. Собирайтесь, нам пора выступать.

– Говорил же вам, что я – чемпион! – с бахвальством напомнил Жека, когда до него донесли суть сказанного.

По широкому, начинавшему зарастать щетиной лицу расплылась самодовольная ухмылка. Жека нежно погладил ствол новоприобретенного оружия и засиял, как начищенная монетка.

Глава 23. Мертвые и живые

Оказывается, сарбазы Жангира за короткий срок успели проделать колоссальную работу. Мирас, хотя и не имел возможности задержаться и осмотреть вблизи результат трудов нескольких сотен человек, работавших здесь, краем глаза все же успевал выхватывать весьма любопытные картинки. С двух сторон от узкой тропы, проходящей вдоль всего ущелья, были вырыты широкие рвы. На скаку определить их размеры было трудно. Со стороны горных склонов, стиснувших тропу с обеих сторон, торчали высокие колья. Каждый такой кол остро заточили и вкопали в землю так, чтобы острие было обращено к нападающим. Этот плотный, свежесрубленный частокол становился непреодолимым препятствием для врага.

Устрашающее заграждение растянулось на несколько сотен шагов и упиралось в горловину ущелья – место, где южная гора Катун и северная вершина Коянды сходились ближе всего.

Сотники Карасая, увлекаемые своим предводителем на восток, двигались, строго соблюдая строй. В каждом ряду ехали по четыре сарбаза. Мирас на своем рыжем Тайбурыле держался правого края, ближе к Кату. Он намеренно называл своего коня, того самого, подаренного дядей, в честь прославленного скакуна Кобланды-батыра²⁶.

Отряд скакал рысью – берегли силы лошадей. Карасай, как и полагается, выдвинулся чуть вперед, отделившись от общего строя.

Поскольку Мирасу выпала честь войти в состав элиты, его вооружили по полной. Кроме ханского меча, за пояс ему заткнули длинный кривой нож – на случай ближнего боя. За спиной у него висели кожаный налуч²⁷ с луком и набитый до отказа стрелами кожаный колчан. На левом предплечье Мираса красовался небольшой круглый железный щит с торчащим из центра коротким шипом. Копье в отряде было только у самого Карасая. Да и он прихватил его скорее для эффектного броска, чем для конной битвы. По замыслу казахов, сарбазы Карасая не должны были вступать с ойратами в открытое столкновение.

Летучий отряд выступил в буквальном смысле налегке. Каждого снарядили так, чтобы не утяжелять вес. Мирас, как и все остальные сарбазы, не был облачен в доспехи. Копье тоже могло стать лишь дополнительной нагрузкой для коня,

---

²⁶ Главный герой знаменитого казахского эпоса.

²⁷ Футляр для лука.

а скорость и маневренность – это главные козыри Карасая.

Отряд двигался быстро, но практически на ощупь. Батыр не стал высылать вперед разведчиков, так как не видел в этом смысла. По предыдущим донесениям стало ясно, что ойраты уже близко. Единственной тропой, по которой они могли пройти, была как раз эта тропа. Жигиты давно миновали укрепления, построенные сарбазами Жангира, и теперь их окружали абсолютно безлюдные горы. Как только ущелье осталось позади, в нескольких сотнях шагов показались первые всадники. Небольшой отряд из десяти конников не спеша продвигался вперед, пока не заметил поднятую казахами пыль. Ойраты остановились.

Карасай же, напротив, пустил своего Белогрудого (Жангир великодушно оставил батыру проигранного коня) галопом, увлекая за собой остальных. Даже издали было заметно, что ойратов смутило такое скорое появление казахов. Поколебавшись с минуту-другую, они все же не стали рисковать и решили уйти от столкновения, поскольку приняли отчаянную сотню за основные силы. Дружно натянув луки, враги выпустили по одной стреле, развернули коней и во всю прыть умчались обратно – предупреждать своих.

Ни один выстрел не поразил цель. Джунгары почти не целились, и большая часть выпущенных стрел даже не долетела до сарбазов. Отряд нагонял отступающих. Когда до ойратов оставалось шагов двадцать, Карасай привстал в стремених и, размахнувшись, метнул свое мощное копьё. Один из

беглецов резко выгнул спину и запрокинул голову назад. Копье глубоко вошло в поясницу. По одежде вражеского воина растекалось алое пятно. Раненный отпустил поводья, и конь тотчас же сбросил его. При падении нога ойрата застряла в стременах, и теперь его безжизненное тело волочилось за набирающей ход лошадью.

Кто-то из джунгаров обернулся. Увидев мертвого товарища, он пронзительно закричал и прижал голову к шее своего коня. Остальные подхватили его резкий, почти нечеловеческий крик. Мирас, никогда прежде не участвовавший в битвах, тем не менее, понял, что ойраты предупреждают своих о приближении казахов. Заметив, что скачущие впереди полезли за луками, он решил последовать их примеру.

Кожаная тетива натужно заскрипела и издала глухой звон. Стрела с острым четырехгранным наконечником устремилась вверх, став частью целой тучи стрел, синхронно выпущенных сарбазами. Из-за этого Мирас не смог разобрать, достиг ли его выстрел цели. Зато количество мишеней сразу сократилось до трех: остальные ойраты либо попадали с коней, либо безжизненно повисли на них. Тех, кто упал, атаковавшие просто затаптывали – не было времени объезжать. Необходимость второй серии выстрелов отпала – слишком быстро летучий отряд нагонял цеплявшихся за жизнь противников.

Передние ряды во главе с Карасаем быстро расправились с оставшимися джунгарами. Когда Мирас нагнал их, было

уже поздно. Всадники остановились. Разгоряченный Тайбурыл нетерпеливо бил копытом и громко фыркал.

Карасай спешил к последнему убитому. Ему удалось проехать на пять шагов дальше остальных. Молодое узкоглазое лицо без намека на какую-либо растительность выражало полную отрешенность. Стеклянные глаза, в которых уже не было жизни, устремились взглядом в небо. Из уголка губ стекала густая темно-красная струйка крови. Черный меховой малахай слетел с головы, обнажив торчащий из лысой головы чуб.

Неожиданно казахский батыр – заклятый враг джунгаров – присел на корточки рядом с телом поверженного врага и провел ладонью по его мертвому лицу, прикрывая веки. Затем молча поднялся и снова запрыгнул в седло.

– На войне не бывает хороших или плохих, – почти философски заметил он. – Бывают мертвые и живые. Они – мертвые! – Выдержав короткую паузу, батыр продолжил: – Нужно спешить – ойраты совсем близко. Надеюсь, они не услышали крики сородичей...

Глава 24. Хозяин Седой Горы

На широком выступе Седой горы, устремившей свою вершину к самому небу, сидел молодой Ирбис. Искоса он взглянул на свою удлинившуюся в закатном свете тень и остался доволен увиденным. Затем горделивый зверь окинул взором

раскинувшемуся под ним степь и удовлетворенно зевнул. В его владениях было тихо...

Далеко на севере в своей теплой берлоге мирно спал огромный бурый Медведь – названный брат и давний сосед Ирбиса. Медведь был намного старше и сильнее обитателя южных гор, шепчущихся с облаками. Несмотря на то что в далеком прошлом предок снежного барса бесцеремонно вторгся в берлогу бурого хищника и жестоко искусал его, потомок сумел уладить давний конфликт. Между двумя разными по образу жизни и складу ума животными завязался прочный союз.

Так было до тех пор, пока в степи не появились волки с Востока. Поодиночке могучий хозяин Седой горы без труда перегрыз бы каждого из них, но непрошенных гостей было слишком много. Пришлось звать на помощь северного соседа. Названный брат не заставил себя долго ждать. Ему были нипочем мелкие волчьи клыки, и нескольких ударов когтистых лап оказалось достаточно, чтобы рассеять вражескую стаю. С остальными барс решил расправиться самостоятельно. Он гнал их на закат до Большой Воды, вгрызаясь острыми клыками в глотки отстающих. Наконец с врагом было покончено. Победителем вернулся Ирбис в свои владения, но тут обнаружил, что место на его любимом выступе уже занято. Большой брат ушел, однако подселил к южному соседу своего сына. Теперь в бывших угодьях барса хозяйничал Медведь-сын. Зверю, истерзанному долгими стычками с

волками, пришлось смириться и уступить трон пришельцу.

Постепенно Медведь-отец поселил в бывших владениях своего младшего названного брата детенышей других животных, которых отнял у родителей. Но хозяином Седой горы, как и степи перед ней, оставался его ставленник-сын.

Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы в северные леса – вотчину Медведя – не прилетел хищный Орел с Запада. Он стал исподтишка нападать на мощного обитателя берлоги, изматывая его постоянными атаками. На большого брата теперь больно было смотреть: израненный и окровавленный, он уже не казался таким могучим, как прежде. Отчаянный рев властителя Севера докатывался до южных окраин его угодий. Вскоре бурому стало не до сына, сместившего со снежного трона белого барса. Почувствовав, что отец уже не так силен, как раньше, Медведь-сын начал с опаской поглядывать на законного хозяина Седой горы и в конце концов решил вернуть ему престол. Так Ирбис вновь обрел свои владения, сохранив при этом дружбу с северным соседом.

Однако у белого барса был еще и сосед на юге – старый хитрый Дракон, властвовавший в Красной Долине. После жестоких стычек Орла и Медведя он стал все чаще появляться на южном склоне Седой горы и алчным взглядом искал место, куда можно было спрятать одно из своих многочисленных яиц. Завидев недружелюбного соседа, Ирбис выходил навстречу и свирепо рычал. Тогда Дракон со злой

усмешкой улетал в свою огненную пещеру. Не то чтобы он боялся Ирбиса, его скорее пугала внушительная фигура Медведя, все еще представлявшего серьезную опасность. Дракон знал: если будет нужно, бурый всегда придет на помощь своему соседу, ведь у барса все еще жил его сын. Это понимал и сам хозяин Седой горы, поэтому старался быть ласковым с Медведем-сыном. Он хорошо помнил, что именно Дракон натравил на него волчью стаю и что это может повториться снова.

...Вдоволь налюбовавшись закатом, Ирбис уже собирался отойти ко сну, но резкая боль, а за ней и невыносимый зуд помешали ему. Грациозное животное повалилось на спину, лихорадочно пытаясь достать задней лапой до макушки. Тщетно. Кровопийцы знали слабые места зверя. Капельки алой крови прожгли девственно белый снег.

Паразиты хозяйничали на теле барса и прежде, но тогда на помощь ему приходил Медведь. Грубым, как кора векового дуба, языком он слизывал блох с измученного животного. Порой во время таких чисток Медведь сдирал целые клоchy белоснежной шерсти, но они стоили последующего облегчения. А теперь кровопийцы вконец распоясались, зная, что гордый барс, лишь недавно вернувший себе власть, не станет больше обращаться за помощью ни к Медведю-отцу, ни к Медведю-сыну. Иногда из-за страшного зуда хозяин Седой горы даже не мог найти в себе сил, чтобы прогнать Орла, тоже прилетавшего в его владения поживиться. Стервят-

ник меж тем безнаказанно хозяйничал то в горах, то в степи, каждый раз унося с собой очередную овцу или архара. Богатства Ирбиса таяли на глазах, а он ничего не мог с этим поделать.

– Будь вы прокляты, ненасытные! – отчаянно прорычал барс в вечернее небо.

Раскаленный диск солнца садился за ближайший холм, а по степи уже мелькала тень хищной птицы...

Жангир резко оторвал голову от жесткой походной подстилки. Осознание реальности пришло к нему не сразу. Султан непонимающе вертел головой, пытаясь вспомнить, где находится и что делает в этом месте.

Проворочавшись всю ночь, он сумел заснуть лишь под утро. Хотя на самом деле это был даже не сон, а скорее, забытье. Удивительное видение словно перенесло его в другой мир, хотя казалось, будто он прикрыл глаза на мгновение.

– Жаль, что Аллах запрещает ходить к шаманам! – с досадой вслух произнес султан. – Приснится же такое!

Глава 25. Выбор хунтайджи

Мелкие, с горошину, зеленые шарики, нанизанные на шелковую нить, постукивали друг о друга. Лицо Эрдэни было сурово. Где-то в сумраке женской половины походного жилища притаилась его вечная спутница. Уже немолодая Юм Агас давно выполнила свою жизненную миссию – по-

дарила ойратскому хунтайджи целых десять сыновей. Пожалуй, даже слишком много. Чем больше у правителя наследников, тем больше разногласий после его смерти.

Эрдэни смотрел именно на нее. Стареющего хунтайджи уже давно не влекло к иссохшему телу некогда привлекательной дочери знаменитого Хо-Урлюка²⁸, но он ей безгранично доверял. Будучи старшей женой верховного правителя всех ойратов, Юм пользовалась немалым уважением и среди степной знати.

«Интересно, о чем она сейчас думает?» – скорее для того, чтобы немного отвлечь себя, подумал хунтайджи.

Непонятно зачем, но она сама вызвалась сопровождать мужа в этом походе. Любой другой жене никогда не было бы позволено подобное. И Юм об этом знала. Собственно, это она убедила Эрдэни принять предложение Билгутэя, и обрушить свой меч на казахов.

Ойрат Билгутэй давно нашел себе тепленькое местечко подле трона маньчжурских князей. Один из них, Абахай, и прислал этого прикормленного цепного пса к владыке ойратов.

Первой, кого Эрдэни велел позвать к себе после того, как принял маньчжурского посла, была опять же Юм. Его жена унаследовала ум своего почтенного отца и знала ответы на многие вопросы. Вот и тогда, ей было что ответить своему

---

²⁸ Хо-Урлюк – первый главный тайджи (титул знати) калмыков-торгоутов, представитель рода керейтов, основавший в Поволжье Калмыцкое ханство.

мужу и господину.

– Хищник нестрашен, только когда насытится, – неспешно начала Юм своим дряхлеющих голосом. – Если Абахаяо оказалось мало земель китайского императора, значит, он еще голоден. Хочешь ты того или нет, но маньчжурские псы придут в твои владения. Война с ними может стоить тебе трона, а возможно, и жизни. Вместо того чтобы драться с тигром за тощего кролика, отбери жирного барана у бродячей собаки.

– Значит, ты предлагаешь мне бегство? – на всякий случай переспросил хунтайджи, пытаясь убедиться, правильно ли он понял аллегория жены.

– Вовсе нет! Я лишь говорю о том, что иногда бывает полезен даже враг. Абахай хочет обойтись без крови, но ведь и тебе она не нужна. Ты можешь, конечно, огрызнуться, но сейчас для тебя это слишком опасно. Не лучше ли отойти на закат? Маньчжурам достанется лишь краешек востока, а тебе будет принадлежать весь запад!

– А казахи?

– Казахи – это всего лишь горстка камешков, разбросанных на слишком большой доске. Дети Темучина давно не объединяют их. Однажды они уже признали нашу власть. Признают и теперь! Проще напасть на слабого, чем защищаться от сильного.

И все же Эрдэни долго колебался. Плюнуть в лицо Билгутю означало оскорбить самого цинского императора. Аба-

хай слишком опасен для подобной дерзости. Однако и предложение Юм казалось невысказанным. Для ойрата было дико-стью оставить свои владения из-за страха перед врагом. Существовал, конечно, еще один выход: признать власть Абахая, обрекая себя тем самым на позорную жизнь вассала.

Нет! Не таков сын Гумэчи, чтобы смириться с подобным унижением. Уж лучше смерть! Но даже смерть должна быть наполнена смыслом. Бросить вызов самому влиятельному человеку Азии равноценно самоубийству. А самоубийство не имеет смысла.

Теперь, когда решение принято, отступать было поздно. Он сумел убедить ойратскую знать в необходимости похода на запад. Под его началом собралось пять туменов крепких степных воинов. Это была грозная сила даже для Абахая, а для слабых и вечно грызущихся между собой казахов и по-давно. Так и не дав посланнику цинского императора однозначного ответа, Эрдэни Батур собрал все свои силы в кулак и двинулся в западные земли.

К этому времени в голове ойратского владыки созрел дерзкий план. Он почти не сомневался, что еще до осени успеет занять земли Старшего жуза. Остальных намеревался добывать по очереди. Когда же с казахами будет покончено, он пойдет на сговор с сыном свергнутого китайского императора Чжу Юцзянем, который в одиночку никогда не сможет вернуть себе отцовский трон. Вместе с китайцами ойраты легко одолеют маньчжуров, и каждый извлечет из этого

свою выгоду.

Размышления хунтайджи бесцеремонно прервал непонятный гомон у входа в шатер. Кто-то вполголоса переговаривался с охраной. Странные звуки привлекли внимание Юм. Она поднялась и вышла наружу, чтобы узнать, что происходит. Вернулась в сопровождении Тэлмэна – одного из военачальников Эрдэни. Его ввалившиеся в глубокие морщинистые впадины глаза были явно встревожены. Левый нервно дергался. Полководец низко поклонился и, не выпрямляясь, объявил:

– О правитель! На нас напали казахи.

Эта новость казалась невероятной. Эрдэни, наверное, не так удивился бы, если б ему сейчас сказали, будто все ойраты разлюбили мясо. Неужели казахи дерзнули напасть на него первыми?!

– И сколько же их? – не поверил поначалу хунтайджи.

– Пока немного, но, думаю, остальные уже близко. Они выскочили из-за холмов на сумасшедших конях. Держатся на расстоянии. Все время обстреливают нас из луков.

– Разве ты не высылал разведку?

– Высылал, мой господин. Никто не вернулся.

– Выходит, они убили моих разведчиков, – ни к кому конкретно не обращаясь, подытожил Эрдэни. – Видно, пытаются нас задержать. Нельзя им этого позволить. Возьми свой тумен, быстро расправься с ними и двигайся вперед. Основные силы последуют за тобой.

– Слушаюсь, повелитель!

Только теперь Тэлмэн выпрямился и решительным шагом направился к выходу. Верный вассал иного приказа и не ожидал. Всхрапнула лошадь, послышался хлесткий удар камчи по крупу. Раздалось истошное ржание, и скакун под всадником взял с места в карьер.

Глава 26. В ожидании биТВЫ

Нечто подобное Жека уже ощущал в своей жизни. Последний раз в семнадцать лет, когда стоял плечом к плечу с друзьями и еще сотней других таких же пацанов против сотни с враждебного района. Никто не пришел с пустыми руками. Жека даже заметил огромных размеров нож с отполированным до зеркального блеска лезвием. Его притащил с собой паренек лет пятнадцати. Он дул на заледеневшие руки, одна из которых сжимала стальную рукоятку с черными эбонитовыми вставками. Острие ножа было направлено вниз. Жека знал подростка, а еще лучше – его старшего брата, отбывавшего очередной срок. По хорошо отлаженной криминальной схеме тот регулярно снабжал братишку холодным оружием ручной работы и разной «пацанской» атрибутикой вроде четок-болтух.

Сам Жека на столь опасное предприятие решил прихватить с собой пару свинцовых кастетов – по одному на каждый кулак. Как обычно, самым сложным оказалось само ожида-

ние побоища. Когда враждующие стороны ринулись друг на друга, сразу стало легче. По крайней мере, переживать было некогда. Он намеренно внушал себе ненависть к людям, которых даже не знал. Это помогало сосредоточиться на движениях. Скорость – вот что решает исход драки! Чем быстрее будешь бить ты, тем меньше шансов у соперника нанести удар. Когда же врагов слишком много, бить необходимо в два раза быстрее.

В общем, что-то, а драться Жека умел с детства. Правда, тогда все было проще. Ни у кого не было желания убить. Избить – да. Поранить, если нужно. Но убивать никто никого не стремился. Хотя в той памятной драке паренек с ножом умер. От своего же клинка. Умер, так и не узнав, что в жизни есть и другие идеалы. Такое уже случалось, пусть и нечасто.

Сейчас все было по-другому. По-взрослому, по-настоящему. Однако давно забытое ощущение из юности вновь будоражило самого примечательного участника предстоящей битвы. То, что он оказался в центре внимания, Жека понял в первый же день своего пребывания в лагере. Почти все казахи бросали в его сторону косые взгляды. Кто-то смотрел с подозрением, кто-то – с недоверием, а кто-то – со злобой. Большинство же мучило банальное любопытство: «Какого шайтана забыл среди нас этот урус?».

Когда же он встал в ряд с опытными мергенами²⁹, чаще всего глаза, устремленные в сторону чужака, выражали со-

---

²⁹ Меткий стрелок, охотник.

мнение. Перечить решению батыра казахи сарбазы не решились. Одной из двух сотен стрелков, куда попали Жека с Максом, руководил Коксерек. Найманский батыр установил в своем новоиспеченном отряде жесткую дисциплину и потребовал от сарбазов беспрекословного подчинения. Именно это обстоятельство мешало мергенам отобрать у странного уруса драгоценное оружие и передать его более опытному соплеменнику.

На все это Жека старался не обращать внимания. Он снова и снова вскидывал тяжелое ружье, чтобы приучить руку к его весу. Прежде чем выстрелить из этой допотопной штуковины, следовало приложить немало усилий. Так что о скорострельности не могло быть и речи. Больше всего времени отнимал процесс зарядки оружия. Длинное дуло нужно было сначала прочистить самопальным пыжом, а затем засыпать туда пороховую пыль. Только после этого его можно зарядить шершавым свинцовым шариком. Пулями стрелков снабдили щедро – по два увесистых мешочка каждому. Оба забрал себе Максат, который решил возложить на себя ответственную миссию приведения ружья в боевую готовность. Другьям поручили держаться вместе, чему оба были несказанно рады. Не очень-то приятно погибать непонятно за что и непонятно с кем. Другая сотня стрелков расположилась у противоположного склона расщелины. Там был установлен точно такой же частокол, как тот, за которым размещался отряд Коксерек. Расстояние между деревянными

шестами редко доходило до локтя. Длинные, с человеческий рост колья были заточены кверху и остриями направлены на узкую тропу, протоптанную через ущелье. Они как бы нависали над глубокими рвами, выкопанными с обеих сторон. Шириной в два человеческих шага, эти ямы могли наполовину скрыть взрослого воина. Таким образом хитрый Жангир задумал заманить врагов в страшную ловушку. Если, конечно, все пойдет по плану.

Мергены рассредоточились так, чтобы за частоколами постоянно находились по пятьдесят стрелков с каждой стороны. Другие пятьдесят располагались сразу за спинами стреляющих. Стрелки должны были меняться местами после каждого залпа, чтобы стрельба получилась бесперебойной. Пока одни палят – другие будут заряжать. Жеке нужно было лишь метко стрелять. Поступил приказ перебить всех ойратов, которые сунутся в эту ловушку.

Оба друга находились в куда более выигрышном положении, чем, к примеру, Мирас, вызвавшийся вместе с сотней самых отчаянных сарбазов во главе с Карасаем отвлечь на себя внимание вражеского полчища. А заодно заманить непрошенных гостей в заготовленный капкан.

Сам султан Жангир, командовавший ходом предстоящей битвы, вместе с оставшейся половиной небольшого войска притаился в засаде в глубине ущелья. На него ложилась непростая задача – сдерживать напирającego врага и прикрыть отступление летучей сотни.

Спустя два часа после выступления отряда Карасая Жека и его закадычный друг уже томились на позиции. Ближе к полудню до стрелков стал долетать едва уловимый шум. Он раздавался все отчетливее и ближе. Вскоре послышались топот и ржание нескольких сотен, а может быть, и тысяч коней.

Жека изо всех сил сжал деревянное ложе, к которому стальными обручами крепился ствол. Для первого выстрела все было готово. Осталось только поднести к запальному отверстию тлеющий прутик. Педантичный Максат следил за тем, чтобы горящая хворостинка всегда была под рукой.

Ворвавшиеся в ущелье сарбазы Карасая уже не думали о соблюдении строя. Мимо Жеки за считанные секунды пронеслись все оставшиеся в живых летучие воины. Сам батыр скакал в хвосте, замыкая отряд. Не останавливаясь, они промчались вдоль частокола.

По рядам пронеслась команда к готовности выстрелить. Жека и Макс, находившиеся у переднего края, напряжились. Когда показались первые преследователи, по скалистым горам эхом разошелся оглушающий грохот. Мергены выстрелили почти одновременно. Дуло ружья Жеки тоже изрыгнуло короткий язык пламени. Затем все окутало облако едкого дыма, которое лишило противников возможности видеть друг друга и вообще что-то разобрать в этом густом тумане. После раскатистого залпа в заложенных ушах неприятно зудело.

Жека опустил ствол и тщетно напряг зрение – попал или

не попал?

Глава 27. Приманка

Мирас втянул шею в плечи, а голову прижал к самой гриве Тайбурыла. Конь рассекал головой поток свежего горного воздуха, к которому примешивался приторный запах лошадиного пота. Но всего этого жигит сейчас не замечал. Слишком уж разыгралась кровь в молодом сарбазе. Поразительно, но страха не было. Может, все-таки и был, только совсем не давал о себе знать. Мирас был опьянен иным чувством, которого никогда прежде не испытывал. Он ощущал себя частью несокрушимой силы. Фалангой пальца, скрепляющего кулак. В нем появилось необъяснимое чувство симпатии ко всем, кто скакал сейчас рядом. У него не было братьев, поэтому прежде он никогда не испытывал ничего подобного.

По спине беспощадно хлестал ставший бесполезным пустой колчан. Длинный двугорбый лук Мирас продолжал держать в левой руке, хотя и от него не было никакого проку. Эта бешеная скачка со стороны выглядела натуральным бегством. Паническим, малодушным побегом. Собственно, этого и добивался Карасай: раззадорить ойратов и увлечь за собой. План сработал почти идеально.

Сам батыр, мчавшийся последним, не ведал того, что в погоню ему бросилось не все ойратское войско, а лишь его пятая часть. Тем не менее, соотношение сил было чудовищ-

ным: на каждого казаха приходилось по сто ойратов. Сарбазов преследовал один из лучших ойратских бахадуров. Сам хунтайджи с основными силами спешить не стал.

Когда десять тысяч джунгаров сообразили, с кем им пришлось иметь дело, заметно воспрянули духом. В атаку враги ринулись смело, с оголенными саблями и невообразимыми воплями. Казахи, вопреки ожиданиям, не обратились в бегство. Напротив, пустили коней вперед, на полном скаку натягивая тетивы своих луков. Двигаясь в строгом порядке, они стали пускать стрелы рядами по десять человек (после выхода из ущелья, всадников пришлось перестроить, и теперь сотня Карасая напоминала по форме квадрат). Каждая шеренга, оказавшаяся впереди, после выстрела принимала влево – на разворот. Все это происходило на полном скаку. Настолько быстро, что ойраты немного замешкались. Передний край войска преследователей не мог ответить противнику тем же, так как воинам постоянно приходилось прикрываться щитами. А задние не могли видеть цели. Почти каждая пятая стрела казахов настигала врага. Все больше ойратов заваливались с лошадей, а иногда кони падали сами, увлекая за собой седоков.

Раздались первые стоны раненых. Дерзкая казахская сотня продолжала кружить перед вражескими полчищами. Это походило на то, как маленькая, но очень злая собачонка бросается на взрослого человека. Сарбазы Карасая выглядели слабыми, но крайне неприятными противниками. Джунгары

перешли на рысь. В этот момент из их рядов выдвинулся высокий воин. Он опустил громадный круглый щит, способный выдержать даже бросок копья с близкого расстояния, обернулся к своим и, перекрывая поднявшийся гул, выкрикнул какую-то короткую фразу. И вот из глубины ойратского войска вылетела первая туча ответных стрел. Они были пущены почти наугад, поэтому ни одна не достигла цели. Казахи, видя, что враг приходит в себя после первой оплеухи, ускорили темп и даже сократили расстояние. Для них это было большим риском, но дало нужный эффект. Джунгары продолжали падать. Вскоре движение неприятеля и вовсе застопорилось.

Мирас уже не выбирал мишеней. Он просто отпускал тетиву, отправляя стрелу туда, где ойратов было больше всего. Его даже не интересовал результат. На это просто не хватало времени, ведь сзади была уже наготове новая десятка лучников. Когда жигит в очередной раз завел руку за спину, чтобы вытащить новую стрелу, то обнаружил, что колчан пуст. Значит, пора назад. Еще в лагере сарбазы Карасая получили строгие инструкции. Батыр предупредил: как только нечем будет стрелять, нужно отходить, причем можно без соблюдения строя.

Когда полностью отстрелялось больше половины отряда Карасая, ойраты стали догадываться, почему ослаб натиск казахов. По вражеским рядам снова пробежал призывный крик, и джунгары с диким ревом бросились вперед, уже не

заботясь о защите. Злоба толкала их в безрассудную атаку.

Оставшейся части сотни Карасая пришлось отстреливаться на ходу уже при отступлении. Противники поменялись местами. Теперь мишенью стали казахи. Все это время им удавалось обходиться без потерь, но при вынужденном отходе появились первые убитые и раненые.

Над головой Мираса то и дело со свистом пролетали вражеские стрелы. Одна даже чиркнула по его шлему. Справа, судорожно выбрасывая копыта и роняя хлопья пены, неслась обезумевшая серая лошадь, оставшаяся без наездника. До спасительных гор оставалось совсем немного. Поэтому Мирас чуть сильнее ударил пятками в бока Тайбурыла, отчего конь протяжно заржал. Его жалобный крик не на шутку напугал осиротевшую лошадь. Несчастная стала в панике бросаться из стороны в сторону и спустя мгновение всем весом обрушилась на Тайбурыла. Столкновение было настолько мощным, что всадник не удержался и слетел наземь.

Падение оказалось весьма болезненным. Но хуже всего, что нога Мираса застряла в стремях. Как у того ойрата, который сегодня первым погиб от копья Карасая. Шагов десять верный конь протащил своего хозяина по земле. Когда же нога наконец отцепилась, Мирас почувствовал себя так, будто его положили спиной прямо на раскаленные угли. А тут еще во время падения с него слетел шлем. Нужно было срочно встать на ноги.

Внезапно ему показалось, что рядом ударила молния: ска-

кавший следом сарбаз не успел среагировать, и его лошадь мощным ударом заднего копыта снесла едва поднявшегося парня. Мирас лишился чувств. Из разбитой головы сквозь щеточку волос заструилась густая темная кровь.

Глава 28. Победить непобедимого

Как только последний сарбаз Карасая нырнул в расступившийся строй своих сородичей, земля за ними загорелась. Идею подсказал смекалистый батыр Жаксыул из племени Дулат. Он предложил разложить охапки сухой травы, предварительно обсыпанной порохом. Поверх накидали свежие кусты полыни – чтобы было больше дыма. В итоге прямо перед войском Жангира, возглавившего основные силы, поднялась настоящая дымовая завеса.

Когда крики разгоряченных погоней ойратов зазвучали совсем близко, по команде султана сарбазы подняли на изготовку длинные копья. Сам Жангир расположился впереди по центру и одним из первых должен был встретить врага. Кто-то из батыров попытался уговорить его отказаться от опасной затеи, но сын Есима был непреклонен. Не стал султан и менять свои доспехи на одежду обычного воина. Именно латы выдавали в нем человека голубых кровей, на кого ойраты будут стремиться напасть в первую очередь. До Жангира даже долетели слухи о том, что Эрдэни пообещал солидную награду тому, кто принесет ему голову казахского султана. Но

и это не напугало предводителя казахов. И теперь он стоял плечом к плечу с теми, кого восславил и чьи подвиги воспел сам народ. По правую руку от него застыл грозный Аргынтай, чья слава простиралась до самых джунгарских степей. Слева гордо стоял найман Коксерек – ловкий и выносливый воин, командовавший стрелковой элитой.

Тесно стоящие друг к другу горы лишали ойратов преимущества в численном превосходстве. Окружить казахов нельзя было, а значит, неприятелю оставалось только одно – выдвить их из ущелья. Однако хитрый Жангир сумел предусмотреть почти все.

Попавшие под ружейный обстрел ойраты не смогли хлынуть на противника лавиной, как привыкли это делать. К основным силам казахов удавалось просачиваться лишь немногим. Остальные либо валились замертво, либо теряли власть над лошадьми. Усиленный эхом ружейный грохот всеерьез перепугал джунгарских коней, и многие из них ошарашенно вертелись на месте, пытаясь найти спасительный выход. Началась давка. Задние ряды, еще не успевшие войти в горловину, не понимая, что происходит, напирали на стоявших впереди, а те были вынуждены лезть под пули. Добраться до стены дыма смогли лишь редкие группы по пять-шесть всадников.

Первое же копьё, брошенное Жангиром, застряло в груди одного из ойратов, вынырнувшего из густых облаков дыма. Султан отметил: бой начался удачно. Противник накатывал

мелкими волнами, которые тут же разбивались об острые пики казахских батыров, стоявших на передовой. Многие ойраты умирали прежде, чем успевали сориентироваться. Дабы не терять времени, казахи не выдергивали копий из трупов, а тут же брались за новые. Сложнее приходилось с насмерть перепуганными лошадьми неприятеля. Не всегда обороняющиеся успевали расступиться, чтобы пропустить животных сквозь строй. И тогда те сбивали с ног сразу несколько человек.

Шло время. Где-то впереди продолжали грохотать выстрелы, сопровождаемые стонами раненых. Постепенно вражеские атаки, наплывающие слабыми волнами, превратились в сплошной поток. К этому моменту огонь под ногами полностью потух, поскольку кони ойратов разбросали тлеющую траву. Но теперь они спотыкались о лежащие повсюду трупы и падали вместе с седоками.

Наконец джунгары сообразили и стали спешиваться. Их наступление замедлилось, но не ослабло. Противники сменили тактику и перешли к обстрелу. Силы уравнивались.

Жангир решил воспользоваться шансом и взять инициативу в свои руки. Выхватив из ножен саблю, он сам пошел на врага. Биться с ойратами, почти полностью покрытыми стальными пластинами, казалось невозможным. Казахи были оснащены гораздо хуже, что сразу бросалось в глаза. Простые сарбазы не имели даже кольчужных накидок, вся их защита – это жилет из плотной кожи с немногочисленными

металлическими вставками. От прямого удара такой костюм едва ли спасет. Зато у казахов была бóльшая свобода движений, а значит, и превосходство в скорости.

Сбив с ног очередного нападавшего, Жангир едва не лишился жизни сам. Прямо перед ним вырос закованный в железо исполин, который одним размашистым ударом чуть не снес султану голову. Наследник Есим-хана вовремя успел отпрыгнуть в сторону. Взгляды соперников встретились. Лицо ойрата исказила злобная гримаса. Он вновь ринулся в атаку. И на этот раз его клинок не поразил цель. Было видно, что казахский султан не самый удобный для него противник. Батыр Елтинды, оказавшийся в этот момент рядом, хотел вступить за своего вождя, но Жангир жестом остановил его.

Султан узнал противостоявшего ему ойрата. Это было Тэлмэн – один из приближенных Эрдэни. Жангир вспомнил, что видел его в ставке хунтайджи во время своего плена. Тэлмэн считался непобедимым бахадуром, не проигравшим ни одного поединка. Это обстоятельство в совокупности с жаждой отомстить за свое пленение не могло не сыграть на самолюбии султана. Такого соперника он должен был одолеть сам.

Жангир снова пошел в атаку и сразу понял, что ойрат вовсе не так неповоротлив, как кажется. Тэлмэн ловко уворачивался от ударов и не менее ловко бил сам. Раздававшееся со всех сторон лязганье сабель и мечей вскоре стихло. Враждующие стороны прекратили бой, чтобы узнать исход глав-

ного поединка. Отовсюду слышались ободряющие возгласы в поддержку то одного, то другого из соперников.

Казахи догадывались: если ойраты остановили бой, значит, с их султаном бьется не рядовой воин. А это, в свою очередь, означает, что от исхода поединка зависит и исход всей битвы. Если победит Жангир, ойраты падут духом и, вероятно, даже отступят. О том же, что произойдет, если победа достанется джунгару, сарбазы старались не думать. Ведь потерять того, кто затеял саму эту битву, было бы катастрофой.

Глава 29. Стрела САРБАЗА

Этот чертов казах оказался не так уж плох. Поединок затянулся, но никто из дерущихся не собирался прекращать его. Жангир дрался как кошка: мягко насадая и грациозно уходя из-под удара. Было заметно, что он опытный боец.

Сабля Тэлмэна была не менее грозна, чем алдаспан казахского султана. И хотя ойратский бахадур не был сыном хана, зато слыл одним из лучших бойцов в своем народе. Таких, как выскочка Жангир, могучий ойрат встречал и прежде. Но этот оказался живучее остальных.

Да как он вообще посмел выступить против ойрата – хозяина степей от Кавказа до Индии! К тому же Тэлмэн был выходцем из славного рода Чорос. Того самого, к которому принадлежал и повелитель всех степняков Эрдэни! Этот казах должен ноги целовать полководцу великого хунтайджи,

одаренного властью над номадами самим Далай-ламой Пятым!

Ничего не помогало: ни самовнушение, ни смена тактики боя. Жангир упорно стоял на ногах и всегда находил силы для нового нападения.

Солнце висело ровно посередине между двумя хребтами, образовавшими неширокий проход. Там, в степи, оно уже всюду наслаждалось своей властью. Здесь же продолжала царствовать весенняя сырость. Было холодно. Однако Тэлмэн холода не чувствовал. Напротив, по его лицу градом стекал горячий пот. Начинало сбиваться дыхание. Это нехорошо. Очень нехорошо.

Жангир тоже не смог долго сохранять прежний темп. Атаки обоих соперников становились все более вялыми. И Тэлмэн и Жангир понимали – им обоим нужна передышка. Многие воины, наблюдавшие за увлекательной схваткой, даже присели на землю, так как устали стоять. Всем было интересно, чья возьмет.

Тэлмэн решил первым. Подставив щит под очередной удар султана, бахадур не стал отвечать. Наоборот, отступил на два шага и опустил клинок. При этом пристально наблюдал за реакцией Жангира. Благо, тот все понял правильно. Противники обменялись едва заметными кивками и разошлись – каждый в свою сторону. Далеко уходить не стали, давая тем самым понять, что бой еще не окончен.

«Убей я сейчас этого выскочку, и казахи начнут сдаваться»

без боя, – думал Тэлмэн, поворачиваясь к султану спиной. – Хунтайджи щедро одарит меня, а поэты увековечат мое имя. Потомки уже не узнают, как я это сделал, но будут помнить, что султана Жангира убил именно я».

Размышляя, бахадур даже не замечал, какой ор поднимается среди воинов по мере его приближения к рядам ойратов. Они словно старались вдохнуть в своего полководца всю собственную ярость, лишь бы он убил врага. Куда ни кинь взгляд – везде надрывающиеся от крика красные лица сородичей. Многие при этом трясут перед собой сдернутыми с головы шапками, будто пытаясь утратить врага на расстоянии.

Внезапно взор Тэлмэна упал на лук, лежавший возле одного из воинов. Видимо, он как раз собирался выстрелить, когда схлестнулись два степных титана, но прятать стрелу обратно в колчан не стал. Тэлмэн направился прямо к нему. Ойраты при приближении бахадура встали. Поднялся и тот стрелок, чье оружие заметил военачальник.

– Молодец! – похвалил Тэлмэн, протягивая руку к луку воина. – Как твое имя?

– Данзан! – бойко ответил тот, вверяя оружие полководцу.

– Ты хороший воин, Данзан. Относись к себе так же, как к своему оружию, а к оружию – как к собственности своего повелителя.

Диалог между соперником Жангира и простым солдатом не вызвал особого интереса в стане казахов. Они сочли, что

бахадур советуется с соратниками. Казахи, кстати, и сами, обступили своего султана, чтобы дать ему парочку-другую советов из личного опыта. Правда, позволить себе такое могли, естественно, только батыры.

Впрочем, даже если б сарбазы слышали, о чем переговаривался с воином Тэлмэн, все равно бы ничего не поняли. Между тем бахадур задал не вполне логичный в сложившейся ситуации вопрос:

– Умеешь ли ты быстро стрелять, Данзан?

– Насколько быстро? – деловито переспросил тот.

– А вот насколько... – С этими словами Тэлмэн двумя пальцами подхватил с земли длинную стрелу и приставил ее к тетиве. Но вместо того, чтобы устремиться в сердце врага, стрела Данзана, украшенная пером дикого гуся, безвольно выпала из лука. Вслед за нею рухнул и сам Тэлмэн. В центре его высокого лба, нависавшего над удлинненным прямым носом, торчало теперь длинное тонкое древко стрелы. Вдоль массивных надбровных дуг текла к виску алая струйка.

Не сговариваясь, все разом обратили взоры в сторону стрелявшего. Возвышавшийся на фоне сородичей пухлощекый казах даже не пытался скрыть собственный проступок. Неслыханная в степи наглость! Казахский сарбаз сорвал священное действие – поединок. За такое полагалась жестокая расправа, даже от своих.

Стрелок спокойно опустил лук и остался стоять на месте.

– Казахи нас обманули! – раздался пронзительный крик

какого-то ойрата.

Две враждующие стороны вновь столкнулись в непримиримой битве. В ущелье было слишком тесно, поэтому свободно драться могли только те, кто находился в первых рядах. Остальные бестолково напирали сзади. К несчастью ойратов, лишившихся лидера, инициативу в этом непростом бою перехватили казахи. Пользуясь своей маневренностью, они ловко сменяли друг друга на передовой, чтобы лучше распределять силы. Джунгары такого не могли – слишком тесно были прижаты друг к другу. К тому же со смертью командующего войско потеряло самое главное – координацию. Медленно, но верно подданные хунтайджи начали пятиться.

Глава 30. Кровь за кровь

На первый взгляд это могло показаться странным, но, глядя на окружавших его сарбазов, будто сошедших с картинки из учебника истории, Максат думал вовсе не о происходящем сражении. Гость из будущего, который давно запутался, где он на самом деле – в своей книге или в реальном прошлом, вновь вспомнил о мечте всей своей жизни.

Навязчивая идея поселилась в его голове еще лет в пятнадцать. До этого Максату казалось, что мир вращается вокруг его маленького и такого родного двора. Будто сам он и несколько близких друзей – главные действующие лица какого-то безумно интересного фильма.

А потом они переехали в другой район из-за многочисленных долгов за коммунальные услуги. Что говорить, не все советские люди сумели быстро освоиться в новой стране. Сейчас это кажется смешным, но в те годы зарплата матери Макса не перекрывала даже счета за элементарные блага цивилизации. С уходом отца содержание трехкомнатной квартиры в центре города стало для них непосильной задачей.

Именно с тех самых пор, когда семья Максата перебралась в обшарпанную, невзрачную серую пятиэтажку, он и стал мечтать о возвращении своего родового гнезда. Конечно, со временем многие вещи утратили прежний смысл. Уже и стены старой «хрущевки» не казались такими убогими, не раздражал пронзительный скрип половиц. Но мечтал он о том же. И продолжал верить в чудо! Мысленно представлял себя разбогатевшим нуворишем, который заруливает в родной дворик на невероятно дорогом спорткаре и торжествующим взглядом окидывает знакомые с детства дома. А еще воображение рекомендовало ему, выйдя из машины, эффектно пикнуть дистанционным замком.

– Максатик, неужто в гости к нам наведался? – непременно спросила бы его разговорчивая тетя Нина – старожил подъезда.

– Нет, я к себе! – Для большей значимости момента предполагалось, что Макс будет сдержан в словах.

Над тем, как он будет выселять нынешних владельцев своей старой квартиры, он тоже думал нередко. Остановился на

банальном, но таком недостижимом сейчас резоне – плачу любую сумму! С годами Макс стал понимать, что его мечта больше походит на утопию. А раз уж мечта почти неосуществима, почему бы не сделать ее еще более сумасшедшей. Так он решил, что вернет квартиру родителей с помощью своих баснословных гонораров. Таковых, само собой, тоже пока не имелось. Как, впрочем, и того, за что они полагаются.

Но это не беда! Ведь мечтать не вредно! Возвращаться в дом детства покорителем литературного олимпа казалось куда более приятным делом, чем трансформироваться в офисного червя, которому банк давно выписал приговор в виде пожизненной кабалы.

Описание бытовых моментов, вроде оформления договора о купле-продаже, ремонта и выбора мебели, воображение считало делом десятым. Зато в самых сочных тонах перед глазами представали другие радужные картинки. Вот он стоит на балконе со своим еще не родившимся сыном и рассказывает ему о собственном детстве. А вот впервые выводит малыша во двор, как это делал когда-то его отец. А по вечерам, вся семья будет, как и много лет назад, собираться в зале перед телевизором.

Все эти картинки пронеслись перед глазами Макса за какую-то секунду. Но внезапно радужную пелену детских мечтаний разрезал дикий рев. Поднялся невообразимый гвалт, а потом по экрану огромного плазменного телевизора растеклась кровь. Густая, пьянящая разум жидкость.

Макс безглаголиво вытер лицо. В шаге от него упало что-то тяжелое. Посмотреть, что именно, он не мог – горячая красная струя брызнула прямо в глаза. Когда ему наконец удалось разлепить мокрые веки, перед глазами предстала жуткая картина. Начавшие приходить в себя после первых потерь ойраты стали отстреливаться из луков. Одна из стрел угодила прямо в горло жигиту, стоявшему слева от Максата. Из раны фонтаном хлестала кровь. Сарбаз умирал мучительной смертью. Он судорожно хватал губами воздух, сжимая окровавленными руками древко стрелы, а вскоре затих.

– Двигайся, Макс! Не стой как столб! – прикрикнул на друга Жека, который давно уже обходился без его помощи.

Максат опомнился. Смотреть на мертвого воина было невыносимо, но холод стеклянных глаз почему-то не хотел отпускать.

– Жека, дай мне! – попросил Макс, протягивая руку к ружью. – Я тоже хочу попробовать.

Не дожидаясь друга, Макс потянул оружие на себя, направил его в сторону джунгар и поднес к фитилю тлеющий пруттик. Через доли секунды звучный хлопок отозвался душевраздирающим человеческим стоном. Трудно сказать, стала ли выпущенная им пуля причиной еще одной смерти, но это сейчас Максата не интересовало. Он все равно записал это убийство на себя. Пусть даже оно не было убийством в привычном понимании.

Глава 31. Тот, кого нет

В день главного наступления хунтайджи Батур чувствовал себя неважно. Мучительная тупая боль сверлила голову с самого утра. К обеду, когда два тумена Тэлмэна выдвинулись навстречу казахам, Эрдэни стало совсем плохо. Бестолково напрягая мускулы, чтобы стиснуть больную голову руками, он практически не управлял лошадьё. Видя это, нойоны вызвали монаха Мэя – личного лекаря хунтайджи. Батур сам пригласил тибетца ко двору, так как был наслышан о чудесах врачевания знахарей этой страны.

Верные подданные отдали приказ остановить выступление. Не пройдя даже четверти намеченного, войско встало. Нойоны могли себе позволить не торопиться, ведь никто в джунгарском войске не ожидал встретить на своем пути хоть какое-нибудь сопротивление. Казахи, не способные жить в гармонии даже с самими собой, были, по сути, легкой добычей. Двух туменов, посланных вслед сумасшедшей казахской сотне, дерзнувшей преградить дорогу величайшей армии Востока, более чем достаточно. Остальные собирались скорее добивать, чем воевать. Тэлмэн свое дело знал.

Монах Мэй недовольно зацокал языком, прощупав пульс больного хунтайджи.

– Надо покой. – Он еще плохо говорил на языке ойратов. – Хунтайчи надо постель.

– Чего ты стоишь?! – грозно заорал скрюченный болью

Эрдэни. – Вылечи меня!

Никогда прежде Батур не ощущал ничего подобного. Казалось, будто кто-то вонзает в его череп острые спицы. Тупые постукивания сменились тягучими острыми спазмами. Подбежавшие слуги подхватили повелителя и перенесли его в наскоро поставленный шатер. Единственное, чего он хотел, – прекратить этот ад. Пусть даже для этого придется умереть.

Проклятый тибетец хоть и старался изо всех сил, лучше повелителю не становилось. Батур просто не мог больше сжимать голову руками, обманывая себя, что этим можно заглушить боль. Напрягшиеся как струны мускулы резко расслабились. Хунтайджи лежал на спине, распластав руки в стороны. Больная голова была уже не способна управлять телом.

Боль усиливалась, череп Эрдэни словно пронзали частоколом бесчисленные иглы. Последняя игла стала самой болезненной. Последняя, потому что после нее боль ушла. Однако еще быстрее исчезли все окружающие. Батур оказался один в пустом походном шатре. Странно, но вокруг стало очень тихо. Не фыркали лошади, не перекрикивались воины. Даже ветер не теребил сочную листву деревьев. Ни звука.

В том, что где-то рядом гуляет степной ветер, хунтайджи догадался по приподнявшемуся ненадолго пологу шатра. Он почувствовал, что уже может двигаться, и приподнялся на локте. Его глазам предстало нечто странное: по пустому шат-

ру металось маленькое белое облако. Оно пронеслось под самым сводом и резко опускалось к ногам Эрдэни. Вскоре оно стало сжиматься. И чем сильнее облако сжималось, тем опускалось ниже, продолжая кружить по шатру. Наконец это непонятное нечто остановилось. Прямо перед ошеломленным хунтайджи.

Батур всерьез засомневался, что видит все это наяву. Перед ним стояло (именно стояло!) крошечное, с детскую ладонь, облако. И внизу этого самого облака явственно проступали ноги – маленькие скрюченные полулапки. И такие же ручки. Больше всего облако напоминало новорожденного ребенка, правда, со слишком большой для такого крохотного тельца головой.

В детстве Батуру не раз доводилось слышать от стариков рассказы о духах. Никто не мог сказать, насколько они правдивы, ведь их передавали из уст в уста много сотен лет. Вспомнив свои давно забытые детские страхи, Эрдэни невольно передернулся. Челюсть предательски затряслась.

– Кто ты? Что тебе нужно? – дрожащим голосом спросил у облака хунтайджи.

– Я тот, кого нет! – отозвался еле слышным голосом дух.

– Кто послал тебя ко мне? – Хунтайджи начинал впадать в панику.

– Меня нельзя послать – я свободен!

– Что тебе нужно?

– Братик, таким, как я, уже ничего не нужно! – рассмеялся

головастик.

– Почему ты назвал меня «братиком»?

Не поднимаясь на ноги, Эрдэни стал пятиться в глубь шатра, но расстояние между ним и духом не увеличивалось. Хотя ноги карлика оставались неподвижными, сам он двигался, причем с той же скоростью, что и хунтайджи.

– Почему ты бежишь от меня? – удивился дух, прекратив смеяться. – Разве я напугал тебя?

– А-а-а-а! – изо всех сил заорал хунтайджи, пытаясь привлечь к себе хоть одну живую душу.

Но никто не отозвался. И внутри шатра, и снаружи царила мертвая тишина. Мертвая! Батура будто ударило молнией. Неужели он...

– Нет, братец! – спокойно молвил призрак. – Ты все еще в царстве мертвых.

Похоже, это действительно был дух, ведь он в точности прочел его мысли. Но почему «братик»?

– Потому что я и в самом деле твой брат! – снова прочел мысли Батура карлик и подлетел к самому его носу. – Твой неродившийся брат. Ты занимаешь мое место! Это я должен был стать первенцем и вождем кочевников.

Пауза. Челюсти хунтайджи громко выстукивали тяжелую дробь. Он обнял руками прижатые к самой груди колени. Правитель всей степи, чьи владения простирались от Кавказа до самой Индии, выглядел сейчас жалким и бессвязно бормотал себе под нос:

– Нет, этого не может быть. Я, верно, в бреду... Где Мэй?.. Мэй!

– Оставь Мэя, братик, – наигранно дружелюбно произнес дух. – Я не со злом к тебе пришел.

– Так скажи наконец, зачем ты здесь? – взмолился хунтайджи.

– За всеми приходят. Иначе, ты можешь заблудиться.

– Но ты ведь сказал, что я не умер!

– Я сказал, еще не умер.

– И когда наступит мой срок?

– Этого я сказать не могу. Прости. Я буду приходить лишь тогда, когда ты ближе всего подбираешься к царству мертвых.

Слова карлика заставили Батура задуматься.

– Мне грозит смерть?

– Ты должен отвести свое войско от ущелья! – потребовал вдруг дух, на этот раз без всякого жеманничанья. – Нельзя строить страну на крови.

– Что ты болтаешь? – заорал хунтайджи. Его внутреннее состояние менялось со скоростью выпущенной стрелы.

– Болтать я не научился, – возразил призрак. – Я умер, даже не пожив.

– Моя мать была здорова, как молодая лань. Она бы выносила и тройню... – стал сомневаться хунтайджи.

– Твоя мать здесь не при чем. Моей матерью должна была стать не она. Твой отец имел еще одну жену. Ее звали

Алтангэрэл. Ни ты, ни твои братья не знали о ней, поскольку она умерла молодой. Жена долго не могла подарить мужу первенца, и тогда Хара-Хула женился второй раз. Его избранницей стала Алтангэрэл. И она отяжелела первой. Твоя мать не могла позволить, чтобы наследника родила другая. Ведь это грозило ей утратой власти и потерей своего положения. Такого позора твоя матушка точно бы не снесла. И тогда она пошла на подлость: задушила беременную младшую жену хунтайджи, когда та спала. А я умер в ее утробе.

– Ты врешь! – зашипел Батур. – Врешь!

– Думай не об этом, глупец! Подумай о своих намерениях. Ойратами должен править лев, а не цепной пес на службе маньчжурских обезьян. Защити свою землю, прежде чем пойдешь покорять чужую! Это все, что я хотел сказать тебе сегодня. Жди второй встречи. Третья будет последней, так что думай быстрее.

Уродливый карлик снова превратился в белое облако, которое вскоре растаяло. В глазах Батура резко потемнело, а затем он открыл веки. Первое, что увидел хунтайджи, – сморщившиеся щелки глаз Мэя. Монах сидел рядом, скрестив под себя ноги. Руки он положил на колени, а голову низко склонил. Его глаза были чуть приоткрыты.

Эрдэни лежал на той же походной подстилке, на которую его уложили обеспокоенные нойоны.

– Как долго меня не было? – тихо спросил Батур у монаха.

– Две минуты, – так же тихо ответил тибетец.

– А мне показалось, я спал вечность.

С этими словами Эрдэни оторвал спину от подстилки и присел. Каким же счастьем было ощущение легкости в голове! Боль как рукой сняло. Батур чувствовал себя бодрым и полным сил. Мэй взглянул на владыку степей снизу вверх и вновь опустил голову на грудь.

– Ты вовсе не спать, правитель. Ты уходить. Но вернуться. Твое время не приходит.

Глава 32. Крушение мифов

Словно стадо спасающихся от лесного пожара животных, пронеслись мимо стрелков ойраты. Сарбазы уже не целились, а просто вели беспорядочную пальбу в их сторону. Все чаще пули, выпущенные с одного укрепленного края ущелья, долетали до противоположного. Несколько таких шальных выстрелов нанесли урон самим мергенам. И все же враг нес гораздо бóльшие потери. Панический страх быть раздавленным соратниками овладел всем войском. Словно страшная зараза он быстро распространился по рядам воинов Тэлмэна. Ойраты на обстрел и не думали отвечать. Каждый из них просто спасал свою жизнь, спотыкаясь о трупы собратьев и их лошадей. Многие из тех, кто падал на землю, уже не поднимались. Убитые лежали друг на друге, преграждая дорогу живым. Пули градом сыпались на оказавшихся в ловушке джунгар. Казахи, ловко сменяя друг друга, почти

не делали пауз.

К приятной весенней сырости примешался запах крови и пороха. Сизый туман мешал, застилая глаза. Грохот выстрелов не умолкал. Раздававшиеся в унисон им стоны умирающих делали это место зловещим.

Отвлечшемся на миг Максату стало вдруг жутко и тошно. До дрожи. Откуда-то снизу прямо к горлу потянулся неприятный холодок. Не успев принять из рук друга ружье, он отвернулся и склонился к замшелому плоскому камню. Жека с испугом смотрел на захлебывающегося в рвоте друга и не знал, чем ему помочь. Когда из Макса вышло все содержимое желудка, он стал судорожно втягивать ртом воздух. Жека присел рядом.

– Ты как? – прокричал он в самое ухо друга.

– Братан, так нельзя... – выдавил из себя Максат, утирая наворачнувшиеся во время судорожной рвоты слезы. – Это уже не война. Это – истребление! Мы же не звери.

Жека ненадолго замолчал, обдумывая ответ. Сидя на корточках, он облокотился на ствол ружья, которое упер прикладом в землю.

– Понимаешь, дружище, – начал он, – я, конечно, на войне никогда не был. Но мне кажется, нам сейчас не нужно думать о подобных вещах. Ты же видел, какая их орда. Ничего другого нам не остается. Тут, брат, не до рыцарства. Или мы – или они!

– Я много раз представлял себе эту битву, – задумчиво

произнес Макс. – Она всегда казалась мне такой героической. Я рисовал казахов несокрушимыми батырами, которые бьют подлого врага. А то, что здесь происходит, ужасно. Не по-людски.

– Все, Макс, хорош бредить. Поднимайся.

Жека встал и потянул друга за локоть – битва еще не окончена.

Послушно поднимаясь, Макс обреченным голосом спросил:

– Разве ты ничего не чувствуешь?

Наконец и Жека взорвался. Только теперь выяснилось, что он тоже на пределе.

– Слушай, пацифист хренов! Это ты меня сюда заташил. «Я должен там побывать», – передразнил он. – Побывал? Теперь постарайся не остаться тут навсегда. А чтобы этого не случилось, ты должен помогать мне отстреливать этих сусликов. Вот когда их поменьше станет, тогда – если захочешь – можешь включать свое благородство. Сколько у нас пуль?

Максат заглянул в один из мешочков и выгреб из него горстку бесформенных свинцовых комочков.

– Это все?

– Нет, – и Максат отцепил от пояса второй точно такой же мешочек, набитый ружейными снарядами.

Облегченно вздохнув, Жека протянул ружье Максу и командовал:

– Заряжай!

Спустя пару минут два друга снова стали частью огромного живого механизма, нацеленного на истребление себе подобных.

Чтобы выбраться из окружающего их ада, джунгарам приходилось на четвереньках преодолевать горы трупов. Они поскользывались на окровавленных доспехах, поднимались и снова лезли вперед – туда, где безопаснее. Лишь единицам удавалось найти путь к спасению. Большинство остались лежать на телах умерших товарищей. Убитые наваливались на раненых, раненые – на убитых. Отовсюду раздавались предсмертные крики. Количество погибших уже не поддавалось счету.

Поняв, что попали в ловушку, многие джунгары в отчаянии кидались в сторону укрывшихся за частоколом казахов. Однако те без труда расправлялись с ними, протыкая заранее заготовленными для этого копьями. Падая в глубокий ров, ойраты обрекали себя на верную смерть.

Глава 33. Черти из темноты

Черное, как пропасть, небо нависало над Джунгарским Алатау. Ни луны, ни звезд. Только сплошной, непроглядный мрак. Словно из-под земли вылезли все черти и погасили ночное светило. А может, это ад?

Едва Мирас успел подумать о чертях, как они действительно появились. Их было двое. Оба выглядели точно так,

как он и представлял себе шайтанов. Кривоногие и низкорослые, они, косолапя, пробирались мимо лежавшего на спине казахского сарбаз. Когда они оказались совсем рядом, откуда-то справа раздался протяжный страдальческий стон. Выходит, Мирас был тут не один.

Да где он, черт подери?! Мысленно чертыхнувшись, он тут же прикусил язык. Не помогло. Стон привлек внимание обитателей преисподней. По нутру пробежал мороз. Сердце бешено заколотилось. На всякий случай сарбаз даже затаил дыхание, чтобы сойти за мертвого.

К его удивлению, черти заговорили на вполне человеческом языке. Мирасу даже показалось, будто он уже слышал это наречие. К этому моменту мысли стали приходить в порядок. Неужели он пропустил всю битву? А его братья, возможно, погибли, пытаясь сдержать вражескую лавину.

Мирас лежал аккуратно на пути «чертей», преграждая им дорогу к стонавшему. Первый спокойно перешагнул через «труп», а второй больно наступил каблуком на отброшенную в сторону руку. Мирас непроизвольно дернулся, чем сильно усугубил свое положение. Ойрат замер, затем повернулся корпусом и стал вглядываться сквозь темноту во владельца ладони, которую все еще прижимал ногой. Вдруг он резко развернулся, теперь уже полностью, и упер наконечник своего короткого копья прямо в грудь лежавшего на спине Мираса.

Справа послышалась какая-то возня, а затем – странное

бульканье. Первый ойрат вернулся и встал рядом со вторым.

Стоптаный каблук продолжал безжалостно продавливать в центре ладони Мираса глубокую вмятину. Еще чуть-чуть, и плоть не выдержит.

Тем временем джунгары принялись вполголоса что-то обсуждать. Закончилось тем, что мучитель перенес вес на другую ногу, облегчив мучения сарбаза. Но копье продолжало больно врезаться в кадык.

– Вставай! – скомандовал мучитель на ломаном казахском.

Делать было нечего. Мирас оторвал голову от земли. Затылок тут же отозвался колющей болью. Ох и натворил дел взбесившийся конь! Пошатываясь, он поднялся на ноги. Голова сильно кружилась. Темно было настолько, что лица ойратов едва проступали. Разглядеть их не удалось, потому что перед глазами снова повис крошечный мрак. Это второй ойрат накинул ему на голову мешок. Когда джунгары стянули руки грубой веревкой, Мирас понял, что попал в плен.

Этого он боялся больше всего. Пленные уже не принадлежат себе. Одна мысль была страшнее другой. Что же дальше? Почему ему не перерезали горло, как тому бедняге? Похоже, этих двоих послали добивать раненых. Значит, казахи проиграли.

Ойраты двинулись дальше. Один шел впереди, держа на привязи пленника. Второй шагал за Мирасом. Временами он отчетливо слышал его сиплое дыхание. Никаких разгово-

ров и лишнего шума. Несколько раз, идущий вслепую пленник спотыкался о кочки. Тогда шедший сзади бесцеремонно поднимал его на ноги. Агрессии не было.

Мирас стал раздумывать над своим положением. Куда его ведут, в принципе, было ясно. Непонятно другое – что с ним собираются делать? Если б хотели убить, убили бы на месте, но ему оставили жизнь. Значит, для чего-то он им понадобился. Точно! Бой еще не проигран! Ойраты, видимо, хотят выведать у него сведения о казахском войске. Стонавший бедняга, скорее всего, был обречен, а Мирас лишь ушиб голову. Вот его и выбрали.

Лучше бы убили! Тогда ему не пришлось бы стать рабом на чужбине.

Глава 34. Омраченная победа

Таким униженным Кульмагамбет не чувствовал себя никогда. Сарбаз, которого он привел, опозорил самого султана Жангира. Так, во всяком случае, считал сам сын хана Есима. Именно Амантай пустил стрелу прямо в лоб ойратскому бахадуру Тэлмэну.

Наследник знаменитого правителя пребывал в бешенстве. Он сидел в своей юрте в окружении батыров, проявивших небывалый героизм в сегодняшней битве. Войско приходило в себя после тяжелого сражения. Казахи сумели отразить натиск врага, но на лице султана читалось недовольство.

Экзекуция Амантая продолжалась уже около часа. Жангир выплескивал на воина все новые порции гнева. Тот лишь молчал, понуро опустив голову.

– Да кто ты такой, чтобы вмешиваться в поединок?! – негодуяще вопрошал Жангир, не давая найману возможности ответить. – Что теперь ойраты подумают обо мне? Что я испугался их бахадура?

– Позволь мне сказать, султан... – Кульмагамбет впервые осмелился подать голос.

Жангир лишь окинул его раздраженным взглядом. И хотя разрешения не последовало, бий все же решил вступить за наймана:

– В поступке Амантая не было дурных намерений. Он лишь опередил ойрата, который собирался пустить стрелу тебе в спину.

– А кто ему позволил это? – Жангир, похоже, не желал никого слушать. – Разве не знают найманы, что никто не вправе вмешиваться в ход поединка?

– Но тебя могли убить! – стоял на своем Кульмагамбет. – Ойрат первым пошел на подлость.

– Ну и что с того? Может, ты думаешь, что я держусь за свою жизнь? Нет ничего хуже, чем потерять свою честь.

После короткой паузы султан обратился напрямую к провинившемуся сарбазу:

– Тебе больше нет места среди нас. Уйдешь сегодня же. Мне не нужны такие воины. Это все.

Не говоря ни слова, Амантай с достоинством поклонился султану и медленно попятился к выходу. Кульмагамбет провожал его взглядом, еле сдерживая эмоции. Бий каржасов не мог понять настроения Жангира. Ведь казахи, в конце концов, одержали победу. Перебив огромное количество врагов, сами понесли минимальные потери. Это ли не повод для радости? Да султан, наоборот, должен был щедро одарить наймана, по сути, спасшего ему жизнь.

Когда Амантай удалился, Жангир перешел к обсуждению плана дальнейших действий. Казахи продолжали охранять вход в Орбулакское ущелье. Основные силы ойратов подошли слишком поздно. Попавший в западную авангард был к тому времени почти полностью уничтожен. Непонятно почему, но джунгары не стали атаковать с ходу, а решили разбить лагерь прямо напротив ущелья.

На всякий случай Жангир не стал снимать стрелков с позиций. Обе сотни, расположившиеся за выстроенными укреплениями, остались на прежних местах. Остальные сарбазы тоже не теряли бдительности. Спали на голой земле, в обнимку с оружием. Жангир всерьез опасался внезапного нападения. Он даже не разрешил врагу собрать трупы погибших, боясь, что под этим предлогом джунгары решатся на новую атаку.

Словом, пока все складывалось более чем удачно. Выместив гнев на несчастном наймане, султан немного успокоился и повеселел. Он даже велел подать всем кумыса, чтобы от-

праздновать первую победу. Батыры находились в прекрасном расположении духа. Все живо обсуждали происшедшую бойню, не стесняясь хвалиться друг перед другом собственными подвигами.

И только Кульмагамбет чувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Кроме изгнания Амантая, был у него еще один повод для расстройств. Мирас так и не вернулся в лагерь. Карасай на расспросы бия лишь пожал плечами: мол, дело такое, за всеми не уследишь. Глупый мальчишка! И зачем только он вызвался пойти вместе с летучей сотней!..

Когда веселье было в самом разгаре, Кульмагамбет вдруг понял, что ему нелегко находиться среди приближенных султана. Необъяснимое чувство вины одолевало его. Казалось, он предал Амантая. Однако что он мог сделать? Уйти вместе с ним? Наверное, это было бы правильным. Но он не ушел. Еще большие терзания бий испытывал от мысли о возможной смерти Мираса. И здесь он уже не находил себе никакого оправдания. Не надо было вообще брать его с собой.

Глава 35. В плену

Подрагивающий свет нескольких костров выхватывал из темноты раскосые, похожие друг на друга лица. Словно в один ряд выстроилось немыслимое количество кровных братьев. Перед строем вышагивал невысокий мужчина в остроконечной шапке, отороченной богатым мехом.

Мирас, с которого уже сняли мешок, наблюдал за происходящим с нескрываемым любопытством. Его даже оставило жгучее чувство тревоги за собственную судьбу. Не зная языка ойратов, он мог только догадываться, о чем говорит этот джунгарский вельможа. Его принадлежность к знатному роду видна была во всем, и в первую очередь, в поведении. Разве мог простой ойрат позволить себе кричать на соплеменников, точно на провинившихся детей? Одежда тоже больше соответствовала какому-нибудь степному князю, нежели именитому воину или купцу. Неужели это тот самый Эрдэни, о котором так много говорили казахи? За что же он отчитывает своих воинов?

Обремененные тяжелыми пластинчатыми доспехами ойраты были угрюмы и молчаливы. Только голос Батура нарушал ночной покой древних гор. В нем слышались гнев, боль и возмущение одновременно. Ратники молчали. Казалось, хунтайджи выплескивает эмоции на каменных идолов.

Сложно сказать, сколько именно воинов выстроилось перед повелителем. Многочисленные костры, разведенные ойратами, не в состоянии были справиться с густотой ночного мрака. Чем в этот момент занимались остальные обитатели лагеря, тоже оставалось загадкой. И вообще, есть ли здесь кто-нибудь еще? Или перед хунтайджи выстроилось все его войско?

Ночь была холодной, а Мирас перед боем нарочно не стал утяжелять себя теплой одеждой, которая бы сковывала дви-

жения во время стрельбы. Временами по его телу пробежала крупная дрожь. Из рта валил густой пар. Двигаться он не мог – руки по-прежнему стягивала веревка. Хуже всего дело обстояло с кистями. К холоду снаружи добавился покалывающий морозец изнутри. Мирас уже не мог пошевелить обескровленными пальцами. Ноги тоже были связаны, правда, слишком слабо, чтобы перекрыть приток крови.

Пленник молча сносил мучения. Оба надзирателя, приведшие его сюда, стояли рядом. Было понятно, что они ждут окончания отповеди Батура, чтобы доложить о захваченном казахе. И этот момент настал.

Батур закончил речь короткой повелительной фразой, означавшей, что господин больше не желает видеть своих вассалов. В той же звенящей тишине ойраты разошлись. Постепенно лагерь стал наполняться звуками жизни.

В этот момент пленный Мирас и джунгарский хунтайджи встретились взглядами. Приложив невероятные усилия, казах все же выдержал немую дуэль. Батур властно указал пальцем тем, кто стоял за спиной пленника. Мираса грубо толкнули в спину – шагай.

И вновь непонятные вопросы и такие же непонятные ответы. Впрочем, о сути диалога догадаться было нетрудно. Ойраты объясняли, где и как обнаружили пленника. Батур отдал какое-то распоряжение. Из темноты вынырнул воин с факелом в руках. Стало чуть светлее. Хунтайджи смерил Мираса надменным взглядом, медленно перемещая его сни-

зу вверх.

Закончив изучение, Эрдэни потянул из ножен длинную кривую саблю. Дрожь предательски усилилась, когда холодное острие уперлось в подбородок. Невольно повинувшись, Мирас задрал голову.

– Какой имя, казах? – сильно коверкая казахские слова, спросил Батур.

Мирас молчал. Судорожно пытаясь усмирить страх, он старался выглядеть достойно. Вопрос прозвучал снова.

– Я – Мирас, сын Культая. Я из...

– Медленно! – перебил Мираса хунтайджи. – Говорить медленно!

Повисла пауза. Острый клинок впивался в кожу все сильнее.

– Ты радоваться? – спросил Батур. – Дать ответ! Ты радоваться?

– Я не понимаю, – процедил Мирас, боясь, что клинок проткнет ему подбородок.

– Ты радоваться? Казах победить – ты радоваться?

Вон оно что! Мирас мысленно возликовал. Первая хорошая новость за ночь. Значит, братья все-таки выстояли. Теперь и умирать было не так обидно. Уголки губ невольно потянулись кверху. Это вызвало новый приступ гнева у правителя ойратов.

– Зачем ты смеяться? Ты смеяться над Эрдэни Батур? Завтра твой Жангир... – Не найдя нужного слова, хунтайджи

провел большим пальцем свободной руки по горлу. – Мы всех убивать! Всех казах убивать. Ваша земля – моя!

Мирас был крайне удивлен, но Батур отстранил клинок от его горла, а потом и вовсе спрятал его в ножны. А он ведь уже не рассчитывал остаться в живых. Надо сказать, избавление пришло вовремя – от неудобной позы шея затекла и начинала ныть.

Хунтайджи опять перешел на свой язык, отдавая конвоирам какое-то распоряжение. Оба ойрата с готовностью откликнулись. Судя по всему, допрос подошел к концу. Оставалось только узнать, как правитель велел поступить с пленным казахом. Ждать оставалось недолго.

Глава 36. Во мраке

В кромешной тьме раздалось зловещее хлопанье крыльев. Рядом вспорхнул черный ворон, ставший благодаря ночи невидимым. Он улетал, громким карканьем посылая проклятия тому, кто нарушил его трапезу. Хунтайджи вздрогнул и инстинктивно отпрыгнул в сторону. Наступившая на что-то мягкое нога едва не подвернулась. Посмотреть, что лежало под ногами, не было никакой возможности – вокруг ни малейшего проблеска света.

Бьющий в лицо прохладный горный ветер был наполнен смрадом. Этот густой тошнотворный запах показался Батуре знакомым. Двигаться дальше хунтайджи остерегся – неиз-

вестно, чем грозит ему следующий шаг. Он решил выждать паузу, надеясь, что глаза хоть немного привыкнут к темноте. Так и вышло.

Первым делом Эрдэни стал вертеть головой, чтобы понять, какая местность его окружает. По обе стороны от него высились скалистые горы, образующие узкий коридор. Остальное скрывал мрак. К своему великому удивлению, Батур вдруг обнаружил, что тьма постепенно рассеивается. Жуткую черноту ночи мало-помалу вытеснял теплый красноватый отсвет, непонятно откуда появившийся в противоположном конце ущелья. Постепенно свет разрастался, и вскоре от недавней темноты не осталось и следа. Казалось, будто на том конце скалистого коридора разгорался пожар.

Только теперь Батур смог осмотреться более основательно. Едва он успел это сделать, как тут же пожалел о том, что тьма покинула эти места. Прямо перед ним возвышалась гора сваленных друг на друга человеческих тел. Причем взгляд владыки степей упирался лишь в центр этой горы, чтобы обозреть ее всю, ему пришлось бы изрядно повертеть головой. Люди лежали в тех же позах, в каких встретили свою смерть. Сосчитать количество трупов представлялось невозможным.

И вдруг... Глаза одного из мертвецов показались Эрдэни знакомыми. Черт возьми! Это же Тэлмэн! Поганец Тэлмэн, из-за которого он потерял добрую половину своего авангарда! Однако гнев хунтайджи тут же сменился диким суеве-

ным страхом. Когда он узнал, что его воины разгромлены, то разразился самыми страшными проклятьями в адрес своего верного полководца. Сейчас эти проклятья могут выйти ему боком.

Тэлмэн продолжал смотреть на него остывшими глазами. Он лежал у самого основания жуткого холма. Вернее, полулежал, прислонившись спиной к своим сваленным друг на друга воинам. Прямо посреди могучего лба торчала длинная стрела с испачканным кровью опереньем. Запекшаяся красно-бурая струйка на его лице тянулась почему-то не вниз, а в сторону – к виску. Выглядело все так, словно кто-то нарочно уложил здесь ойратского богатыря уже после смерти.

Необычным было и выражение его лица, будто он умер вовсе не от попавшей в него стрелы, а от удивления. Именно это чувство отчетливо читалось на покрытом шрамами лице Тэлмэна.

Ворон, которого спугнул хунтайджи, вскоре понял, что единственный живой человек не представляет для него опасности. С разъедающим нутро карканьем он вернулся к месту пиршества. Похоже, этот падальщик, довольный своей находкой, приглашал собратьев разделить с ним щедрую трапезу. И те незамедлительно явились. Налетев с радостными криками, птицы стали рвать из тел мертвых ойратов куски мяса. Те, кому повезло больше, наслаждались поеданием глаз, остальные хватались клювами за что придется. Прошло совсем немного времени, и адские создания облепили всю

эту необъятную гору, образованную человеческими телами.

Словно зачарованный, смотрел на происходящее правитель и не понимал, почему не может оторвать взгляда. Пиршество было в самом разгаре. Казалось, вороны всего света слетелись полакомиться свежей мертвечиной в это жуткое ущелье.

Внезапно один из воронов встrepенулся. Потом его снова что-то вспугнуло. Птица отлетела на безопасное расстояние и возвращаться на прежнее место уже не стала. Батур посмотрел туда, где еще секунду назад пировал падальщик. В бесформенной куче чьих-то рук, ног и голов что-то зашевелилось. Откуда-то изнутри стал пробиваться тоненький лучик света, ударивший прямо в глаза. Он становился мощнее и шире, раздвигая трупы своим сиянием. Это не было похоже на свечение солнца или луны. Никогда прежде Батуру не приходилось видеть такого яркого света.

Глазам стало больно. Эрдэни выставил вперед ладонь, чтобы не ослепнуть. Когда свет наконец погас, Батур опустил руку. Перед ним опять оказалось уже знакомое существо – дух нерожденного брата, являвшийся ему в бреду. На этот раз он обрел более отчетливые очертания.

Эфемерный светящийся карлик с непомерно большой головой повис в воздухе прямо перед его лицом. Он молчал. Глаза были закрыты. Тоненькие ручонки сложены на взбухшем животе. Ножки чуть согнуты. Дух плавно покачивался в воздухе, не издавая ни звука.

– Опять ты! – не выдержал Батур.

Карлик резко открыл глаза. Хунтайджи вздрогнул. Из двух узеньких щелок на него взирали белки глаз, ставшие алыми. Они стекали из глазниц двумя тоненькими струйками, но все никак не могли вытечь полностью.

Стало так тихо, что Батур слышал, как колотится собственное сердце. Его бросало то в жар, то в холод. Волосы на голове зашевелились. Он не мог двигаться. Но все же сделал над собой усилие и спросил:

– Почему ты молчишь? Где я? Скажи, что это кошмарный сон и ты мне только снишься.

– Вам, смертным, не дано знать, что есть сон, а что – реальность, – загадочно ответил дух знакомым тоненьким голоском. При этом его маленький безгубый рот оставался неподвижным. – Всех этих людей погубил ты! А многих ли из них ты можешь назвать по имени?..

Карлик продолжал отповедь хунтайджи, но слышать его леденящий душу голос Батуру было не под силу. Он зажал уши руками и зажмурился, надеясь, что кошмар исчезнет. Этого не произошло. Дух висел на прежнем месте.

– Ответь же наконец, что тебе нужно от меня? – в отчаянии завопил Эрдэни.

– Не повышай голоса! Ты не уважал этих людей, когда они были живы, так прояви уважение хотя бы к их смерти. Мне от тебя ничего не нужно. Поверь, общение с тобой доставляет мне такое же удовольствие, как и тебе. Ты сам виноват

во всем. Я предупреджал тебя, но ты не придавал нашей первой встрече значения. Еще не поздно остановиться. Уведи людей! Не губи свое войско!

Последние слова призрака вернули хунтайджи способность мыслить. Хотя страх все еще владел его сознанием.

– Чушь! Под моим началом самая сильная в Степи армия. Любой, кто встанет на моем пути, будет уничтожен. Глупец Тэлмэн сам во всем виноват! Я дал ему два тумена отборных воинов! Это он погубил их, не я!

Из глаз карлика продолжали сочиться кровавые слезы. Он ответил не сразу.

– А ведь Тэлмэн до конца оставался верен тебе! Он погиб за твои идеи. Погиб, как герой! С оружием в руках. Очень скоро ты пожалеешь, что так бездарно распорядился достойнейшим из своих полководцев.

Батур не знал, что сказать на это. Обстоятельства гибели Тэлмэна, на самом деле, оставались для него загадкой – те, кому довелось наблюдать его смерть, вскоре сами покинули Мир людей³⁰.

– Я пришел не за тем, чтобы отобрать чужое, – стал оправдываться Батур. – Я пришел за своим. Все народы Степи обязаны признать мою власть.

– Зря я надеялся переубедить тебя, – обреченно вздохнул карлик. – Тебе и твоим детям предстоит пролить еще много крови, но мечта так и останется мечтой.

---

³⁰ В буддизме один из шести миров в цикле возможных перерождений.

Последних слов Батур не расслышал из-за громкого стального лязга, эхом пронесшегося по скалам. Призрак обернулся на шум и тут же растаял. Все вокруг снова погрузилось во мрак.

Глава 37. Изгнанник

– Мама, я скоро встану. Еще чуть-чуть полежу и встану... – спросонья пробормотал Мирас. С трудом, лишь на мгновение, разлепив глаза, он снова погрузился в дрему.

Хунтайджи великодушно позволил своим людям самостоятельно решить судьбу захваченного ими казаха. Последние, так и не придя к единому мнению, отложили этот вопрос до утра. Ойраты не особо заботились о своем пленнике. Мираса привязали к большому деревянному колесу какого-то обоза и оставили сидеть на промерзлой земле.

Спустя какое-то время кто-то снова принялся его тормозить. Чья-то сильная рука трясла худое плечо юноши. От этого бессильно упавшую на грудь голову стало бросать то вверх, то вниз. Только тогда Мирас проснулся. Не имея возможности протереть глаза, чтобы окончательно снять с них сонную пелену, он часто заморгал. Тряска прекратилась. Железная хватка ослабла.

Разглядеть человека, бесцеремонно ворвавшегося в мир его снов, Мирас не смог – рассвет близился, но вокруг все еще властвовала ночь. При этом каржас явственно ощущал

на себе тяжелый взгляд. Будто тот, кто разбудил его, видел в темноте, как кошка. Он был совсем рядом – на расстоянии вытянутой руки.

– Кто здесь? – первым спросил Мирас на родном языке.

Послышалось какое-то движение. Незнакомец подался вперед. Вынырнувший из темноты силуэт показался пленнику знакомым.

– Мирас?.. – неуверенно прошептал пришелец. – Так ты жив!

Амантай! Вот кто вернул его в реальность. Сын найманского бия, непонятно как очутившийся в самом логове врага, в один миг превратился для Мираса в самого родного на земле человека.

– Мирас, это в самом деле ты? – нетерпеливо, но все так же тихо переспросил найман. – Чего молчишь? Это ведь я – Амантай.

– Что ты тут делаешь? – тоже шепотом спросил Мирас, проигнорировав вопросы батыра.

– Братишка! Как я рад тебя видеть! – Амантай снова принялся трясти полусонного Мираса. На этот раз обеими ручищами. – Сейчас, погоди, я освобожу тебя.

После недолгой возни путы ослабли. Пленник высвободил руки и бросился в объятия своего спасителя.

Никогда прежде Мирас не испытывал ничего подобного. В эти минуты Амантай был для него одновременно и отцом, и братом, и лучшим другом. Его порыв не был похож на

обычную благодарность. Между двумя молодыми людьми в одночасье возникло ощущение сильной привязанности друг к другу. В том, что это чувство было взаимным, Мирас почему-то не сомневался. Он даже ощутил, что к горлу подкатывает здоровенный ком, а уголки глаз наливаются тяжестью, – вот-вот заплачет. Нелегко дались пареньку первые в жизни серьезные испытания.

Чтобы побороть секундную слабость, Мирас сам ослабил объятья.

– Так что ты тут делаешь? – повторил он свой вопрос.

– Пришел за головой джунгарского хана, – как бы между прочим ответил Амантай.

– За какой еще головой? погоди! Ты что, один?!

– Один. Жангир изгнал меня. Ничего другого мне теперь не остается.

– Изгнал?! За что?

– Слишком мало времени, братишка. Тебе нужно уходить. Скоро взойдет солнце.

– Так не пойдет! – запротестовал Мирас. – Я без тебя никуда не пойду. Я – с тобой...

– Слишком много слов. У наших братьев сейчас каждый сарбаз на счету. Твое место там. А я смогу вернуться, только если принесу Жангиру голову его врага.

– О чем ты говоришь! Это невозможно. В одиночку у тебя ничего не получится. Даже если ты убьешь его, живым тебе не выбраться.

В полной тишине Мирас почувствовал, что его новый друг чему-то улыбается.

– Значит, такова моя судьба. Я умру здесь, а ты расскажешь остальным, что я не трус и не предатель... – Только теперь его голос слегка дрогнул. – И пусть тогда мудрые акыны сложат обо мне песни.

Мирас хотел было снова возразить, но Амантай не дал ему раскрыть рта.

– Тебе пора. Караульные, на которых я наткнулся, когда шел сюда, спали. Я заколол их. Иди как можно тише. Держись подальше от костров.

Тяжелый груз лежал на сердце молодого казаха, пробиравшегося в потемках к своим сородичам. Несколько раз он останавливался, всерьез подумывая над тем, чтобы вернуться в ойратский лагерь, из которого чудом выбрался. И всякий раз он заставлял себя идти дальше. Мирасу не давал покоя вопрос: действительно ли он должен был уйти, или тем самым проявляет трусость? Еще больше его терзала другая мысль: чем храбрый Амантай мог так разгневать султана Жангира?

Размышляя над этим, молодой сарбаз даже не заметил, как начало светать. Две высокие скалы, образовавшие узкий проход в земли казахов высились совсем близко. Он уже не боялся собственных шагов, так как теперь враги вряд ли могли его услышать.

Возвращаться было поздно. Мирас зашагал увереннее, и

когда все сомнения, хоть и не без труда, были отброшены, до его уха докатился едва уловимый шум. Он исходил со стороны ойратского лагеря, оставшегося далеко позади. Мирас сразу все понял. От страшной догадки по щекам двумя тяжелыми ручьями потекли предательские слезы. Где-то там, в самом логове хищного врага, давал последний бой человек, спасший ему жизнь.

Глава 38. Утро второго дня

Ранее солнце еще только пробивалось в скалистый проем, где окопалось маленькое казахское войско, а четвертый сын покойного хана уже пребывал на ногах. Голова султана была ясной. Это не могло не радовать. Жангир понимал: от того, как сложатся дальнейшие события, зависит вся его жизнь.

По случаю вчерашней победы он оделся понаряднее и, учитывая важность момента, перед выходом взгляделся в свое отражение в продолговатом бронзовом зеркале с серебряной ручкой. Никогда не покидавший султана Маралбек молча ожидал, когда повелитель завершит свои приготовления. Больше в главной юрте никого не было.

Снаружи уже раздавались задиристые голоса возбужденных успехом сарбазов, стекавшихся к ставке. На смену ночному караулу выдвинулся дневной. Совет планировалось начать на рассвете. По желанию султана, в обсуждении дальнейших действий должны были участвовать не только име-

нитые батыры, но и простые сарбазы. Жангир впервые за все это время намеревался выступить перед своими воинами.

Предводитель казахов передал зеркало толенгиту и поднялся с места. Он намеренно отклонил помощь услужливого Маралбека – не стал опираться на его руку. Когда тот, выйдя из юрты первым, открыл перед ним полог, лагерь затих. Жангир с величественным видом вышел наружу. Все присутствовавшие, включая батыров и биев, встали на колени и склонили головы, прижав ладонь к сердцу.

– Ассаламуагалейкум, братья!

Султан высоко поднял руку в приветствии. При этом его средний и безымянный пальцы прижались к большому, а указательный и мизинец оттопырились. Этот древний жест, имитировавший волчью голову, означал единство потомков прародителя тюрков. Сарбазы ответили тем же приветствием.

– Братья, вчера был хороший день. Мы выстояли. Сумеем ли мы выдержать натиск ойратов сегодня, когда они собрались с силами и готовят новую атаку? Об этом известно только Аллаху. Жалантос-бахадур еще в пути. Нам нужно выиграть время. Вот мое решение: я отправлю к ойратам послов с предложением. Прежде чем я скажу, что это за предложение, я хочу знать, каждый ли из вас готов отдать жизнь за свою землю?

Сарбазы снова оживились. Началось с передних рядов. Не сговариваясь, воины, издавая ритмичные ухающие зву-

ки, поднимали и опускали свои копья. Движение вскоре подхватили и все остальные. Султан довольно улыбнулся. Жестом остановил своих сарбазов и, когда все затихли, заговорил снова:

– Я горд вами, братья! Потомки будут слагать легенды о вашей храбрости и силе. Вы все заслуживаете уважения, но сейчас мне нужен только один. Мы вызовем недругов на поединок. Условие таково: если победит казах, то Эрдэни уведет свое войско и граница между казахскими и ойратскими кочевьями останется прежней. Если победит ойрат, я признаю власть хунтайджи и присягну на верность Батуру...

На этом месте Жангир сделал паузу. Опустив голову, он едва заметно скривил гневную гримасу, суть которой выяснилась, когда он продолжил:

– Вчерашний поступок одного из моих сарбазов лишил меня возможности самому выйти на поединок с Батуром. Джунгары теперь не поверят мне. Поэтому я обращаюсь к вам. Кто из вас готов выступить от имени всех казахов?

Сначала вполголоса, затем все отчетливее воины стали выкрикивать имена батыров. Громче всех звучало имя шапрашты Карасая и аргына Аргынтая. Повинуясь воле большинства, оба вышли вперед.

Султан поднял ладонь, и все снова затихли.

– Итак, выбор сделан, – подытожил Жангир, – но вас двое, а мне нужен один.

Друзья переглянулись, после чего Карасай, не говоря ни

слова, сделал шаг назад. Несуразно сложенный, низкорослый Аргынтай остался в одиночестве.

– Так тому и быть. Послов возглавит Кульмагамбет из рода Каржас. Он мудр и найдет нужные слова. Кулеке, возьми с собой двух-трех сарбазов и, как только будешь готов, выдвигайся. Все остальные – занимайте свои позиции. Батур может не согласиться, а мы должны оказать ему прием не хуже вчерашнего. У меня все.

Сарбазы стали расходиться. Первым делом Жангир направился к бию, которому предстояло отправиться в стан врага. При приближении султана Кульмагамбет второй раз за утро склонил голову.

– Простите, Кулеке, больше некого отправить, – начал с извинений Жангир.

– Все нормально, султан, – с достоинством ответил бий. – Я благодарен за доверие.

– И все же прости, – настаивал Жангир. – Если хунтайджи отклонит предложение, живым тебе не выбраться.

– Не переживай за меня, султан. Даже если такое произойдет, не беда – я свое пожил.

– Да прибудет с тобой Аллах! – пожелал Жангир на прощанье и двинулся было дальше, но Кульмагамбет его остановил:

– Позволь задержать тебя, султан! Тот жигит, которого ты вчера изгнал, Амантай...

– Не хочу ничего слышать о нем! – раздраженно махнул

рукой повелитель.

– ...Ночью он пытался убить Батура.

Эти слова заставили султана измениться в лице. Не давая ему опомниться, Кульмагамбет продолжил:

– Он пробрался в их лагерь, убил несколько караульных и даже успел освободить Мираса – нашего сарбаза, попавшего в плен. Помог ему бежать. Ты должен помнить Мираса. Он получил от тебя в подарок меч.

Жангир кивнул, давая понять, что вспомнил паренька, о котором идет речь.

– Зачем ты говоришь мне об этом?

– Я хочу, чтобы ты знал: Амантай предан тебе.

Так и не ответив, Жангир пошел дальше. Оба понимали, что своим поступком Амантай только усложнил задачу послам. Получалось, что сын Есима отправлял людей на верную смерть. И Кульмагамбет был готов принять ее...

Глава 39. ДОГОВОР

Кульмагамбет не питал никаких иллюзий по поводу решения, которое должен принять ойратский владыка. По большому счету, Жангир вел себя очень дерзко. Он не только отогнал грозного врага огненной метлой. Казахский султан устроил покушение на хунтайджи и убил одного из главных его полководцев. Так, во всяком случае, это выглядело со стороны. А бия каржасов почитали как раз за то, что он умел

видеть любую ситуацию не только изнутри, но и со стороны.

По обе стороны от Кульмагамбета сидели два его свояка: Жомарт и Таймас. Переговорщики явились в ставку Батура к полудню и были немало удивлены тем, что ойратское войско как будто и не готовилось предпринять новый штурм злополучного ущелья.

Пока все шло так, как того требовал степной кодекс чести: послы допустили к правителю и даже не стали обыскивать. А ведь это решение могло обернуться для джунгар настоящей проблемой – у каждого из казахов за голенищем сапога был припрятан длинный кривой кинжал. Бий не хотел погибать смертью жертвенного барана и решил: если уж ему уготовано погибнуть от рук врага, то он сделает это с оружием. Ни Жомарт, ни Таймас возражений не выказывали. Главное – они пошли с ним.

Батур возвышался на походном троне и с сосредоточенным видом слушал толмача, разъяснявшего ему смысл предложения Жангира. Трое переговорщиков напряженно ловили малейшее движение каждой мышцы на лице хунтайджи, пытаясь предугадать ход его размышлений.

Однако лицо джунгарского правителя не выдавало абсолютно никаких чувств. Когда наконец переводчик закончил, Батур заговорил, обращаясь к сидевшему в середине Кульмагамбету.

Бий весь обратился в слух, хотя и не мог понять ничего из сказанного. К счастью, Эрдэни ограничился коротким во-

просом, который толмач произнес с грубоватым акцентом:

– Неужэлы Джэнгэр думаэт, что у ойрат нэт болше ба-
хадур?

Нисколько не смутившись, Кульмагамбет ответил:

– Прости, хан, но я не знаю, о чем думает мой султан. Он
лишь велел мне передать его предложение. Я сделал это. Ка-
ков будет ответ?

Толмач склонился к уху повелителя. Выслушав его, Батур
заговорил снова. И опять ойратский правитель был краток.

– Пэрэдай Джэнгэр, сэгодня в полдэн. Двое драться, дру-
гие – смотрэт. Шэстсот шагов – казах, шэстсот шагов – ой-
рат.

Кульмагамбет мысленно выдохнул и расслабил руку, уже
приготовившуюся выхватить кинжал и совершить бросок.
Кажется, обошлось...

Глава 40. ПОЕДИНОК

Ойрат, с которым предстояло сразиться Аргынтаю, при-
был в условленное место первым. Хорошо защищенный
кольчугой и панцирем из стальных пластин, он был неподви-
жен. Только пучок длинных конских волос покачивался от
ветра на шпиле его высокого шлема. Лицо неприятеля вы-
глядело надменным.

Подобная попытка устрашения немало развеселила Ар-
гынтая. За двадцать лет, что он провел в непрерывных бит-

вах и стычках, он успел повидать разных противников. Такие, как этот джунгар, попадались чаще остальных. Сам казахский батыр был почти расслаблен. Слегка скользнув по будущему сопернику взглядом, он принялся разминать шею – в последнее время она стала доставлять батыру немало хлопот. Удовлетворившись раздавшимся хрустом позвонков, Аргынтай первым поднял копьё в знак приветствия. Ойрат, хоть и не сразу, но ответил тем же приветствием.

По неписаным законам кочевников, с этого момента противникам предоставлялась полная свобода действий. Ойрат ударил пятками своего гнедого. Конь с места ринулся в карьер, выбрасывая из-под копыт комья черной земли. Прикрываясь большим круглым щитом, джунгарский воин выставил вперед длинное копьё.

Вместо того чтобы помчаться навстречу, Аргынтай продолжил стоять на месте. Разве что чуть сильнее сжал древко своего копьё. Оно было короче и легче и предназначалось только для метания. Когда враг оказался на досягаемом расстоянии, аргын размахнулся и сделал бросок. Наконечник глубоко вошел под острым углом в рыхлую землю прямо перед копытами вражеского коня. Лошадь ойрата испуганно заржала, вставая на дыбы. Этого и ожидал Аргынтай, в последнее время предпочитавший пешие схватки. Сбив опасную скорость противника, он смело двинулся вперед. Когда противнику удалось успокоить коня, преимущество было упущено. Расстояние между соперниками стремительно

сокращалось, и теперь ойрат имел куда меньше шансов выбить Аргынтая из седла.

И все же он попробовал кольнуть казаха, совершив тем самым свою первую ошибку. Батыр повернулся корпусом, пропуская острие мимо. Схватившись обеими руками за древко, он с силой потянул копьё недруга на себя.

Ойрат понял, что произошло, лишь очутившись на земле. Он растерянно мотал головой, выискивая на земле слетевший с головы шлем, который оказался ему велик. С его выбритой головы свисало два пучка волос: густая черная челка до бровей и длинная тоненькая косичка, спускавшаяся с затылка до лопаток. Спугнув ойратского коня, Аргынтай медленно кружил вокруг сваленного противника, поджидая, когда тот придет в себя.

Наконец казахский батыр и сам прыгнул на землю. Соперники встали друг против друга. Джунгар первым оголил свою саблю, но нападать не торопился, отдав инициативу Аргынтаю. Тот тоже потянулся к рукоятке алдаспана. Вытащив клинок изл ножен, батыр сделал пробный выпад. Удар получился не самый сильный, и ойрат легко отбил, после чего с силой оттолкнул казаха от себя щитом. Оба вернулись в исходное положение. Затем в атаку пошел джунгар. Аргынтай прикрылся щитом, и обмен ударами повторился.

Казах намеренно стал увеличивать темп, используя свое преимущество. Тяжеловооруженный соперник был неповоротлив и не всегда успевал вовремя выставить защиту. То-

гда клинок Аргынтая высекал сноп искр из стальных пластин, тесно устилавших доспехи ойрата. Джунгар оставался невредимым, но с каждой новой атакой становился пассивнее. Тем не менее, он все еще представлял серьезную опасность. Один из его выпадов едва не лишил казахского батыра головы. В последний момент аргын успел пригнуться, и клинок просвистел над ним.

* * *

Пот градом катился по лицу Цэрэга. Ойратский бахадур был измотан. Маленький кривоногий казах управлялся с саблей так, будто родился с ней. Главное преимущество джунгара обернулось теперь против него самого: туника из грубой кожи, покрытая множеством стальных пластин, превратила почти неуязвимого воина в неповоротливую мишень. К тому же грубая кольчуга больно царапала шею. Коротышка-казах всякий раз успевал увернуться от тяжелого клинка Цэрэга, после чего сам шел в атаку. При этом было заметно, что он не прикладывает особых усилий, а действует словно играючи. Так продолжалось довольно долго.

Когда Цэрэг узнал, что казахи дерзнули бросить ойратам вызов, он уже понимал, что это будет его поединок. Он не ошибся. Мудрый Эрдэни позволил бахадуру отомстить убийцам своего брата. Тэлмэн был старше Цэрэга на шесть лет. Считался лучшим полководцем ойратов. Его боялись враги и уважали соратники, а хунтайджи даже сделал своим

приближенным.

Узнав о смерти брата, Цэрэг первым делом спросил: «Как это случилось?» Из ответа очевидцев следовало, что Тэлмэн покинул мир людей непобежденным. Множество раз он участвовал в кровопролитных сражениях, но всегда оставался целым и невредимым, словно все тридцать три дэва во главе с самим Шакрой оберегали его от вражеских мечей и копий. А эти трусливые собаки подло убили его, нарушив священные законы поединка.

Он хотел уничтожить вражеского батыра с ходу. Так, чтобы ойраты поняли: брат славного Тэлмэна способен встать ему на замену. Когда же Цэрэг увидел соперника вблизи, то не сдержал улыбки: похоже, казахи совсем потеряли голову, если выставили на решающее противоборство такого несурьезного бойца.

Так ойратский бахадур думал, когда готовился снести коротышку-казаха с седла своим длинным копьём, чтобы добить его уже на земле. Теперь же, когда он сам оказался внизу, от прежней самоуверенности не осталось и следа. Бестолково растратив силы в самом начале поединка, Цэрэг не лез на рожон и предпочел оборону.

Казах тоже берег силы. Атаковал только для того, чтобы спровоцировать противника на необдуманый выпад. Цэрэг понимал это и на уловки не поддавался. Бой затягивался, а соперники продолжали осторожничать. Правда, казахскому батыру удалось сделать несколько удачных ударов, но ойра-

та спасли доспехи. Аргын постоянно двигался, то медленно, то быстро кружа вокруг Цэрэга. Ойрат был на чеку и старался всегда оставаться лицом к противнику. Внезапно нога бахадура наткнулась на что-то тяжелое. Он скосил глаза и незамедлительно принял решение. Резко подавшись вперед, якобы для удара, Цэрэг отвлек внимание казаха, внутренней стороной левой стопы подцепил оказавшийся под ним небольшой камень и метнул его в сторону неприятеля. Увесистый, с голову ребенка булыжник достиг цели, с глухим стуком ударившись о выставленное вперед бедро аргына. Тот начал падать, а Цэрэг, воспользовавшись этим, собрал остатки сил и занес кверху меч. Разящий удар бахадура должен был раскроить коротышке голову, но вместо этого, сталь глубоко вонзилась в землю.

Одновременно с этим левое бедро ойрата чем-то обожгло. Жар волной скатился вниз и угас. На смену пришла резкая боль, вынудившая раненую ногу подкоситься. Увертываясь от удара Цэрэга, кривоногий успел нырнуть под его щит и полоснуть по незащищенному доспехами бедру. Рана оказалась глубокой. Кровь густыми ручьями стекала на землю. Бахадур стоял на одном колене, прижимая к себе щит. Подняться уже не мог. Но хуже всего то, что он упустил соперника из виду.

Цэрэг ожидал удара в спину – самого простого способа расправы. Но, к его удивлению, казах поступать так не стал. Напротив, коротышка вышел, чуть прихрамывая, из-за спи-

ны раненого ойрата и встал перед ним, не спеша завершать бой. Теперь уже бахадуру приходилось смотреть на низкорослого соперника снизу вверх. Для бахадура это было унижительно. Словно понимая это, казах тянул время. Он демонстративно отбросил в сторону свой небольшой щит и взялся за рукоять меча двумя руками. Лицо оставалось абсолютно бесстрастным, как на протяжении всего боя.

Ойрат напряжился, готовясь отразить новый выпад. И он сделал это, удачно подставив саблю под вражеский клинок. Удар не был отбит, клинки скрестились, и казах стал из всех сил давить на меч обеими руками. Положение было неравным. Рука Цэрэга тряслась от напряжения, пытаясь сдержать натиск.

В последний момент аргын резко отдернул меч и с силой ударил подошвой прямо в центр круглого щита, бесполезно прижатого к груди бахадура. Цэрэг повалился наземь. С трудом подобранный после падения шлем съехал на бок, закрывая обзор. Первым делом казах наступил на руку поверженного врага. Тот попытался лягнуть противника здоровой правой ногой, но этого не получилось. Тогда бахадур решил избавиться от щита, чтобы высвободить левую руку. Как ни странно, враг позволил ему это сделать. Отбросив щит, ойрат тут же поправил шлем, чтобы вновь обрести возможность видеть.

И он ее получил. Всего на несколько мгновений. Перед тем как из его горла забила тугая красная струйка, Цэрэг

успел услышать короткое незнакомое слово:

– Кешир.³¹

Глава 41. АТАКА НА УЩЕЛЬЕ

Нельзя сказать, что Батура не интересовал исход поединка, но особого значения он ему не придавал. Поэтому, когда Цэрэг оказался на земле, правитель ойратов только презрительно сплюнул. Негодования не было. Только легкое разочарование от того, что младший брат оказался лишь жалким подобием старшего. Перед началом битвы Эрдэни старался держать голову холодной, не поддаваясь человеческим слабостям. «Ничто не делает правителя таким слабым, как его чувства, – говорил Батуру отец. – Слабыми должны быть твои подданные. А тебе нужно уметь управлять их слабостями. Усвой это правило – и ты расстанешься с тронem только тогда, когда душа твоя покинет Мир людей».

Решение он принял прежде, чем соперники поздоровались друг с другом. И результат поединка никак не мог на него повлиять. Батур понимал, что казахи тянут время. Возможно, Жангир уговорил других султанов, или хотя бы одного из них, присоединиться к нему. Хунтайджи поступил просто – притворился. Сделал вид, будто попался на уловку и принял предложение противника.

На самом же деле Эрдэни надеялся выманить казахов из

---

³¹ Прости.

ущелья, ведь каждый из них считал своим долгом присутствовать при столь значимом событии. Место поединка тоже выбрали удачно. Укрепления казахов располагались на расстоянии полета стрелы.

Схватка бахадуров ничего не решала. Воины хунтайджи были наготове. Все ждали только команды к атаке. Тем не менее, поражение сородича не могло не задеть самолюбия ойратов. Уязвленные, они громко посылали торжествующему врагу проклятья. Огромное войско оцетинилось кривыми клинками и длинными копьями.

Тщетно пытаясь остановить бьющий из проткнутого горла фонтан, Цэрэг содрогался в конвульсиях. Когда бахадур затих, Эрдэни, восседавший на статном белом жеребце впереди всех, высоко поднял руку и резко ею махнул. Разгоряченные обидным исходом поединка, ойраты восприняли этот условный сигнал как подарок. С диким улюлюканьем несколько тысяч всадников галопом сорвались с места.

– Теперь твоя нора тебя не спасет, Жангир! – с легкой ухмылкой проговорил Эрдэни, мимо которого неудержимым потоком проносились все новые и новые всадники.

Когда первые конники вонзились в ряды противника, ускользающего в горловину скал, бóльшая часть казахов была уже в ущелье. А те, кого ойраты настигали, разворачивались и встречали врага лицом. Задним рядам не повезло больше всех: озверевшие джунгары рубили отставших сарбазов, почти не встречая сопротивления.

Но едва ойратская конница ворвалась в ущелье, как снова грянул гром из нескольких сотен ружей. Казахи были начеку – Жангир оказался не так наивен и оставил стрелков в засаде. Сейчас именно они сдерживали наступление ойратского войска, дав своим жигитам время для маневра.

Скалистую горловину, как и вчера, заволокло сизым туманом. Перепуганные кони истошно ржали и налетали друг на друга. Мергены продолжали стрелять, непрерывно сменяя друг друга. Дымовая завеса становилась гуще. Но задние ряды джунгар по-прежнему напирали на тех, кто был впереди.

Находясь в самом сердце своего войска, Батур не мог видеть того, что происходило у входа в ущелье. А между тем отступавшие казахи успели развернуться и начали контратаку. И без того медленное продвижение застопорилось окончательно. Эрдэни отдал приказ отойти. Ойраты стали медленно пятиться, густой лавой вытекая из скалистого прохода.

Однако хунтайджи был не так прост. Он решил использовать свое численное преимущество. Как только последние воины покинули каменную ловушку, в нее устремилась свежая пехота. Батур рассудил: раз его люди не имеют возможности биться вместе, значит, будут делать это по очереди.

Атаки ойратов волнами накатывали в укрепленное ущелье. Постоянно используя свежие силы, Эрдэни уравнивал свои шансы с противником. Джунгары несли большие потери, но

он снова и снова бросал людей в бой. Так продолжалось несколько часов. Выстрелы стали звучать реже. Видимо, казахи сэкономили снаряды. Значит, их запасы тают. Конец близок...

Глава 42. Возвращенцы

Положение казахов становилось критическим. К вечеру маленькое войско Жангира измоталось вконец. Зато у врага сил было предостаточно. За несколько часов жестокой бойни ойраты наловчились легко сменять друг друга. Конница доделывала работу пехоты, пехота подчищала за конницей. Под их неудержимым натиском сарбазы стали отступать, уходя все дальше и дальше от зоны обстрела.

Несмотря на это, султан оставался в авангарде, вдохновляя остальных своим примером. Положение ухудшалось тем, что в глубине ущелье расширялось, и отступавшие вынуждены были перестраиваться, растягивая ряды.

Жангир догадывался, что условия поединка вряд ли будут соблюдены. Особенно после выходки Амантая. По правде сказать, султан и сам не собирался сдаваться, если бы Аргынтай проиграл. Хотя в победе этого закаленного в боях батыра сын Есима не сомневался. Когда озлобленные обидным поражением сородича ойраты ринулись на казахов, их это на удивило. Аргынский батыр одержал победу, скорее принципиальную, чем решающую. При этом успел присоединиться

к товарищам до последовавшего столкновения.

Имея в распоряжении всего четыре сотни, Жангир тоже старался давать сарбазам короткий отдых. На переднем краю умещалась сотня, остальные в это время за спинами товарищей обстреливали джунгар из луков. На смену воинам Карасая выходил алшын Жиёмбет, того сменял Сарбук, а затем свою сотню выводил найман Коксерек, за которой на передние позиции опять возвращался Карасай. Султан был единственным, кто не позволял себе отдохнуть.

С раннего детства Жангир хорошо усвоил отцову мудрость: если ты решился дать бой, дерись так, будто готов умереть. Сын Есима ни разу в жизни не пренебрег этим правилом.

Видя, с каким остервенением казахский султан бросается на врага, ойраты действовали с опаской. Чаще всего он отвлекал на себя сразу несколько джунгар, успешно защищаясь и нанося удачные ответные удары. Слой за слоем на лезвие султановского алдаспана налипала кровь павших от его рук врагов.

Но так не могло продолжаться вечно. Воины Батура, благодаря превосходящей численности, были свежее и дрались ожесточенно. Они могли затянуть битву хоть до утра.

Поняв, что ситуация складывается не в их пользу, Жангир окончательно перестал дорожить жизнью. Один плен он уже пережил, но оказаться в руках врага дважды – перебор, особенно для представителя столь благородного рода. Поэтому

теперь он по-настоящему искал смерти: бросался в самую гущу неприятеля, нападал на тех, кто был заметно сильнее... Но получил лишь несколько незначительных порезов.

Внезапно заполненное шумом битвы ущелье оглушил многоголосый клич:

– Аруа-а-а-а-ах!

Жангир вздрогнул от неожиданности. Неужели Жалантос подошел так быстро? Нет, он должен появиться с другой стороны. Не успел султан обернуться, как оказавшийся рядом Аргынтай радостно прокричал ему в самое ухо:

– Султан, керей вернулись!

Такого Жангир даже предположить не мог. Он был уверен, что после ссоры с Беимбетом нажил себе кровного врага. Впрочем, в сложившейся ситуации предводителю казахов было не до размышлений на эту тему. Как только конница кереев приблизилась, пехота сарбазов по команде расступилась. Вовремя подоспевшее подкрепление изменило ход сражения. После недолгого сопротивления ойраты начали отступать. Казахи воспряли духом и стали теснить врага к окопавшимся в горловине стрелкам. К закату солнца обе стороны вернулись на утренние позиции. К счастью, джунгары не рискнули продолжать битву в темноте, ночь временно разве-ла противников.

Глава 43. О ЧЕМ молчит хунтайджи

Приближенные правителя Великой степи Эрдэни Батура – влиятельные нойоны, с которыми он отправился в поход на непокорных казахов, за последние годы успели привыкнуть к переменчивости его характера. При дворе даже родилось неписаное правило, которое звучало примерно так: «Если хунтайджи зол, злись с ним заодно, злись на его врагов. Если хунтайджи молчалив и задумчив, думай вместе с ним, подскажи решение. Если хунтайджи рад, радуйся вместе с ним, смейся и веселись».

В данный момент нужно было думать. Сын Гумэчи Хара-Хулы пребывал в молчании. Размеренными движениями пальцев он перебирал длинные четки, которые всегда носил с собой. Другой рукой хунтайджи теребил кончик своей клинообразной бородки. Батур не был голоден, поэтому от вечерней трапезы отказался. Нойонам в таких случаях тоже не полагалось есть. Все ждали, что скажет правитель. В шатре царила тишина, нарушаемая только шумом снаружи. Ни один придворный не проронил ни слова с тех пор, как оказался на совете.

Собственно, совета никто не назначал – общий сбор произошел автоматически. Нойоны давно усвоили: после боя их суровому хунтайджи всегда есть что сказать приближенным. Каждый из них занимал не последнюю должность в войске. В шатре повелителя собрались сейчас все, за исключением сгинувшего в пучине первого столкновения бахадура Тэлмэна.

Нойоны усиленно пытались разгадать ход мыслей повелителя. С одной стороны, поводов для расстройства было несколько: чертов поединок проигран, ущелье до сих пор не взято, казахи продержались еще один день. С другой стороны, сегодняшние потери не идут ни в какое сравнение со вчерашними. Ойраты сумели подстроиться и повернуть навязанные противником правила себе на пользу. К тому же казахи, похоже, лишились главного козыря – ружей. Снаряды иссякли еще до окончания битвы. Это очевидно.

Так о чем же думал хунтайджи?

А Батур был немало обеспокоен. Прежде всего, тем, что в казахское войско пришло первое подкрепление. Опоздай оно ненадолго – и ойраты встретили бы свежие силы противника уже с другой стороны ущелья, где их конница обрела бы истинную мощь. Не исключено, что за ночь лагерь Жангира разрастется еще больше. Не об этом ли предостерегал его дух? Может, действительно не стоило сейчас соваться к казахам, чтобы прогнать их с богатых пастбищ?

И еще одна мысль не давала Батуру покоя: какого демона забыл в его стане манчжурский прихвостень Билгутэй? Неужели Абахаю необходимо знать, как кочевники воюют друг с другом? Вряд ли. Если б его интересовал только поход, он не стал бы навязывать своего человека. Вывод напрашивался один: Билгутэю поручено разузнать как можно больше об ойратском войске. Призрачный «братик» что-то говорил о манчжурских обезьянах. Только вот что?

Как ни старался Батур вспомнить, память предательски молчала. Перед глазами всплывал лишь полупрозрачный лик мерзкого головастика. Даже явившись в воспоминаниях, дух вызвал у него приступ животного страха.

Хунтайджи невольно передернулся, и тут ему в голову пришла одна мысль: «А не настало ли время вывести гадюку на чистую воду?»

– Билгутэй! – нарочито жизнерадостно позвал он.

– Я здесь! – с готовностью откликнулся нойон.

– Подойди ближе! Я хочу видеть тебя.

Билгутэй приблизился к невысокому деревянному трону и склонил голову в неглубоком поклоне.

– Не желаешь ли ты взглянуть на трупы наших врагов? – пристально глядя на перебежчика, спросил Батур. – Будет, что рассказать потом своему новому повелителю.

Чуть замаявшись, Билгутэй ответил:

– Прости, Эрдэни, но я не понял тебя.

– Неужели с переходом на службу к Абахаю ты забыл родной язык? Может, мне теперь нужно объясняться с тобой по-манчжурски?

– Нет, я не забыл родного языка, – обиделся нойон. – Мне непонятен сам смысл твоих слов.

Хунтайджи усмехнулся в аккуратно подстриженные тонкие усики и продолжил:

– Смысл моих слов прост: я хочу предложить тебе отправиться на прогулку к ставке казахов. Своими глазами уви-

дишь моего главного врага – Жангира. Передашь ему мое предложение. А заодно узнаешь, каково казахам пришлось сегодня. Много ли их осталось, ожидается ли еще пополнение. Если, конечно, ты...

– Если что? – не выдержал паузы Билгутэй.

– Ты волен отказаться, – спокойно объяснил Батур. – Ты ведь теперь на другом поводке, так что рисковать тебе незачем.

Лицо Билгутэя вспыхнуло. Когда же собравшиеся нойоны стали тихо давиться от смеха, он весь побагровел. При этом сам Эрдэни с плохо скрываемой усмешкой давал своим поданным негласное разрешение осмеять ренегата.

Опозоренный вельможа вскочил с места как ошпаренный.

– Никто и никогда не называл Билгутэя трусом! – завопил он. – И я не пес – ни для тебя, ни для Абахая!

– Сядь, Билгутэй! – прорычал хунтайджи, в одно мгновение принявший совершенно другой облик. – Как ты смеешь повышать здесь голос! Либо ты возглавишь эти переговоры, либо тебя погонят отсюда как бродячую псину! Мне давно следовало поступить с тобой именно так.

– Да я...

– Говорить будешь, когда я позволю! – Нойоны притихли. – Я – правитель Великой степи, мои воины не боятся никого. И твоих манчжуров тоже. Можешь так и передать своему хозяину. А пока ты в моем распоряжении, будешь слушаться меня или убирайся прочь! Отправляйся к казахам и

передай им мои слова...

Глава 44. После битвы

Странные чувства одолевали Жеку. За неполные двое суток он убил или покалечил сумасшедшее количество людей. И вроде все оправдано. Война поощряет массовые убийства. Но что-то было не так. Одно дело – мочить фрагов в виртуальном мире, и совсем другое – лишать жизни живых существ. Или все-таки нет? Может, это действительно страшный сон, и он скоро проснется? Может, этот мир нереален? Ведь то, что происходило сейчас, не поддавалось никакой логике. В душе царила черная пустота. Но больше всего Жеку угнетало то, что он чувствовал себя всего лишь винтиком в каком-то жутком механизме. Деталью. Не самой важной. Такой, которую всегда можно заменить. Ему дали ружье, и он начал стрелять. Иногда прицельно, чаще – наугад. В ушах сих пор стоял грохот ружейных залпов.

Жека устало разлегся прямо на земле, закинув руки за голову.

– Кури-ить охо-ота... – протянул он, стараясь заглушить шум в голове.

– И не говори, – звонко отозвался Максат, ложась рядом.

– Понимаю, что глупо, но все же... – Жека повернул голову к другу. – Тут никто не курит?

– Вряд ли...

Повисла пауза. Жека лег на левый бок, подперев голову рукой, чтоб было удобнее смотреть на друга. Свободной рукой он вытянул из-за спины ружье и положил рядом с собой.

– Завтра железками будем махать?

Макс непонимающе нахмурил брови. Пришлось объяснить:

– Рухлядь эта стрелять больше не может. Нечем! Дальше на саблях будем рубиться.

Макс разговор не поддержал. Он смотрел куда-то мимо. Жека обернулся и не поверил своим глазам. Мирас! К этому парню Жека проникся особой симпатией. Тихий, спокойный. Что-то в нем было особенное. Пожалуй, искренность. Вот чем он притягивал к себе. И эту черту можно было разглядеть в нем, даже не вникая в то, о чем он говорит.

Мирас тоже заметил друзей, растянув губы в добродушной, но какой-то измученной улыбке.

– Как дела, друг? – спросил Жека по-казахски. Это была одна из немногочисленных фраз, которую он мог произнести без ошибок.

Все трое обменялись рукопожатиями, после чего Мирас заговорил, но Жека, естественно, ничего не понял. Дальнейшими расспросами занялся Макс, и чем больше он получал ответов, тем сильнее менялось выражение его лица.

Жека забеспокоился.

– Что он говорит?

– Плохо дело. Снаряды кончились не только у нас. А еще

сегодня мы потеряли больше двухсот человек убитыми.

– Это я и так понял, – перебил Жека. – А как с подкреплением? Ты же говорил, что кто-то должен к нам присоединиться.

Опять последовала серия вопросов и ответов, из которых Жека пытался выхватить хоть какое-нибудь знакомое слово.

– Сам не знает, – сообщил наконец Макс. – Он, оказывается, в плену был.

Вытянувшееся лицо друга вынудило Максата продолжить:

– Сегодня ночью сбежал. Здоровяка помнишь, с которым он дрался? Амантая? В общем, это он Мираса спас.

– А сейчас он где? – Жеку начинала раздражать манера друга выдавать информацию порциями.

– Убили, видимо, – равнодушно предположил Макс. – Он решил в лагере джунгар в Рэмбо поиграть: главного хана завалить.

– Мужики-ик!.. – одобрительно протянул Жека.

Его интересовали подробности, и на их выяснение ушел остаток вечера.

Разбитое на мелкие группы казахское войско наслаждалось ночным покоем. То там, то здесь аппетитно потрескивали костры, выпуская в темноту ночи снопы искр. Некоторые сарбазы уже спали. Другие перевязывали свои раны. Третьи, как и трое друзей, о чем-то беседовали.

Внезапно лагерь оживился. Сарбазы повставали с мест.

От одной группы к другой передавалась неожиданная новость: ойраты прислали переговорщиков!

Глава 45. ЕСЛИ язык острее меча

Не так прост был Билгутэй, чтобы позволять себя унижать какому-то степному царьку. Находясь под покровительством могущественного манчжурского хана, он не мог опуститься до посыльного ойратского хунтайджи. Абахай доверил ему представлять в ойратском войске интересы Манчжурии, и теперь Билгутэй посчитал, что самое время воспользоваться этой привилегией и начать свою игру.

Сложно сказать, какая муха ужалила Эрдэни, когда он рискнул отправить на переговоры к одному врагу другого недруга. Но такая ошибка могла обойтись ему дорого.

В юрте казахского султана Билгутэй держался с достоинством. За спиной посланника Эрдэни были два преданных своему владыке нойона, но это его не особо смущало.

– Меня зовут Билгутэй, – представился он. – Я состою на службе у великого хана манчжуров Абахая.

Толмач хотел было перевести, но Жангир жестом остановил его.

– Мне не важно, кто ты, – сказал он по-ойратски. – Мне сказали, что Батур хочет начать переговоры. Кто из вас будет вести их?

Лицо Билгутэя скривилось в злобной ухмылке. Он знал,

где казахский султан успел выучиться языку ойратов.

– Осади коней, султан, – спокойно молвил посланник. – Я тот, кто тебя интересуется..

– Вот как? – наигранно удивился Жангир. – Значит, ты решил оседлать сразу двух тулпаров?

– Батур хочет, чтобы твои воины сложили оружие, – не обращая внимания на колкость, продолжил Билгутэй. – Взамен он готов сделать тебя наместником земель к востоку от Иртыша. Кроме того Эрдэни предлагает тебе породниться, но я бы не стал этого делать.

– Почему? – теперь уже по-настоящему удивился султан.

– Потому что ты уже был свидетелем того, как Батур держит свое слово. Ведь он не выполнил условия поединка, нарушив древние законы Степи.

При этих словах сидевшие за спиной Билгутэя нойоны нервно заерзали и принялись о чем-то перешептываться.

– К тому же дни хунтайджи и его ханства сочтены, – продолжал ойрат. – Мой повелитель – богдахан Абахай – направится с ним, как только этого захочет. Династии Цин не нужны сильные северные соседи. Присягни на верность Абахая – получишь покровителя, о котором и мечтать не мог. Мой повелитель поможет тебе избавиться от ойратских набегов, а сам ты взойдешь на ханский трон.

Наконец один из нойонов не выдержал. Он вскочил на ноги и с размаху ударил говорившего носком сапога прямо в лицо. Второй набросился на Билгутэя сверху и начал его ду-

шить. Присутствовавшие при этом батыры насторожились. Те, что были моложе, даже повскакивали с мест.

– Успокойте этих шутов! – приказал Жангир своим людям.

Когда дерущихся разняли, султан вновь обратился к раскрасневшемуся от потасовки Билгутэю по-ойратски:

– Передай Батуру: пусть сначала покорит нас, а уж потом расставляет наместников. Если он уверен в своих возможностях, пускай больше не шлет ко мне болтунов. Острый язык присущ тем, у кого меч неостер. А на твоего Абахая мне наплевать! Если он так могуч, пусть доказывает это делом, а не словом. Мы любому хищнику сумеем обломать клыки! Это говорю тебе я – султан Жангир, сын хана Есима.

Местами султан переходил на родной язык, и Билгутэй не смог понять всего, о чем он говорил. Однако основную мысль ойратский нойон уловил. Держаться достойно и дальше уже не получалось: кто-то скрутил ему руки за спиной и крепко их удерживал. Судя по раздающемуся сзади кряхтению, с его спутниками казахи поступили точно так же.

Билгутэй хотел было ответить на дерзость султана, но тот дал отмашку своим подручным и всех троих выволокли из юрты.

Возвращаться к Батуру ему теперь нельзя. Собственно, Билгутэй это понимал загодя, когда узнал, что ему предстоит отправиться к казахам. Его затея провалилась. Жангир оказался не так умен, как он думал вначале.

Каким же все-таки надо быть дураком, чтобы в его положении отказываться от помощи! Этот выскочка-казах явно не годится на роль хана. Был бы он дальновиднее, все сложилось бы по-другому. Билгутэй остался бы в лагере казахов и лично обеспечил для них поставку пороха и ружей. С огнестрельным оружием эти дикари еще долго дрались бы друг с другом, а Абахая подобный расклад только на руку.

Как только казахи, сопровождавшие посланцев до выхода из ущелья, повернули назад, Билгутэй с силой хлестнул плетью доставшуюся ему клячу и умчался прочь. Он скрылся в темноте еще до того, как верноподданные Батура поняли, что произошло.

Глава 46. Ночь перед битвой

Помощь кереев подоспела вовремя. Не появившись они в нужный момент, ойраты дожали бы сарбазов Жангира. Правда, султан ошибся, предположив, что Беимбет покаялся и решил вернуться. Все оказалось гораздо проще. По дороге назад взбунтовавшийся бий неожиданно упал с лошади и подняться уже не смог. Керей не решились возвращаться в родные кочевья. Ведь никто, кроме самого Беимбета, не смог бы заставить их поверить в то, что исход из лагеря султана был не трусостью.

Однако двести кереев лишь заменили убитых. Для открытого боя людей по-прежнему не хватало. И все же Жанги-

ру следовало рискнуть. Оставаться в узкой теснине больше нельзя. Необходимо заманить неприятеля вглубь. Заставить неповоротливое ойратское войско втянуться в ущелье.

Незадолго до прихода переговорщиков от Батура, к султану явился другой гость. Жангир ждал его. Это был гонец от Жалантоса. Он сообщил, что подмога уже близко. Бухарцы спешили на помощь двумя туменами. По всем расчетам, завтра Жалантос должен выйти в тыл войска Батура. Именно поэтому Жангиру нужно было отступить. Чтобы лишить врага возможности маневра.

Как только ойраты ушли, Жангир поделился мыслями со своими батырами. Решил рассказать все, ничего не скрывая. А правда была суровой: завтрашний день для многих мог стать последним, ведь чем дальше казахи будут углубляться в долину, тем больше пространства появится у джунгар, так как ущелье расширялось к западу. Пользуясь численным преимуществом, враги сначала растянут фронт, а затем возьмут обороняющихся в кольцо. Вся надежда теперь только на Жалантоса.

Первым (это стало уже традицией) слово взял Карасай:

– Не прими в обиду, султан, но если все так, как ты говоришь, то тебе нельзя оставаться здесь до завтра. Казахи как никогда нуждаются в сильном правителе, а в случае твоей гибели сплотить народ будет некому. Скоро выборы хана, Жангир. Ты не должен забывать об этом.

– Он прав! – подал голос герой дня Аргынтай. – Ты обязан

помешать проведению выборов – сейчас не время для этого. Прежде тебе необходимо убедить всех сплотиться против врага.

Слова батыров растрогали султана, но он уже принял решение.

– Я привел вас сюда и разделю с вами любую участь, какой бы она ни была, – мягко начал он после затянувшегося молчания. – Не буду скрывать: я хочу занять трон отца, но ханом казахов не может быть человек, оставивший свое войско перед решающей битвой. Если судьба уготовила мне на завтра смерть, я приму ее с оружием в руках.

Карасай открыл было рот, чтобы возразить султану, но Жангир опередил его.

– А ты хитер, Карасай! – сказал он с лукавой улыбкой. – Хочешь, чтобы вся слава досталась тебе одному? Я тоже не прочь того, чтоб мое имя вошло в легенды.

Батыры отозвались недружным хохотом. Это была не самая удачная шутка Жангира, но она разрядила напряженную обстановку. К вопросу об участии султана в битве больше не возвращались. Собравшиеся перешли к обсуждению тактики предстоящего боя и закончили совет лишь глубокой ночью.

Глава 47. Ночной кровопИЙЦА

То лето в Тарбагатае выдалось жарким. Солнце нещадно

обжигало травы на склонах гор Тастау. По вискам только что избранного хунтайджи стекали капли тяжелого пота. Батуру очень хотелось снять с себя всю одежду, которая не давала дышать телу. Но делать этого сейчас нельзя было.

В честь своего избрания ханом всех ойратов Эрдэни устроил щедрый праздник. Хунтайджи не жалел ни коней, ни баранов, отдавая под нож целые табуны и стада. Даже старики не могли припомнить, когда еще в Степи был такой изобильный пир. Но не только богатством и роскошью вошли в историю эти дни. Ойраты впервые заявили о себе как о главной военной мощи в Степи.

Отныне он, Батур, – владыка всего Востока! Он уже видел себя на золотом престоле самого Чингисхана. По правде сказать, Эрдэни не был уверен, что трон знаменитого завоевателя действительно был из золота, но так, во всяком случае, ему говорили в детстве. В одном хунтайджи не сомневался: именно он рано или поздно восстановит прежнее величие своих предков.

Однако трона пока нет. Сейчас Эрдэни, как и все остальные, сидел в кругу зрителей, наблюдавших за увлекательной схваткой двух борцов. Разморенные кумысом и палящим солнцем ойратские нойоны громко подзадоривали соперников. Батур намеренно отказался укрыться под специально сооруженным для него навесом. Находясь среди подданных, он показывал всем, что вовсе не кичится своей властью.

Великий день его триумфа вряд ли могло испортить какое-то солнце. Да он теперь сам как солнце! Одно было плохо: хунтайджи никак не мог утолить жажду. Слуга то и дело подливал в опустевшую миску сладкого кумыса, который он тут же выпивал залпом. Только почему сладкого? Батур вдруг понял, что ни разу не задумался, отчего у знакомого с детства напитка такой странный вкус.

Толпа взревела. Один из борцов уложил соперника на лопатки, и те, кто болел за него, поднялись на ноги с торжествующим криком. Едва только тело поверженного обрушилось на вытоптанную траву, как земля под Батуром задрожала. Эрдэни повалился сначала на один бок, затем его перебросило на другой. Его трясло все сильнее и сильнее. Хотя все остальные вели себя как прежде. Никто, казалось, не замечал, что земля под ними вот-вот разверзнется.

Он пытался встать, но даже не успевал распрямить ноги, как новый толчок опять валил его на землю. После одного из таких падений он уже не смог подняться. Земля еще шаталась, но уже не подбрасывала. И вдруг все стихло. Просторная, богатая травами лощина, разделившая горы Тастау успокоилась. Стало так тихо, что Батур смог расслышать даже писк комара, пролетавшего мимо.

Он лежал на животе, распластав руки, и пытался определить, откуда приближается назойливое насекомое. То, что комар подлетает ближе, понять было несложно – противное зудение звучало все громче. Вернулась жажда. Батуру вновь

сильно хотелось пить – хотя бы глоточек сладкого кумыса. Преодолевая боль во всем теле, он заставил себя сесть.

Только теперь стало понятно, откуда взялась эта странная тишина. Он был один. Маленький и беспомощный человек. Соринка на лице древних гор. Куда же все подевались? Почему из всех «соринок» великие горы Тарбагатая решили оставить только его? Напрасно хунтайджи прочесывал взглядом зелень свежих трав, пытаясь найти хоть одну живую душу. Тщетно. Он был совсем один.

Только все тот же назойливый комар продолжал своим нудным зудением разъедать тишину. Его писк становился невыносимым. Наконец Эрдэни увидеть его. Кровосос летел прямо на него. Батур раздраженно замахал руками, пытаясь сбить насекомое на лету. Но комар приближался и увеличивался в размерах. Вскоре стало ясно, что это вовсе и не комар.

– Не может быть! – Глаза Батура расширились в ужасе. – Снова ты!

Комариный писк звучал все громче и громче, постепенно превращаясь в детский плач, а сам кровопийца становился похожим на окровавленную тушку. Бесформенные конечности складывались в кисти и стопы, а огромный нарост в виде головы стал обретать четкие очертания. С ледяным трепетом Эрдэни заглянул в огромные, навывкате глаза карлика. Лицо надрывающегося в диком плаче существа искажала жуткая гримаса. По тельцу стекали сгустки крови. Жиденькие ни-

точки волос вперемешку с красной жижей прилипли к голове. Это была не его кровь. Сам карлик был цел и невредим, но продолжал истошно орать. Он тянул к Батуру короткие пухлые ручонки, хватая крючковатыми пальцами воздух.

Эрдэни хотел отшатнуться от маленького чудовища, плывущего к нему, но тело ему не повиновалось. На смену жаре пришел мороз. Хунтайджи трясло то ли от холода, то ли от страха. Чтобы хоть как-то облегчить свое состояние, он тоже закричал.

Однако уродец орал громче. Перекрыть его рыдания было невозможно. Оказавшись совсем близко, он ухватился ручонками за палец Батура и запихнул его в свой беззубый рот. Плач моментально прекратился. Карлик принялся что-то в себя всасывать. Когда Эрдэни осознал происходящее, было уже поздно – последние жизненные силы покидали его тело. Хунтайджи снова стал заваливаться набок, но уже от немощи. Теперь он мог лишь безвольно шевелить губами, умоляя только об одном – дать попить.

Тем временем лицо карлика из страдающего сделалось злым. Злость сквозила в его мутном взгляде. Лишая правителя ойратов жизненных сил, он словно мстил за что-то.

– Пи-и-ить, – еле шевеля губами, прошептал хунтайджи.

– Я отберу всю твою силу! – ясно услышал он, хотя во рту уродца все еще находился его палец. – Не я должен был умереть, а ты!

– Пи-и-ить, – застонал он. – Пи-и-ить!..

От собственного стога Батур и проснулся. Первым, что он увидел, была макушка слуги, протягивавшего ему чашу. Облизнув пересохшие губы, хунтайджи выхватил сосуд с долгожданной влагой и в несколько глотков осушил его, пролив больше половины на себя.

Глава 48. Салкам

Отправив в свой тыл две сотни всадников, Жангир с оставшимися четырьмя сотнями выступил встречать ойратов. Отряды стрелков, частично восстановленные подоспевшими кереями, заняли позиции за частоколом. Правда, теперь вместо ружей у них были луки. Но задача осталась прежней – отвлекать на себя внимание неприятеля.

Султан не спал эту ночь. Бестолково ворочаясь с боку на бок, он снова и снова обдумывал каждое движение своего маленького войска. Даже пытался вспомнить, нет ли на пути отступления оврагов, способных замедлить движение сарбазов.

Едва в мрачноватое сырое ущелье брызнули первые лучи солнца, как Жангир послал толенгита за своими батырами. Те пробыли у султана недолго, после чего каждый направился к своей сотне. Жангир хотел видеть всех своих воинов.

Сарбазы построились довольно быстро. Каждый успел хорошо выучить свое место в строю и без труда определял, где располагалась его десятка и сотня. Путались лишь еще

не успевшие обвыкнуться кереи. По одному и группами они разбрелись по рядам, выискивая своих. Когда все построились, Жангир заговорил. Большинство сарбазов, особенно молодых, впервые так отчетливо слышали голос султана. Сын хана Есима, его пока еще не признанный наследник говорил очень мягко. Почти вкрадчиво. Никакого бравурного тона, коим так любили щеголять степные ораторы. Напротив, казалось, султан намеренно приглушает голос. Вечно о чем-то перешептывающиеся сарбазы затаились. Некоторые даже боялись дышать, дабы не пропустить ни единого слова полководца.

– Братья мои, я не знаю, что чувствуете сейчас вы, – говорил он, – но я знаю, что чувствую я. Страх. Но не думайте, что ваш султан трус. Меня не страшит смерть от вражеского меча – я боюсь, что враг придет на мою землю, когда я умру. Посмотрите на себя – вас так мало, что почти всех я знаю в лицо, а некоторых и по именам. Я помню, например, что тебя зовут Мирас. – Султан указал рукой на невысокого юношу, затерявшегося во втором ряду. – Сохранил ли ты мой подарок?

Мирас не успел ответить, так как султан и не ждал ответа. Все так же невозмутимо он продолжал:

– Вы еще осознаете, какой подвиг совершили за эти два дня. Осознаете, потому что поймете, насколько неравны наши силы. Как бы я хотел, чтобы все казахские жигиты были храбры, как вы! Ни один враг не посмел бы даже покуситься

на нашу землю! Сегодня я снова буду драться рядом с вами. Я буду частью вас, и не теряйте духа, если я паду. Деритесь так, чтобы враги решили, будто вы – бессмертны. Аруах!

Шесть сотен голосов тут же отозвались:

– Аруа-а-а-а-ах!

Следом войско пришло в движение. Командование конницей Жангир поручил Карасаю, сам же вновь возглавил основные силы. От ставки султана две сотни всадников направились в урочище Бестан – именно там казахи решили дать решающий бой. Приказ был ясен: сарбазы не должны ввязываться в стычки, а лишь умело вести тактическое отступление. Лучникам, расставленным за частоколом, на этот раз велено было смещаться вместе с ядром войска, прикрывая его с флангов.

Как и следовало ожидать, сначала Эрдэни бросил в бой конницу. Всадники уже не опасались лавины грохочущих выстрелов, а потому действовали свободнее, хотя глубоко врезаться в ряды казахов им так и не удалось. Разбившиеся на мелкие группы сарбазы Жангира встретили неприятеля выставленными вперед длинными копьями. Когда первую, самую опасную волну удалось отбить, воины, дерущиеся пешими, принялись закалывать ойратских коней, уравнивая свои шансы. Хорошо прикрывая друг друга, казахи умело отбивались, но не атаковали.

Вскоре сквозь увязших в ближнем бою конников на передний край стали просачиваться пешие ойраты, которые то-

же бились со знанием дела. Все новые и новые отряды врага проталкивались в узкую горловину, вынуждая своих воинов продвигаться вперед, а чужих – отступить.

Вскоре стало ясно, что отступавшие вместе с основными силами стрелки не приносят желаемого эффекта. Если кто-то из джунгар все-таки падал, сраженный выпущенной из-за укрепления стрелой, то просто тонул в потоке людей. К тому же ойратские нойоны начали ответный обстрел. Так что тучи стрел летели в обе стороны.

Ойраты накатывали волнами и с каждой новой волной продвигались вперед быстрее и увереннее. Казахи не теряли присутствия духа, хотя стали нести большие потери. Как и накануне, фронт начал растягиваться, и на одного сарбаза теперь приходилось по два, а то и больше, противника. Хуже всего, что расширяющееся ущелье предоставляло больше пространства для вражеской конницы. Правда, местами и лошади, и люди спотыкались о разбросанные повсюду трупы, оставшиеся после двух предыдущих битв, что немного сбивало темп наступления.

Жангир метался от одного фланга к другому, каждый раз стремясь оказаться там, где требовалось его присутствие. Султан сильно рисковал и несколько раз едва не погиб, но продолжал оставаться на переднем краю отступающего войска казахов. Он хорошо разбирался в военном деле и понимал: любое, даже самое продуманное отступление легко обратить в паническое бегство. Для этого нужно лишь заста-

вить противника поверить в неминуемость поражения. Ойраты это умели. И об этом султан тоже знал.

По мере продвижения к урочищу, где притаился Карасай со своей конницей, неприятельские силы только росли. Джунгары напирали. С каждым новым шагом отступающих они получали все больше пространства. А это единственное, что им требовалось для победы.

Молодые, еще не бывавшие в настоящем бою сарбазы не теряли присутствия духа лишь потому, что им было стыдно опозориться перед султаном. На это и делал ставку Жангир, когда в очередной раз бросался на помощь своим воинам.

Потери казахов росли. Раненых, убитых, даже тех, кто просто споткнулся, сразу вминали в землю. Ойратское войско набрало тот темп наступления, когда воины уже не смотрят под ноги. Спасительный частокол, за которым прежде укрывались лучники, остался далеко позади. Лишенные защиты стрелки уже давно дрались вместе с остальными.

Жангир изворачивался, как тигр, не прекращая при этом оглядываться по сторонам. В нескольких шагах от него размахивал саблей совсем еще юный сарбаз. Он узнал его. Это был тот самый юноша, которого он сегодня выделил в общем строю. Мирас – так его зовут. Кажется, он из каржасов.

А Мирасу приходилось несладко. Трое нападавших на него джунгар играли с ним, как три кошки с мышонком. Никто не торопился нанести смертельный удар. Каждый лишь слегка жалил. Они даже нападали по очереди, чем заметно

облегчали задачу казаху. Но сарбазы не спасало даже это. Он с трудом удерживал на весу тяжелый круглый щит, который отнимал много сил. Лицо парня было покрыто пленкой липкого пота.

И все же Мирас не сдавался. Начиная сказываться усталость, движения становились вялыми. Пятясь, он уже не оглядывался, чтобы осмотреться, и стал заметно отставать от своих. Жангир понял, что парню долго не продержаться. Увернувшись от размашистого удара очередного ойрата, султан нырнул ему под правый бок и с силой вогнал меч под ребро. Добивать не стал – не хотелось терять времени.

В два прыжка вождь казахов оказался рядом с молодым сарбазом и встал с ним плечом к плечу. Ойраты ненадолго пришли в замешательство. Воспользовавшись этим, Жангир проткнул одного и едва не зарубил второго – тот увернулся в последний момент. Ухмылка моментально исчезла с лиц неприятелей. Силы в схватке уравнились, но ненадолго. Не все джунгары знали, кем является этот отважный казах, который то и дело смещается от одного края обороны к другому. Но они быстро поняли, какую он представляет опасность. Туда, где появлялся султан, моментально стягивались большие силы. Так вышло и на этот раз. Не успел Жангир оглянуться, как его с Мирасом окружили. Основные силы казахов были довольно далеко и уже не могли им помочь.

Глаза султана забегали по лицам врагов: он выбирал, на кого напасть первым. Когда взгляд Жангира остановился на

том, кого он посчитал наиболее сильным, белки его глаз налились кровью. С диким ревом он бросился напролом. Вернее, сделал вид, что бросается напролом, тем самым сбив здоровяка с толку. Когда холодный клинок прошел меж стальными пластинами его панциря, углубляясь в плоть, на лице падающего ойрата читалось крайнее удивление. Дальше султан стал двигаться настолько быстро, что всем находившимся поблизости джунгарским воинам пришлось полностью переключиться на него. На Мираса уже никто не обращал внимания.

Жангир не сделал ни одного лишнего движения. Выносливости султана можно было позавидовать. Он был широкоплеч и мускулист, но на порядок ниже каждого, от кого ему приходилось отбиваться. А слишком большая голова не гармонировала с остальным телом. За некоторую несуразность телосложения его и прозвали в народе Салкамом, то есть «нескладным». Но Аргынтай, которого тоже трудно назвать великаном, обучил его многим хитростям поединка, где преимуществом был как раз невысокий рост. Эти знания оказались сейчас как никогда кстати.

И все же Жангир попал в окружение. Тщетные попытки прорваться к своим пока не приносили результатов. А где же тот мальчишка, на помощь которому он бросился?..

Глава 49. Стыд, поборовший страх

Что может чувствовать простой сарбаз, когда в битве его прикрывает не кто-нибудь, а сам султан? Мирасу было стыдно. Это снедающее чувство закралось к нему в душу еще утром, когда Жангир обратился к нему по имени.

И хотя султан не стал дожидаться ответа на свой вопрос, это не облегчило душевных терзаний Мираса. Меча у него не было. Более того, он был не просто потерян или сломан. Драгоценный дар самого Жангира попал в руки к врагам. Те ойраты, которые подобрали его с поля битвы, чуть не передрались за право обладания этим великолепным оружием.

А ведь он сам рвался в отряд летучих. И что в итоге: меч султана отобран, а сам он попал в плен, из которого выбрался лишь благодаря героическому поступку наймана Амантая.

Теперь же по его вине мог погибнуть еще один человек, и эта смерть станет куда страшнее потери попавшего в опалу сарбаза. Бестолково выставив перед собой щит, Мирас никак не мог заставить себя броситься на подмогу султану. Промедление грозило смертью. Ойраты обтекали дерущегося султана со всех сторон. Двигаясь мимо Мираса сплошной лавиной, они будто не считали молодого казаха, притаившегося за спиной Салкама, достойным своего внимания.

Султан отчаянно сопротивлялся. Он вертелся на месте, уворачиваясь от сыплющихся отовсюду ударов. Мирас же не смел пошевелиться. Боялся привлечь к себе внимание. Словно злые джинны заколдовали его, сковав все тело.

Один из тех, кто нападал сейчас на Жангир, настолько

увлекся битвой, что повернулся спиной к стоящему позади Мирасу. Сарбаз понял – это его шанс. Первым делом хотелось закричать. Громкий крик заглушил бы страх, но притянул бы к нему врагов, забывших о его существовании.

Юноша резко отвел щит в сторону и что было силы рубанул сверху. Клинок врезался в основание шеи – одно из немногих уязвимых мест ойратских воинов. Удар вышел сильным: разрубив несколько связок, лезвие глубоко вошло в кость. Не вытащить. Ойрат зашатался. Тело его стало биться в бешеных конвульсиях. Он упал на колени и повалился бы наземь ничком, если б не застрявший в шее меч, рукоять которого продолжал удерживать его губитель.

Теряя равновесие, умирающий ойрат чуть не сбил с ног ни о чем не подозревавшего Жангира. Султан резко обернулся и только теперь заметил позади себя сарбаза. Мирас в панике пытался высвободить саблю, но клинок намертво засел в теле убитого.

– Брось! – крикнул ему Жангир.

Мирас тут же ослабил руку и замер. Он услышал странный звук, раздавшийся откуда-то изнутри. От правого уголка губ потянулось что-то горячее. Во рту стало солоно. Сарбаз опустил голову и увидел торчащую в своем животе стрелу. Силы покинули его раньше, чем пришла боль. Ноги подкосились, и Мирас завалился на бок.

Глава 50. Услуга за услугу

Еле сдерживая подступавшее к горлу содержимое желудка, Жека отвернулся. Жутко было видеть, как корчится от боли молодой паренек, которому только что на его глазах отрубили руку по локоть. Он и смотрел-то на него всего несколько секунд, но эти секунды показалась ему вечностью. Бедняга истошно орал. Хватался левой рукой за культю, пытаясь остановить бьющий из нее поток крови. И все это произошло в каком-то метре от Жеки.

Видеть, как будут добивать обезвреженного сарбаза, ему тоже не хотелось. Помочь бедняге он не мог, поскольку нельзя было оставлять Макса одного. Жека опекал друга как мог. Интеллигентный Максат всегда был сторонником гуманизма и предпочитал не прибегать к насилию без особой надобности. Сейчас такая надобность появилась, но боец из Макса никакой. Откуда взяться опыту, если в его арсенале никогда не было грубой силы.

Пока друзья защищали высокие колья, все было нормально. Проблемы начались, как только частокол закончился. Макс вообще впервые держал в руке меч. Жеке, конечно, тоже иметь дело со средневековым оружием не приходилось, но приспособился он быстрее. Соединившись с основными силами, друзья, как и остальные сарбазы, должны были отбиваться от накатывающих волн вражеского войска и при этом все время пятиться. В отличие от других, Максат мог делать только что-то одно. Поэтому он просто пятился. Полностью

положившись на прочность своего щита, удачу и единственного друга, он лишь старался не отставать от остальных.

Где-то совсем рядом снова раздался чей-то надрывный крик. Жека не стал оборачиваться. Сейчас ему было не до любопытства: на него напал какой-то настырный джунгар, то и дело норовя разрубить его пополам. После одного из таких выпадов Жека отпихнул напористого противника щитом и нанес ему удар снизу. Изогнутое лезвие скрылось наполовину в животе ойрата. На этот раз рвотный рефлекс почти сработал. Жека оторвал взгляд от расширившихся глаз своей жертвы и высвободил окровавленный клинок.

За эти дни он, конечно, пережил многое, что и не снилось его современникам. Кому из них доводилось, например, биться на мечах насмерть? А вот Жеке довелось, и он был далеко не рад этому. Оказавшись здесь, он не раз видел смерть, более того, и сам был к этому причастен. Но одно дело – убить человека выстрелом на расстоянии, и совсем другое – зарезать собственными руками.

Впервые за дни сражения Жека осознал всю серьезность происходящего. Прежде окружающая его реальность казалась ему скорее игрой. Поэтому, когда он направлял длинное дуло ружья в сторону воинов неприятеля, его рука ни разу не дрогнула. Действовал почти хладнокровно. Ведь до последнего момента Жека до конца не верил, что все это происходит на самом деле. Версия, на которой настаивал Макс, отдавала запущенной формой шизофрении, а перемещение во

времени он вообще считал сказкой.

Никакого логического объяснения случившемуся не было. Просто вокруг него кипела средневековая битва. Самая настоящая. И она совсем не похожа на сцены из исторических боевиков. Никто здесь не работал на камеру. Каждый хотел только одного – выжить. Выжить во что бы то ни стало! А такой расклад говорил лишь об одном: все эти люди реальны, как и он сам. И ойрат с проткнутым брюхом не был загримированным каскадером. Он тоже хотел жить.

Все эти мысли пронесли в голове Жеки за какие-то мгновения, показавшиеся ему вечностью. Он пришел в себя, когда заметил опасность. На этот раз она угрожала не ему. На отступавшего рядом Максата напал здоровенный бугай. Он раз за разом бил по окованному сталью круглому щиту, пытаясь спровоцировать соперника на ответную реакцию. Однако Макс предпочел защиту, боясь раскрыться перед опасным противником. Нужно было спасти друга.

Жека решил отвлечь внимание бугая на себя. И это ему удалось. Он выбросил вперед руку с зажатой в ней саблей, однако ойрат оказался начеку и отбил удар. Следом уже Жеке пришлось прятаться за щитом. И тут произошло то, чего здоровяк и добивался. Макс попытался отплатить другу услугой за услугу. Но его выпад был слишком коряв – лезвие лишь рассекло воздух. Зато неприятель отреагировал мгновенно. Одним ударом он выбил саблю из рук Максата, а затем с силой ткнул его рукоятью в лицо. Макса повело в сто-

рону, он всем телом повалился на друга и сбил его с ног.

Жека барахтался на земле, пытаясь выбраться из-под свалившегося на него груза. В этот момент раздался пугающий хруст. Макс обмяк. Его тело послушно откатилось в сторону. Он лежал на спине, раскинув руки. Глаза его были открыты и неподвижны. В центре груди зияла ровная чернеющая прорезь.

Бугай не взглянул на побежденных. Судя по всему, он решил, что одним ударом покончил с обоими, и отправился на поиски новой жертвы. Вокруг раздавался звон бьющегося металла, крики, стоны, предсмертные хрипы, но Жека всего этого уже не слышал...

Глава 51. Последний бой

Никогда прежде Жека не чувствовал себя таким одиноким. Он снова оказался здесь. На этом громадном белом листе бумаги. Только теперь рядом не было Макса. Его теперь вообще нигде не было. Эта мысль угнетала больше всего. Макс ведь был ему не просто близким другом, а еще и той самой нитью, которая связывала весь этот бред с реальным миром. Миром, где потеряться и найти друг друга одинаково сложно. Миром, где все ненавидят чиновников-казнокрадов и одновременно хотят ими стать. Миром, где слово “человек” стало единицей исчисления, а не званием, которое нужно заслужить. Это был его мир. И он был частью этого мира.

А потом этот скачок во времени (или что это вообще такое?), непонятные люди с непонятными целями. Казахи, ойраты, батыры, сарбазы... битвы, ужас, боль, смерть... А что теперь?.. Перед глазами до сих пор стояли стеклянные глаза друга, слепо уткнувшиеся в небо.

Какая-то странная пустота заполнила душу. Страх перед неизвестностью, боль утраты, ненависть к людям, убившим Макса, – ничего этого уже не было. Лишь одна сплошная пустота.

Жека не знал, как долго он здесь, поскольку ощущение времени ушло вместе с осознанием пространства. Все то, что происходило с ним до этого момента, казалось чем-то нереальным. Выдуманным. А может, он все это время спал? Может, ему приснилось, что зовут его Евгений Юрьевич Маслов? Что живет он в славном городе Алматы. Что в этом сне у него был друг детства – Максат Сартаев, который решил стать великим писакой. Все это исчезло из реального мира вместе с ним. Да и как вообще определить, какой мир реален, а какой нет?..

Неизвестно, куда бы завели его эти размышления, если бы Жека не отвлекся. Он поймал себя на мысли, что пытается уловить странный, непонятно откуда возникший запах. И снова ощущение дежавю. Он уже слышал этот запах. Здесь же – в этой чертовой бумажной пустыне. Жека судорожно напряг память. В последний раз, когда он вдыхал этот запах, что-то произошло. Но что?

На помощь пришло зрение. Да, черт возьми! Все повторяется. На горизонте опять появился знакомый белый туман. А ноздри учуяли запах типографской краски. Только на этот раз облако двигалось куда быстрее. Белая полоса тумана приближалась стремительно, и, когда она была уже совсем близко, Жека отвернулся и прикрыл голову руками. Сильным ветром его едва не сбило с ног.

Внутри облака было шумно. Монотонный звук, похожий на гудение работающего пылесоса. Но шум нарастал и уже напоминал рев автомобильного мотора, который превращался в гул взлетающего самолета. А потом послышались человеческие крики. Их раздавалось все больше и больше. Кричали отовсюду и на разных языках.

Наконец облако уплыло дальше, оставив после себя легкую белую дымку. Перед самым Жекиным носом возникло застывшее в злобном оскале мертвое узкоглазое лицо. Это был тот самый ойрат, который только что отправил на тот свет его лучшего друга. Жека лежал на нем и с силой вдавливал сталь своего клинка в горло противнику. По лицу русского сарбаза стекала вязкая теплая жижа, брызгавшая из наполовину перерезанной шеи ойрата.

Глава 52. Маленький хищник против большой жертвы

– Черт! – громко выругался Жангир. – Жалко парня. А

впрочем... скоро мы с ним встретимся.

Договаривая последнюю фразу, султан резко обернулся назад и с размаху, не глядя, рубанул мечом сверху вниз. Стоявший за спиной ойрат зашатался от оглушительного удара по шлему. Потерял равновесие и упал. Почти обыденно Жангир добил поверженного врага. Просто полоснул лезвием по горлу и отвернулся, чтобы дать отпор следующему противнику.

Оказавшись в плотном кольце врагов, султан был обречен. Это понимали и ойраты, окружившие его, и сам Жангир. Каждый из джунгар готовился отразить удар, но никто не решался ударить первым. В их глазах предводитель казахов видел страх. А страх соперника – лучший союзник в схватке. Заручившись этим, Жангир опять заметался на месте, сыпля ударами во все стороны. Казалось, он просто отмахивается от врагов. Даже не пытаясь метиться, Жангир бил мечом то влево, то вправо, запутывая наседавших джунгар, поскольку нападения ждал один, а отбиваться приходилось другому.

По вискам градом стекал пот, но султан не чувствовал усталости. Он вообще ничего не чувствовал. Полностью отдался во власть заложенного в каждом кочевнике инстинкта воина. Вокруг него черной тенью танцевала смерть, собирая все новые и новые жертвы. И эти жертвы преподносил ей он – сын Есим-хана.

Услышав раздавшееся за спиной дикое ржание, Жангир

едва успел отскочить в сторону: две сотни притаившихся в засаде конников во главе с Карасаем врезались во вражеские ряды, отбрасывая волну наступления. Султан снова оказался среди своих и рванулся вслед за уходящими вперед всадниками. По урочищу опять разнесся древний боевой клич казахов.

Жангир тоже кричал. И этот крик придавал ему сил. Он надрывал голосовые связки, выкрикивая имена предков и призывая их на помощь. И они помогали, оберегали своего любимца – Жангир все еще был жив!

Услышав голос своего предводителя, казахи подхватили клич громким и дружным хором. Многотысячной армии джунгар до сих пор не удалось сломить дух маленького отряда. А теперь Жангир для сарбазов был не просто султаном, а некой святыней, придававшей воинам небывалую силу и храбрость.

Ойраты не отступали, хотя султан со своими сарбазами умело продавливали ряды неприятеля. Со всех сторон раздавались лязганье клинков и глухой хруст разрубаемых костей. Все это время казахи продолжали выкрикивать боевые кличи родов и имена своих предков. Но и враги не молчали. Задние ряды ойратов старались мощью своих голосов поддержать тех, кто ведет бой в авангарде. Вражеский рев стал вскоре довлеть, напоминая о численном превосходстве джунгар.

Во время коротких передышек Жангир стал прислушиваться к тому, что кричали враги. И чем дольше он слушал,

тем сильнее билось в груди его сердце. Кричали не только в урочище. На другом краю поля битвы несколько тысяч могучих голосов сотрясали горы одним-единственным словом:
– Аруах!

Сначала султан решил, что ему показалось. Но заветное слово слышалось все отчетливее. Сомнений быть не могло. Жалантос подает знак, что сдержал слово. Он здесь! Все еще находившиеся в большинстве ойраты замешкались. Опытным глазом Жангир определил, что соперник лишился немаловажного в битве качества – сплоченности. Каждый из ойратов дрался сам за себя. Каждый пытался сохранить собственную жизнь, не подозревая, что тем самым обрекает себя на смерть.

Маленькая жертва и большой хищник поменялись местами. Салкам Жангир сделал то, во что в Степи не верил никто: он показал клыки могущественному ойратскому владыке. Тогда, в день своего триумфа, будущий хан не догадывался, какие беды предстоит испытать его маленькому народу, и какую жертву придется принести ради избавления от грозного врага. Дети Алаша еще умоются кровью, оплачивая подвиг шестисот отчаянных сарбазов.

Глава 53. Последняя глава

Это было странное чувство. Макс сидел у койки самого близкого друга, слушал его и не понимал, о чем он говорит.

Вернее понимал, но далеко не все. В некоторых местах никогда не знавший казахского Жека переходил на странный диалект. Максату уже доводилось его слышать.

Сразу вспомнились статьи из научно-популярных журналов, которые он обожал читать в детстве. В них описывались случаи, когда люди после какого-то потрясения начинали говорить на незнакомых им языках. Но детство прошло. Журналы покрылись толстым слоем пыли и сгнули в старой коробке, исчезнувшей в глубинах кладовки. Максат и не догадывался, что его память до сих пор хранит в себе такие вещи.

Вслушиваясь в слова друга, он пожалел, что не сразу догадался включить диктофон. Жека отчетливо произносил каждый звук. Его голос звучал ровно и спокойно. Говорил он с типичной для аборигенов средневекового Казахстана интонацией.

– Знаешь, Макс... – Жека впервые перешел на русский, правда, теперь он говорил на нем с неестественным для себя акцентом. – Когда тебя убили, я тоже хотел умереть.

Он вздохнул и после паузы продолжил:

– Я бросался туда, где было жарко. Раскрывался перед ними, шел напролом, но меня даже не ранили. Так, только ногу поцарапали. Помнишь, мы в детстве прутиками срубали полынь и представляли себя самураями? В тот момент я, наверное, и был этим воображаемым самураем. Они все падали, падали, падали... а я оставался жив. Мне тогда показалось, что меня прокляли...

Снова пауза.

– А потом? – нетерпеливо разорвал тишину Максат.

– А потом я решил тебя найти. Чтобы похоронить. Но, когда я пришел туда, где ты остался, тебя там уже не было. Стал искать. Долго искал. За это время успели подобрать всех погибших. Но тебя среди них не было. Так дерьмово я себя еще никогда не чувствовал. Хотел даже брюхо себе вспороть. Духу не хватило. Хорошо, что мне встретился в тот момент Кульмагамбет. Он всех своих похоронил. Один остался. Я и пошел с ним. Стал с его родом кочевать. Знаешь, я ведь потом каждое утро выходил в степь и пялился на горизонт. Ждал, когда белая туча придет и вернет меня в мою прежнюю жизнь. Так она и не пришла.

– А как же ты тогда вернулся? – удивился Макс.

– Так же, как и ты, – умер. Состарился и умер, – без всяких эмоций ответил Жека.

– Состарился?!

– Да.

– А семьей ты случаем не обзавелся? – не к месту пошутил Максат.

– Конечно, обзавелся. Что же мне, одному там куковать?.. Эх, Максатик, я столько всего повидал, что ты для меня теперь как сынок!..

И тут Жека опять стал самим собой. Растянув овальное лицо в щербатой улыбке, он тихо засмеялся. Не заразиться этим неожиданно нахлынувшим весельем было невозмож-

но. Макс смеялся от души, но вовсе не над глупой шуточкой друга. Просто он был невероятно счастлив в эту минуту.

– Я рад тебя снова видеть, Макс!

Вместо ответа, Макс склонился над кроватью. Друзья обнялись.

Медсестрам с трудом удалось вытолкать засидевшегося посетителя.

На улице было сыро. Черное небо посыпало город мелкими брызгами. Пробивая толстый смог, нависший над седыми горами Заилийского Алатау, грязные капли забивались в щели и выбоины в асфальте.

Макс не смотрел под ноги. Легко и непринужденно он фланировал между прохожими, расплескивая мутные лужи. Ему ни разу не пришла в голову мысль о том, почему он до сих пор не промочил ноги. Миновав поворот, за которым располагалась автобусная остановка, он шел вперед, в совершенно ненужном для себя направлении.

Прохожих становилось все меньше, но те, кто еще встречался, смотрели на вышагивающего по лужам парня с веселой улыбкой. Хотя за мгновение до этого все они были угрюмы и даже злы из-за капризов погоды. Забавно, но практически каждый из них хотя бы раз в жизни бывал на месте того, над кем сейчас смеялся. Навестил в больнице друга. На обратном пути забыл снять бахилы – с кем не бывает!

Вроде ничего особенного, а злости уже нет.

* * *

Той же ночью Максат вскочил с постели от короткой трели мобильного, грянувшей в ночной тишине как гром среди ясного неба. Оживив пальцем сенсорный экран, он прочел короткий текст:

«Спишь? У нас отбой. Давай в сети пообщаемся?»

«И чего тебе не спится?» – первым делом написал Макс.

Жека вопрос проигнорировал, но зато задал свой:

«Слушай, я забыл спросить: ты книжку-то свою дописал?»

«Ну».

«А ты ее уже куда-нибудь выложил?»

«Ну».

«Чего “ну”? Ссылку давай!»

«Сейчас, что ли?»

«А что? Тебе сложно?»

«А до завтра подождать нельзя?»

«Скидывай-скидывай».

Деваться некуда. Далеко не сразу, но Максату все же удалось вспомнить логин и пароль своего кабинета на нужном сайте. Когда требуемый набор букв и символов был отправлен, от Жеки пришло новое сообщение:

«Теперь спи».

Книгу, на которую у Максата ушло четыре месяца, Жека

осилил за ночь. И уже утром его ждала короткая рецензия в электронном ящике: «Нормальная книга. Навыдумывал, конечно, много лишнего, но в целом ничего».

Далее в тексте была длинная ссылка. И с абзаца:

«Вот сюда зайти, я там коммент оставил».

Любопытство Макса увеличилось, когда он кликнул мышкой по указанному адресу. Этот сайт он успел хорошо изучить. Та самая сетевая «курилка», заставившая его взяться за перо. Оказалось, что жаркие дебаты здесь не утихают до сих пор. Около десятка пользователей, спрятавшись под сложночитаемыми интернет-кличками, поднимали вековую пыль с давней войны.

Последний комментарий гласил:

«Всем привет! – Далее следовала высланная Максатом ночью ссылка. – Эту книгу написал мой близкий друг. Кому интересно, почитайте. Можете написать свое, если посчитаете, что автор неправ. Это лучше, чем устраивать грызню на ровном месте. Всем мира!»

На краю последней строки примостился дружелюбный смайлик. И подпись: «Жакетай».